

2024

Том 15. № 1

2024. Vol. 15. No. 1

DOI: [10.19181/vis.2024.15.1](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Методология
в российской социологии**

/Анализ он-лайн радикализации

/Основания солидарности

/Брендинг регионов

/Неравенства
в российском образовании

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2024

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2024. Том 15. № 1

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2024

© Vestnik instituta sotziologii, 2024

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Исследования постглобализации в России: методы и результаты.....	8
Тема номера:	
Методология в российской социологии	13
<i>Зубок Ю. А., Карпова А. Ю., Савельев А. О.</i> Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения	13
<i>Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Тишков С. В.</i> Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне	43
<i>Сиразетдинова М. Ф.</i> Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств	70
Российские регионы в условиях постглобализации	91
<i>Киреева И. В., Куква Е. С., Шадже А. Ю.</i> Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ	91
<i>Москвин А. С., Кушова И. А.</i> Социально-культурные истоки пивного нейминга в Кировской области	114
<i>Балакина Г. Ф., Анайбан З. В.</i> Этносоциальный портрет молодежи Тувы	127
Государственные и муниципальные служащие в мегаполисах и локальностях	143
<i>Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Куликова А. А.</i> Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса.....	143
<i>Чирикова А. Е.</i> Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов	165
Проблемы образования в России.....	184
<i>Жаворонкова О. Р., Короленко Ю. Н.</i> Трансформации системы образования в контексте пространственного развития региона (на примере Республики Крым)	184
<i>Матвеев В. В., Большаков А. Ю.</i> Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований...	215

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Studies of Post-Globalization in Russia: Methods and Results.....	8
Topic of the Issue: Methodology in Russian Sociology	13
<i>Zubok Yu. A., Karpova A. Yu., Savelev A. O.</i> Practical Network Topology in the Study of Online Radicalisation of Youth: Opportunities and Limitations.....	13
<i>Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V.</i> Measuring Sociocultural Characteristics According to the Six Indicators of the Hofstede Model: Testing the Toolkit for Calculating Values at the Individual Level	43
<i>Sirazetdinova M. F.</i> Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability and Common Feelings.....	70
Russian Regions in the Conditions of Post-Globalization	91
<i>Kireeva I. V., Kukva E. S., Shadzhe A. Yu.</i> Regional Branding in Strengthening Russian National Identity: Empirical Challenge and Expert Response.....	91
<i>Moskvin A. S., Kushova I. A.</i> Socio-Cultural Origins of Beer Naming in the Kirov Region	114
<i>Balakina G. F., Anayban Z. V.</i> Ethno-Social Portrait of Young People in Tuva	127
State and Municipal Employees in Metropolises and Localities	143
<i>Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Kulikova A. A.</i> Balance of Work and Personal Life in the Perception of Civil Servants of the Metropolitan Megalopolis.....	143
<i>Chirikova A. E.</i> Power in Small Russian Cities: Managerial Problems and Motivation of Actors	165
Problems of Education in Russia	184
<i>Zhavoronkova O. R., Korolenko Ju. N.</i> Transformation of the Education System in the Context of Spatial Development of the Region (On the Example of the Republic of Crimea).....	184
<i>Matveev V. V., Bolshakov A. Yu.</i> Reproduction of Inequality in Russian Education: State and Prospects of Research	215

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.1

EDN: XFJQHK

Исследования постглобализации в России: методы и результаты

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Исследования постглобализации в России: методы и результаты // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.1; EDN: XFJQHK.

For citation: Aksenova O. V. Studies of post-globalization in Russia: methods and results. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.1; EDN: XFJQHK.

Для обозначения происходящих в последние годы изменений в России и мире нередко используется термин «турбулентность», в том числе и на страницах нашего журнала. Категория турбулентности позволяет, не вдаваясь в детали, обозначить время перемен: сложнейшие сплетения социально-экономических и социокультурных процессов и неожиданные метаморфозы ранее устойчивых феноменов. Однако исследовать реальность, которую мы этим понятием только зафиксировали, все же необходимо для того, чтобы иметь возможность ответить на извечный вопрос «что делать?» в стремительно наступающей новой эпохе. Ее уже несколько поспешно назвали «постглобализацией», однако в любом случае, начавшееся разрушение глобальной системы в ее нынешнем виде есть непосредственно данный, наблюдаемый факт.

Трудности исследования постглобализации заключаются, во-первых, в неясности вектора трансформаций, точнее в наличии разнонаправленных, а зачастую противоречащих друг другу тенденций, в которых, например, суверенизация сочетается с сохранением глобальных сетей и паттернов. Во-вторых, в затянувшемся кризисе социологии, обусловленном в числе прочего ускоряющимися трансформациями ее предмета. Поиск адекватного новым явлениям исследовательского метода стал одной из главных задач российских социологов и, поэтому, темой данного выпуска: «Проблемы методологии в российской социологии». В статьях, представленных в этой рубрике, авторы анализируют перспективы и ограничения новых методик сбора и анализа данных, в том числе и сложнейшего математического инструментария, позволяющего изучать формы проявления опасных социальных явлений в интернете. Рассматривается и теоретическая категория солидарности, едва ли не забытая в последние годы.

Номер открывает статья [Ю. А. Зубок](#) (Москва), [А. Ю. Карповой](#) (Томск), [А. О. Савельева](#) (Томск) «[Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения](#)». Она посвящена анализу перспектив использования методов сетевой топологии для изучения онлайн-радикализации молодежи. Технологии онлайн-исследований, начиная с bigdata, популярны, поскольку различного рода активно-

сти, включая политическую, в настоящее время осуществляются посредством интернета. Однако они имеют ряд серьезных ограничений, так, например, парадокс bigdata заключается в том, что значительный объем доступных для анализа данных, для конкретной прикладной задачи может быть недостаточным. В статье продемонстрированы возможности и пределы применения методов извлечения текстовых данных (tf-idf) и векторных представлений текста (doc2vec) для оценки контентного сходства онлайн-сообществ с признаками и без признаков радикализации. В статье показано, что при всех возможностях и преимуществах этих технологий, они не могут заменить всех остальных социологических исследований и самого социолога. Абсолютизация данных может привести к ошибкам в социальной диагностике и, соответственно, в принятии управленческих решений. В данном случае требуется знание особенностей молодежи, знание предпосылок и причин ее радикализации. По мнению авторов, роль исследователя, обладающего фундаментальными знаниями, остается по-прежнему ведущей. Авторы приходят к выводу, что социум невозможно изучить только при помощи анализа сетей, поэтому по-прежнему будут востребованы разнообразные исследовательские методики

В статье [А. Д. Волкова, А. О. Аверьянова, Н. А. Росляковой и С. В. Тишкова](#) (Петрозаводск) «Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне» представлены результаты исследования возможностей адаптации инструментария измерения социокультурных характеристик по модели Хофстеде на индивидуальном уровне в российских условиях. Исследование осуществлялось в Республике Карелия в 2023 году. Авторы показывают, с какими затруднениями столкнулись они при адаптации методики. Так, некоторые вопросы вызвали негативную реакцию у респондентов и отказ отвечать на них. Таким образом, метод требует определенной корректировки, но результаты свидетельствуют о высокой надежности используемого инструментария. Перспективными направлениями авторы полагают составление этнометрической базы данных регионов РФ по значениям социокультурных характеристик по модели Хофстеде; анализ закономерностей пространственной дифференциации показателей, изучение взаимовлияния компонентов триады «пространство – социокультурная специфика индивидов – воспроизводство человеческого капитала».

В статье [М. Ф. Сиразетдиновой](#) (Уфа) «Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств» рассматриваются концептуальные подходы российских исследователей к пониманию солидарности и ее социальных оснований. Обращение к теме солидарности представляется нам особо актуальным в связи с тем, что тенденции индивидуализации (точнее: атомизации общества) в условиях требующих взаимопомощи и поддержки крайне опасны и для общества, и для индивидов. Автор статьи полагает, что ни одно общество не остается жизнеспособным и прогрессивным в отсутствие солидарности, хотя ее формы изменчивы. В статье показаны представления российских социологов об основаниях солидарности, связанные с константами человеческого бытия и социальности: субъектности, предсказуемости и общности чувств. Субъектность понимается как способность социальных акторов к социаль-

ному творчеству и действиям в пользу социального целого. Предсказуемость социальной среды обеспечивает веру в общие ценности. Взаимопомощь и альтруизм внутри солидарных общностей невозможны без общности чувств социальных субъектов, связанной с общностью их жизненных миров.

Рубрика [«Российские регионы в условиях постглобализации»](#) содержит три статьи. Первые две методологически связывают традицию и инновацию, используя маркетинговые подходы, которые, тем не менее, оказались результативными в исследованиях традиционной социокультурной специфики регионов.

Статья [И. В. Киреевой, Е. С. Куквы, А. Ю. Шадже \(Майкоп\) «Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ»](#) посвящена анализу идентификационных процессов в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов, которые требуют консолидации общества. Методология брендинга применительно к региону актуализируется взрывным развитием внутреннего туризма в условиях санкционного давления Запада. Авторы рассматривают брендинг как часть региональной политики идентичности. Брендинг, по мнению авторов, укрепляет идентичность общероссийскую, не фрагментируя ее. Брендинг включает поиск ключевых образов-идей, конструируемых как снизу (населением республик), так и сверху (органами региональной власти совместно с бизнесом, СМИ и общественными организациями). Брендинг в итоге обеспечивает узнаваемость регионов.

В статье [А. С. Москвина, И. А. Кушовой \(Киров\) «Социально-культурные истоки пивного нейминга в Кировской области»](#) использован схожий методологический прием. Она сфокусирована на далеко не самой главной сфере региональной жизни: на особенностях названий местного пива. Авторы аргументируют свой выбор народностью напитка, который в современной России лидирует на рынке алкогольной продукции и становится, по сути, народным. По их мнению, изучение современного пивного нейминга и ретроспективный анализ изменений названий пива на примере магазинов города Кирова позволяют проследить культурную связь эпох или выявить ее отсутствие. Особый интерес к исследованию вызывает и то, что Киров (древний Хлынов и екатерининская Вятка) – один из центров формирования оригинальной автохтонно русской культуры. В статье показано, что наиболее часто в торговле пивом прибегают к дореволюционной и постсоветской стратегиям пивного нейминга, в которых названия были весьма разнообразны. Наименее популярна стратегия советская, которая была и наименее уникальной. Результаты исследования свидетельствуют о различных, иногда противоположных тенденциях и об интересе к прошлому, к дореволюционной культуре в данном случае. Пивной нейминг (и не только пивной) может быть использован для изучения идентичности но и, с нашей точки зрения, влияния глобализационных трендов.

Статья [Г. Ф. Балакиной, З. В. Айнабан \(Кызыл, Москва\) «Этносоциальный портрет молодежи Тувы»](#) посвящена исследованию особенностей социального поведения молодежи Республики Тыва, ее адаптации к современным социально-экономическим и социокультурным трансформациям. Авторы выявляют особенности изменений ценностных установок молодежи в сфере профессиональной ориентации и занятости. На основе

сравнительного ретроспективного анализа материалов исследований, проведенных под руководством авторов в 2010, 2015 и 2021 гг., была выявлена специфика формирования ценностей молодых людей в Республике Тыва. Авторы показывают, что адаптационные стратегии несколько различаются у представителей молодежи, относящихся к разным этническим группам. Однако вопрос о том, насколько это обусловлено именно этнокультурными особенностями требует дополнительного исследования. Ценностные установки тувинцев и русских в большинстве своем достаточно схожи, а в ряде показателей идентичны. Также в ходе исследования обнаружены тенденции к снижению рисков криминализации, социального пессимизма молодежной среде, что достигнуто, с точки зрения авторов, за счет оживления экономического роста региона, реализации программ по поддержке молодых семей, по развитию молодежного предпринимательства.

В рубрике [«Государственные и муниципальные служащие в мегаполисах и локальностях»](#) две статьи. Работа [А. Н. Пинчук, Д. А. Тихомирова, А. А. Куликовой \(Москва\) «Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса»](#) посвящена особенностям восприятия баланса работы и личной жизни столичными государственными служащими. Авторы сочетали количественные и качественные методы, использовали современные техники анализа текстовых данных, визуализировали с помощью облака слов ответы респондентов. Выявлено, что в интерпретации респондентов преобладают такие термины, как «время», «возможность» и «семья». Анкетирование позволило выделить две группы государственных служащих: которые испытывают и не испытывают чувство баланса работы и личной жизни. Не ощущают баланса работы и личной жизни немногим более половины госслужащих. Существенных социально-демографических отличий между группами не было обнаружено, равно как и значимой разницы в определении ведущих жизненных приоритетов (семьи или работы). Однако были выявлены статистически значимые связи между субъективными показателями баланса работы и личной жизни и особенностями разграничения рабочих и личных проблем. На основе полученных результатов авторы выдвинули и некоторые инициативы по совершенствованию организации работы служащих федеральных ведомств, рассмотрели возможности и ограничения удаленной работы.

Статья [А. Е. Чириковой \(Москва\) «Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов»](#) анализирует указанные в названии проблемы власти в шести малых городах Пермского края. Автор показывает неизменность проблем малых городов в последние двадцать лет, главными из которых остаются проблемы ухудшающегося социально-экономического положения, налогов и кадрового дефицита. Современная ситуация, как показано в статье, довольно противоречива. С одной стороны, нарастает дефицит кадров, с другой – проведенное автором исследование показало повышение уровня мотивации глав городов и эффективности управления. Автор приходит к выводу, что малый город при всех ограничениях и проблемах может развиваться в современных условиях. Залог успеха, по мнению автора – в налаживании партнерского взаимодействия между местной властью и экономически сильным предприятием, когда крупный бизнес не просто помогает городу финансово,

но и выстраивает совместно с властью стратегию развития города. Данная модель может измениться в случае национализации компании (или закрытия такого предприятия), в таком случае ситуация становится неопределенной, и как она будет развиваться станет ясно со временем.

Завершает выпуск традиционная рубрика [«Проблемы образования в России»](#). В статье [О. Р. Жаворонковой](#) и [Ю. Н. Короленко](#) (Симферополь) [«Трансформации системы образования в контексте пространственного развития региона \(на примере Республики Крым\)»](#) система образования в Крыму рассматривается как основной фактор социопространственного развития региона. Авторами был проведен анализ динамики основных показателей системы образования на трех уровнях: общее образование, среднее профессиональное и высшее образование. Рассматриваются показатели географической доступности образовательных учреждений для населения, обеспеченность их информационно-техническими средствами учебного процесса и кадровыми ресурсами. Авторы выявили рост числа внешних совместителей и сокращение штатных сотрудников в системе высшего образования и корреляцию с ним числа обучающихся, добровольно оставивших обучение. Выявлены также серьезные проблемы с оплатой труда работников образования в Южном федеральном округе (не только в Крыму). Как показано в статье, кадровые вопросы являются ключевыми для сохранения и увеличения численности учащихся, повышения качества образования, а в итоге для развития человеческого потенциала в регионе.

[В. В. Матвеев](#), [А. Ю. Большаков](#) (Великий Новгород, Санкт-Петербург) в статье [«Воспроизводство неравенств в российском образовании: состояние и перспективы исследований»](#) рассматривают иной аспект образовательных проблем, но связанный с проблемами, обозначенными в предыдущей работе. Неравенства в отечественном образовании воспроизводятся в двух базовых формах: неравные образовательные возможности и неравные образовательные результаты. Авторы выделяют ряд факторов, препятствующих получению образования. Среди них группировка учащихся по разным образовательным потокам по итогам тестов и успеваемости; специфические отношения педагогов к учащимся из разных социальных групп, порождающие необъективную оценку их достижений; региональные различия в деятельности образовательных учреждений и ряд других. Негативная роль образовательного неравенства, по утверждению авторов, может проявиться в итоге в ослаблении солидарности в российском обществе. Важным представляется вывод о необходимости не только изучать образовательные неравенства, но и управлять ими, для того чтобы минимизировать их нежелательное влияние на общество.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

МЕТОДОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.2

EDN: VWSNFH

Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения

Ссылка для цитирования: *Зубок Ю. А., Карпова А. Ю., Савельев А. О.* Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 13–42. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.2; EDN: VWSNFH.

For citation: *Zubok Yu. A., Karpova A. Yu., Savelev A. O.* Practical network topology in the study of online radicalisation of youth: opportunities and limitations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 13–42. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.2; EDN: VWSNFH.

AuthorID РИНЦ: 74721

Зубок Юлия Альбертовна¹

¹ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

uzubok@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 507861

Карпова Анна Юрьевна¹

¹Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

belts@tpu.ru

AuthorID РИНЦ: 753578

Савельев Алексей Олегович¹

¹Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

sava@tpu.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены ключевые подходы к пониманию и исследованию радикализации, а также возможности и ограничения применения некоторых исследовательских методов для моделирования сетевой топологии и оценки контентного сходства онлайн-сообществ. Сегодня в исследованиях социальных сетей и участия в них молодежи часто применяются методы и технологии Web Mining и AI. Однако до сих пор остается открытым вопрос о том, как эти подходы могут быть эффективно использованы в целях изучения онлайн-радикализации. Ответ на него должен повысить объяснительную и прогностическую способность вычислительных моделей для обнаружения и прогнозирования радикализации в онлайн-пространстве. В значительной части российских исследований онлайн-радикализации распространен подход, при котором задача выявления взаимосвязей отдельных онлайн-сообществ или их кластеров сводится к оценке степени их сходства по подписчикам, либо по лингвистическим маркерам. Такой подход ограничен в прогнозировании новых связей между сообществами и обосновании путей радикализации, но в то же время актуален в моделировании информационной диффузии. В данной работе авторы стремятся продемонстрировать возможности и ограничения применения методов tf-idf, doc2vec для оценки контентного сходства онлайн-сообществ без признаков радикализации и онлайн-сообществ с признаками радикализации. Такой подход позволил выявить сообщества со значительной тенденцией к объединению (установлению прямых связей). В статье представлены результаты сравнительного исследования в виде социальных графов, сформированных по принципам общности подписчиков, сходства значимых слов, контекстного сходства на базе doc2vec модели. Социальный граф на основе doc2vec метода показал лучшие результаты с точки зрения кластеризации онлайн-сообществ, а также интерпретируемости результатов. Это является критически значимым для обнаружения и прогнозирования радикализации в Интернете, поскольку открывает перспективы для изучения природы ассортативности в наблюдаемой сети.

Ключевые слова: социальная сеть, сообщество, радикализация, сетевая топология, tf-idf, doc2vec

Введение

В течение последних десятилетий тема радикализации в молодежной среде не теряет актуальности. Молодые люди становятся активными участниками сообществ, демонстрирующих радикальные взгляды и настроения. Мобилизуясь на почве противостояния своих и чужих, неприязни и вражды, они время от времени совершают насильственные действия, жертвами которых, как правило, становятся их же сверстники.

Движущей силой радикальных, экстремистских сообществ молодежь выступает, прежде всего, в силу присущих ей групповых особенностей – лабильности и экстремальности сознания, и высокой установки на риск, свойственных становящемуся субъекту социальных отношений, а также субкультурных форм самоорганизации. И лабильность (подвижность, изменчивость смысловых структур), и экстремальность (склонность к крайностям в суждениях, оценкам, поведении), и риск (особенность состояния и действия в ситуации перехода от неопределенности к определенности) обусловлены возрастными психофизическими и эмоциональными особенностями, определяющими способы восприятия молодыми людьми

окружающей действительности, реагирования и выстраивания взаимодействий. С этой точки зрения они являются естественными атрибутами взросления, такими же, как и неформальная самоорганизация, выполняющая функции инструмента группового прорыва во взрослый мир. Однако сама групповая самоорганизация, призванная демпфировать травматичность взросления, часто становится питательной средой для эскалации спонтанной экстремальности.

Противоречия и проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе взросления, требуют от них не только большого внутреннего напряжения, но и рискованных действий по их преодолению, что не всегда возможно в институционально одобряемых формах. Сопровождаемые глубокими, не имеющими выхода эмоциональными переживаниями, подпитываемые взаимодействием с радикально настроенным окружением, такие противоречия становятся глубинной предпосылкой не только радикальных настроений молодежи, но и соответствующих действий. Так, присущие молодежи экстремальность и неформальная самоорганизация приобретают экстремистские формы в пространстве ее социальных взаимодействий, прежде всего, младших молодежных группах – подростковых и юношеских [12]. При этом сами радикальные проявления могут быть как групповыми, так и индивидуальными, проявляться в форме настроения или действия. Все это делает молодежь одним из главных эмпирических объектов в исследованиях радикализации.

Распространение онлайн-коммуникаций существенно изменило способы вовлечения молодежи в процесс пропаганды и усвоения радикальных идей. Погружение в цифровую среду стало одновременно и триггером радикализации, и средством ее манифестации. Молниеносно распространяемые призывы, лозунги, взгляды, быстрый поиск единомышленников, неограниченная эмансипация и свобода самовыражения, возможность публичного заявления о себе и достижение быстрой «славы» сделали цифровое пространство основным элементом сложного механизма радикализации и, как следствие, предметом междисциплинарных исследований.

По типу решаемых задач современные российские и зарубежные исследования так называемой онлайн-радикализации можно разделить на три направления: (1) обнаружение целевых сообществ, противоправного и деструктивного контента, в том числе fake news, языка вражды и контента, распространяемого экстремистскими и террористическими организациями [50; 11; 32; 24; 44; 14; 48; 45; 51]; (2) анализ и интерпретация данных социальных медиа: статистический анализ распространения деструктивного контента; анализ сетевой топологии с целью поиска наиболее влиятельных узлов сети, моделирование процесса влияния информационных сообщений в социальных медиа [32; 42; 41; 71; 1; 52; 63; 55; 10; 30]; (3) формирование баз данных и знаний, описывающих ключевые маркеры деструктивного контента и сообществ; формализация механизмов радикализации, позволяющая перейти к этапу алгоритмизации решения отдельных задач противодействия распространению деструктивного контента и изучения радикализации в цифровой среде [8; 2; 24; 14; 63; 30; 20; 36; 46; 62; 17]. Прикладное значение исследования процесса онлайн-ради-

кализации связано с решением практических задач: разработки механизмов социального регулирования информационно-психологического воздействия на молодежь в интернете; пресечения деструктивного влияния внешних акторов на разные группы молодежи; недопущения вовлечения молодых в террористическую деятельность.

Широкие возможности изучения цифрового пространства открылись перед учеными в связи с использованием методологического аппарата Data Science как набора технологий и методов получения разнообразных данных для решения, как научных, так и практических задач. Так называемая вычислительная социальная наука (Computational social science), представляющая собой соединение методологий социальных и вычислительных наук с применением всего многообразия доступных информационных технологий и изобретательностью ученых в области Data Science [57], способна служить решению многих социологических задач. Ее преимущество определяется тем, что в короткие сроки и на большом объеме данных применение методов интеллектуального анализа данных социальных медиа позволяет проводить аналитические операции с объектами сетевой природы и моделировать процессы. Это соединение матаппарата, методов и технологий Data Science в предметной области для превращения извлекаемых данных в знания [3].

Анализ современного состояния исследований позволил сформулировать проблему, решение которой является ключом к повышению точности полученных результатов изучения предметной области. Методическая проблема заключается в том, что с одной стороны, имеется действительно экстраординарное количество информации и соответствующие инструменты ее извлечения, но, с другой стороны, данных может быть все еще недостаточно для целей каждого отдельно взятого исследования. Соответственно, во-первых, в каждом конкретном случае, необходимо знать и учитывать возможности и ограничения применения технологий и методов Data Science, во-вторых, результаты, полученные на основе открытых данных социальных медиа, могут быть использованы только как дополнительный источник данных для понимания исследуемых процессов в цифровом пространстве социальных медиа.

Целью этой статьи является представление ключевых подходов к пониманию и исследованию радикализации, а также возможностей и ограничений применения методов *tf-idf*, *doc2vec* для моделирования сетевой топологии и оценки контентного сходства онлайн-сообществ без признаков радикализации и онлайн-сообществ с признаками радикализации.

Радикализация как социальный феномен и объект исследования

Радикализация – социальный феномен, изучаемый в контексте исследования терроризма и насильственного экстремизма. С того момента, когда накопленный, начиная с 1970 года, «специализированный набор данных по конкретным подгруппам дел о терроризме» позволил представить

достаточные доказательства принципиальной невозможности создания универсального профиля террориста, экстремиста, исследовательские усилия были направлены на поиск предикторов совершенных преступлений [23; 19; 42]. Исследователи акцентировали внимание на том, что предиктором участия в насильственной деятельности является радикализация, и ее изучение имеет критически важное значение для понимания источников экстремистских и террористических действий [47; 61, с. 39–98; 17; 18; 52].

С течением времени в научно-исследовательском поле сложилось два противоположных подхода: релятивистский (отрицающий идею о том, что радикализация вызывает терроризм)¹ и контекстуальный или мета-подход (радикализацию необходимо изучать в широком контексте, не ограничиваясь только изучением насильственного экстремизма и терроризма) [46; 49; 27, с. 1–36], но поиск консенсуса в определении самого термина радикализация еще не завершен. Как следствие, на сегодняшний день, этот термин не имеет согласованного определения и не укладывается в рамках какой-либо одной академической дисциплины. Созданию общепринятой теории радикализации препятствует многогранность и сложность этого процесса и обилие монокаузальных объяснений. При этом консенсус сложился в отношении важности междисциплинарного подхода к изучению этого сложного феномена, что открывает возможность создания более обстоятельной объяснительной концепции.

Все многообразие толкований привело к тому, что радикализация определяется и как «процесс вовлечения или участия в экстремистских действиях» [17], и как процесс формирования экстремальных убеждений [37], и как процесс эскалации, ведущий по пути от первоначально ненасильственных установок к насильственным действиям, когда происходит «трансформация в убеждениях, установках, поведении и поворот в сторону экстремизма, жаждущего насилия и самопожертвования» [46], и как постепенное принятие экстремальных убеждений, ведущее к сути того, что именуется радикализацией – «террористического поведения как конечной точки» на этом «пути» [66] или объединение двух составляющих, при котором радикализация трактуется как «процесс, в ходе которого отдельные люди или группы становятся идеологически приверженными насилию, т. е. начинают исповедовать систему убеждений, которая узаконивает или даже требует насильственных действий против оппонента» [60].

Некоторые исследователи полагают, что пути к экстремизму и следующему за ним насилию настолько индивидуальны, что поиск причинных факторов радикализации если не контрпродуктивен, то, по крайней мере, является пустой тратой времени. Другие утверждают, что индивидуального в радикализации мало, а вовлечение в процесс происходит благодаря различного рода социальным связям. Они определяют социокультурные

¹ Horgan, J. (2013) Everything You've Been Told About Radicalization Is Wrong. Rolling Stone. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/everything-youve-been-told-about-radicalization-is-wrong-80445/>; Sageman, M. (2013) Woolwich Attack: Overreacting To Extremism 'Could Bring Back Al Qaeda' Ex CIA Officer Warns. Huffington Post. URL: https://www.huffingtonpost.co.uk/2013/05/27/sageman-interview_n_3342206.html (дата обращения: 20.09.2023).

особенности среды общения, выступающей значимым фактором формирования экстремального типа сознания. Для молодежи таковыми являются связи, устанавливающиеся в рамках различных молодежных сообществ. Как показывали исследования, практически во всех типах таких сообществ обнаруживается определенная доля радикальности во взглядах, воззрениях и декларируемых установках. Само включение в групповые взаимодействия и эффект эмоционального заражения, присущий молодежным сообществам, повышает вероятность радикализации настроений и проявлений, реализация которых может быть, как групповой, так и индивидуальной. Неоднозначность определений, лежащих в основе понятия «радикализация», породило другую проблему. С одной стороны, исследования позволили выйти на новый уровень в изучении радикализации как предиктора терроризма, с другой – наряду с достижениями исследования изобилуют двусмысленностью определений и отсутствием понимания причинно-следственных связей. Ощущается дефицит объяснения условий и механизмов формирования и протекания этого процесса.

Разнообразие определений на этом фоне представляется менее проблематичным, чем тот факт, что совершенно разные толкования смешиваются в научных исследованиях и перетекают в публичный дискурс и политические дискуссии. А разногласия, по существу, заключаются в том, на что именно сделан акцент.

Понятие «онлайн-радикализация» еще более расплывчато, чем понятие «радикализация», и общепринятого, согласованного определения также не существует. Между тем, есть консенсус в отношении того, что сам этот процесс приобретает массовый, вирусный, масштабируемый характер в результате применения новых коммуникативных технологий. И хотя утверждение о том, что Интернет никого ни к чему не принуждает и не заставляет принимать крайние взгляды и убеждения используется как основной аргумент против его демонизации, некоторые технологические возможности могут способствовать определенному сдвигу в сторону радикальных убеждений. То есть, интернет является не причиной, а инструментом, позволяющим радикализировать в короткие сроки пользователей социальных медиа на индивидуальном, групповом, массовом уровне.

Из имеющегося многообразия определений акцентируем внимание на консенсусе в интерпретации онлайн-радикализации, которая рассматривается «как процесс, в ходе которого люди подвергаются влиянию экстремистских убеждений и взглядов, имитируют и усваивают их посредством Интернета, в частности социальных сетей, и других форм онлайн-коммуникации» [16]. Такие аспекты социальных медиа как способность адаптировать контент к конкретным ценностям и интересам пользователей, а также включение их в сети единомышленников – являются ключевым активом групп выраженной экстремистской направленности. Как в физическом, так и в виртуальном мире, такие группы в значительной степени полагаются на изоляцию потенциальных новобранцев от альтернативных взглядов и мнений. Использование Интернета ультрарадикальными сообществами быстро развивается и эффективно адаптируется к постоянно меняющейся онлайн среде. Продолжительность процесса радикализации

сокращается в результате использования технологических возможностей Интернета¹, а потому радикализация в пространстве интернет-коммуникаций квалифицируется как осязаемая угроза [62]. Учитывая общий рост онлайн-влияния как основную движущую силу распространения и принятия экстремистских идеологий, основанных на базовых элементах радикализации (формирование индивидуального/коллективного недовольства, формирование идеологической «дорожной карты», мобилизация ресурсов) актуализируется направление исследований, фокус которых сосредоточен на изучении механизмов онлайн-радикализации и последующего совершения актов насилия в оффлайн пространстве.

Однако в настоящее время исследователи все чаще ставят под сомнение автономность понятия онлайн-радикализация, поскольку онлайн и оффлайн пространства онтологически неразделимы. Такая «дихотомия представляется неоправданной, поскольку приводит к сужению понимания роли коммуникационных технологий в процессе радикализации» [68; 26; 64]. Появилось направление исследований, согласно которому радикализация понимается как процесс, который разворачивается в онлайн и оффлайн одновременно, т. е. в гибридном онлайн-пространстве [64]. Приверженцы этого подхода используют меткое выражение “Onlife” [29], придуманное философом Лучано Флориди и его производную “Onlife Spaces” [64].

Разделяя эту точку зрения, сформулируем свою интерпретацию понятия «онлайн-радикализация», как (1) стохастического процесса, который влечет за собой (2) вовлечение в экстремистскую систему убеждений, которая готовит почву для (3) совершения актов насилия в оффлайне. Стохастичность процесса обусловлена характеристиками нелинейности случайных социальных процессов, которые увеличивают неопределенность и вариативность аттрактивных состояний субъектов при прохождении «пути» радикализации. Кроме того, «путь радикализации» вариативен. Вовлечение в воронку экстремистских убеждений мы рассматриваем как процесс формирования смыслов (устойчивых фреймов, радикальных нарративов, эмоциональных паттернов), в которых созревает, вырабатывается, развивается идея применения насилия как единственно возможного способа достижения любых целей (идеологических, политических, религиозных, террористических, личных и др.). Ключевая часть этого процесса – технологические возможности Интернета (рекомендательные алгоритмы, замыкающие пользователей в эхо-камеры, образующие «filter bubble», сетевые эффекты, и др.). Переход к совершению насилия в оффлайне мы склонны рассматривать как процесс «морального отстранения» («нормализации»), при котором «моральный компас» перестает функционировать. Моральный компас действует как механизм саморегуляции на двух уровнях: (1) ориентирует индивидов и группы на гуманное отношение к дру-

¹ Jensen, M., James, P., LaFree, G., Safer-Lichtenstein, A., and Yates, E. (2018). Research Brief. The use of social media by United States extremists. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_PIRUS_UseOfSocialMediaByUSExtremists_ResearchBrief_July2018.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

гим, и (2) предписывает воздерживаться от проявлений бесчеловечного поведения. В результате нарушения внутренних моральных норм в действие вступает механизм морального размежевания для самооправдания насильственных действий. Фактически «моральное отстранение» – это постепенное принятие бесчеловечного, преступного, нецивилизованного поведения, приводящего в конечном счете, к совершению насильственных действий для достижения цели. При этом мы исходим из того, что эта цель не обязательно должна иметь какое-то политическое или религиозное основание, она может быть и вполне частной, корыстной. Допустимость насилия – это основной критерий радикализации. Изучение процесса радикализации в таком контексте требует постановки множества исследовательских задач, для решения которых необходимо расширение методов и инструментов поиска, обработки и анализа данных социальных сетей.

Но, как уже отмечалось, проблема смыслового наполнения категорий, которыми оперируют исследователи, нагружается острой общественной потребностью в ранней диагностике предикторов и предрасположенностей к радикальным действиям, а также высоким алармистским напряжением в общественном дискурсе. Стремление обрести универсальный инструмент – своего рода «серебряную пулю» – с помощью которого общество предотвратит радикальные проявления, с особой надеждой разворачивает исследовательскую оптику в сторону Data Science.

Реагируя на актуальный запрос, исследователи активно применяют эти методы, накапливая соответствующий опыт. В представленной работе мы сосредоточились на постановке исследовательской задачи, которая представляется главной: как по тематическому контенту выявить среди не радикальных онлайн-сообществ те из них, в которых существует риск радикализации и есть признаки, по которым с течением времени можно ожидать тенденции, если не к объединению, то к установлению связей с радикальными сообществами. Решение поставленной задачи расширяет возможности обнаружения и прогнозирования разных путей радикализации в Интернете, условно говоря «тропы радикализации» в контексте взаимодействия и прогнозирования новых связей онлайн-сообществ на основе тематической повестки. Однако увлечение этими методами требует осмысленности и осторожности в силу особой чувствительности самого предмета.

Технологии и методы Data Science в изучении онлайн-радикализации

Автоматизация исследований онлайн-радикализации относится к числу актуальных задач современной социологии, социальной психологии [28; 33; 31; 58]. Интерес исследователей к интеллектуальному анализу деструктивного контента социальных медиа, включая задачи сбора, обработки и интерпретации содержания интернет-ресурсов с целью прогнозирования процесса радикализации, предупреждения инцидентов экстремистской и террористической направленности устойчиво растет

[62; 65; 44; 67; 64; 13; 54; 56]. Вместе с тем, ученые находятся на этапе осознания и новых возможностей, и ограничений названных методов. С одной стороны, доступность Интернет-данных, в том числе данных социальных сетей, предоставляет уникальные возможности с точки зрения полноты охвата исследуемых явлений и процессов. Невозможно не принимать во внимание колоссальный объем доступной для анализа информации, которую предоставляют социальные сети. С другой стороны, нельзя полагаться только на них, как на источник первичных данных. Несмотря на возросшую доступность инструментов Data Science, эффективность их использования зависит в равной степени как от соответствующих навыков, так и от компетентности в прикладной предметной области. Критическую значимость в оценке надежности данных подчеркивают и сами исследователи: «качество данных есть и всегда будет в центре внимания исследователей в индустрии аналитики. Как в сегодняшних постоянно меняющихся условиях можно быть уверенным в надежности ваших данных?»¹.

Существенные ограничения интеллектуального анализа данных, которые необходимо учитывать при планировании и организации исследований, базирующихся на данных социальных сетей, мы выделяем по следующим критериям: (1) парадокс больших данных (Big Data Paradox), несмотря на значительный объем доступных для анализа данных, для конкретной прикладной задачи данных может все еще быть недостаточно; (2) проблема доступа к данным (Obtaining Sufficient Samples), доступ к данным социальных медиа через программные интерфейсы приложений (API) имеет ограничения по объему и доступности значений отдельных полей, что усугубляет проблемы, связанные с репрезентативностью; (3) удаление шума (Noise Removal Fallacy) актуализирует задачу его автоматического выявления для повышения эффективности процесса анализа и интерпретации результатов; (4) дилемма оценки (Evaluation Dilemma), при наличии в качестве исходных данных только общедоступной информации социальных медиа проверка достоверности невозможно; (5) гетерогенность (Heterogeneity), наличие разнородных анализируемых объектов и процессов в рамках сети, которые при этом на уровне доступных данных проявляются схожим образом или полностью идентичны; (6) эволюция сети (Evolution), состояние анализируемой сети меняется в режиме реального времени – требуются ресурсоемкие механизмы фиксации состояния сети и оценки разницы состояний; (7) коллективные взаимодействия (Collective Intelligence), наличие общедоступных наблюдаемых реакций на размещенный контент (комментарии, рейтинги, теги, лайки и т. д.) может в том числе оказывать влияние на пользователей, не оставляя фактических следов этого процесса [70; 59; 56; 65; 22].

Еще совсем недавно исследователи начали применять методы интеллектуального анализа данных в предметной области исследований онлайн-радикализации, цифровые следы в социальных сетях в качестве признаков

¹ Lisa Wilding-Brown. Chief Executive Officer // InnovateMR. Business & Innovation GRIT Report. 2022. URL: <https://www.greenbook.org/mr/grit/business-innovation-edition/> (дата обращения: 20.09.2023).

для обнаружения и прогнозирования радикально настроенных пользователей. Настоящим прорывом можно назвать топологическое моделирование трудноформализуемых объектов, каковым является феномен радикализации, с применением наряду с Web Mining и AI, методов и технологий сетевой топологии [11; 21; 25; 22]. Прикладная значимость моделирования сетевой топологии заключается в том, что это позволяет отразить степень близости, влияния, посредничества между топосами (общие темы, повестка и др.) и установить связанность сетевых акторов в процессе радикализации.

Методы и материалы

Методология данного исследования выстроена на основе применения двух групп методов, с доказанной эффективностью применения в исследованиях онлайн-радикализации:

1. Векторизация текстов [34; 48; 45; 63; 69; 38]. Целью данной группы методов является трансформация неструктурированной или слабоструктурированной текстовой информации в числовую, пригодную для сравнения, форму. За счет этого решаются задачи оценки «сходства» текстов и обсуждаемых тем, а также поиска значимых для отдельных идеологических платформ терминов и именованных объектов. Наиболее часто используемой является статистическая мера значимости слов *tf-idf*, к преимуществам которой можно отнести простоту и понятность реализации, а также высокую интерпретируемость получаемых результатов. К прочим применяемым методам этой группы относятся *word2vec* и *bag of words*. К основным сопутствующим сложностям относятся вопросы формирования выборок текстов для анализа, и в случае применения машинного обучения – обучающих и тестовых выборок.

2. Применение специализированных словарей. Несмотря на хорошо известные недостатки использования ключевых слов и словосочетаний в задачах прямого поиска целевого контента, а именно – большая размерность поисковой выдачи, а также высокая доля ложных и случайных результатов, потенциально эффективным является использование специализированных словарей особенно в сочетании с другими методами [55; 14; 15; 35; 30; 71]. Под словарями мы понимаем упорядоченные и формализованные знания относительно значимости для отдельных идеологических платформ и сообществ: а) ключевых слов, характеризующих именованные объекты: места, персоналии, события и даты; б) терминов, включая жаргонизмы и сленг; в) тегов, явно маркирующих сообщение как целевое. При этом, можно выделить два основных подхода к составлению словарей: экспертный и *wisdom of the crowds* (мудрость толпы). Экспертный способ не требует детальной характеристики. Словарь в этом случае является результатом работы одного или нескольких экспертов, специализирующихся на определенной предметной области. Эффективное использование экспертного словаря требует наличия четких правил и инструментария для его первичного составления, оценки качества и изменения содержимого.

Подход *wisdom of the crowds* основывается на допущении «большинство не может ошибаться». В практическом смысле подход выражается в анализе множества сообщений, маркированных пользовательскими тегами. Таким образом, обладая знанием о целевых и значимых тегах, можно не только статистически оценивать распространение контента и реакцию на него, но и составлять обучающие и тестовые выборки данных. В последнем случае, сопутствующими задачами будут определение репрезентативности выборки и оценка ошибки разметки выборки.

Метод векторизации текстов ранее уже был успешно апробирован в наших исследованиях оценки взаимосвязей сообществ социально активных отцов, аффилированных с организациями «Союз Отцов» и «Совет отцов», и сообществ с признаками радикализации, относящихся к различным идеологическим платформам, на открытых данных социальной сети «ВКонтакте»¹ [7; 6; 9]. Применение специализированных словарей также уже было успешно апробировано в наших исследованиях ультраправой радикализации [40; 39].

Распространенная практика в российских исследованиях онлайн-радикализации сводится к решению задачи выявления взаимосвязей отдельных онлайн-сообществ или их кластеров на оценке степени их сходства по подписчикам, либо по лингвистическим маркерам. Такой подход ограничен в прогнозировании новых связей между сообществами, фактически «путей» радикализации.

В представленной работе мы сосредоточились на совмещении двух групп методов. Это позволит проверить, насколько эффективно будет такое применение для изучения неявных, скрытых связей между онлайн-сообществами без признаков радикализации и онлайн-сообществами с признаками радикализации. Результаты представлены в виде социальных графов, сформированных по принципам общности подписчиков, сходства значимых слов, контекстного сходства на базе *doc2vec* модели.

Характеристика выборки анализируемых данных

Для моделирования сетевой топологии отобраны 160 онлайн-сообществ социальной сети ВКонтакте без признаков радикализации, условно разделяемые на три класса:

1. Сообщества лидеров мнений.
2. Сообщества волонтерских организаций.
3. Фанатские сообщества, включая фанатов популярной культуры (видеоигры, музыка, художественные и анимационные фильмы), спортивных команд и мероприятий.

¹ Ильдарханова Ч. И., Савельев А. О., Вильнин А. Д. [и др.]. Социологическое исследование «Сетевые взаимодействия социально активных отцов: норма и отклонение (анализ социальных сетей профильных НКО)»: Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621866 Российская Федерация. Заявка № 2021621733 от 24.08.2021, опублик. 03.09.2021 (дата обращения: 20.09.2023).

Общая численность не уникальных подписчиков онлайн-сообществ по всей выборке составила 16 698 375 учетных записей¹.

Сообщества лидеров мнений отбирались согласно рейтингу наиболее популярных блогеров, сформированному ВКонтакте на дату начала исследования.

Сообщества волонтеров и фанатов были отобраны экспертным образом из поисковых результатов ВКонтакте. При этом приоритетом для включения в итоговый список для анализа обладали сообщества с наибольшим количеством подписчиков при наличии актуальных на дату начала отбора публикаций и комментариев.

Возрастной диапазон подписчиков, указавших свой возраст, преимущественно составляет от 15 до 35 лет. В отдельных случаях он выходит за пределы молодежного возраста, превышая его верхнюю планку. Отметим, что возраст указывается подписчиками по их усмотрению и не является обязательным при регистрации. В равной мере он может быть вообще проигнорирован, или сфальсифицирован. По всей выборке анализируемых сообществ возраст не указан у 63% подписчиков, по классу «лидеры мнений» – у 55%, в сообществе «волонтеров» – у 65%, «фанатов» – у 63%.

Среднее количество ежедневно публикуемых сообщений в онлайн-сообществах распределено следующим образом: «лидеры мнений» – 2,69; «волонтеры» – 5,94; «фанаты» – 2,17. Подробные данные о каждом проанализированном сообществе представлены в Базе Данных [2].

Для каждого из сообществ был выявлен перечень из 29 наиболее значимых слов. Значимые слова определены на основе статистической меры tf-idf. Мера значимости слова («вес») пропорциональна частоте его употребления в корпусе текстов отдельного онлайн-сообщества и обратно пропорциональна частоте его употребления в корпусе русскоязычных текстов, включающем художественные произведения, новостные сообщения, открытые публикации в социальных медиа. Поиск и объединение слов-синонимов не выполнялись.

Результаты выявления значимых слов сгруппированы по классам рассматриваемых онлайн-сообществ и представлены в виде «облака слов» на рисунках 1–3 по классам «лидеры мнений», «волонтеры» и «фанаты» соответственно. Наиболее частые значимые слова по каждому из классов начертаны шрифтом большего размера и помещены ближе к центру.

Отметим, что подобный метод выявления значимых слов чрезвычайно чувствителен к исходным данным. На примере рисунка 6 видно, что значительную часть дискурса в сообществах «волонтеров» составляли обсуждения, связанные с объявлением «года волонтера». В смысловом поле дискурса фанатов предсказуемо расположились сюжеты, связанные с командами и проходящими состязаниями. А в среде лидеров мнений обсуждение строится вокруг масштаба и значимости их влияния. Как видно, ни одно из трех сообществ никак не демонстрирует признаков радикализации. Рассмотрим их более подробно в контексте взаимосвязей.

¹ *Примечание авторов:* это часть данных исследования [2].

Граф «общие подписчики» в основной своей части демонстрирует однородные, плотные, малосвязанные друг с другом кластеры онлайн-сообществ. Оценить степень влияния радикальных сообществ на не радикальные на основе данных только об общих подписчиках без дополнительного анализа размещаемого контента не представляется возможным.

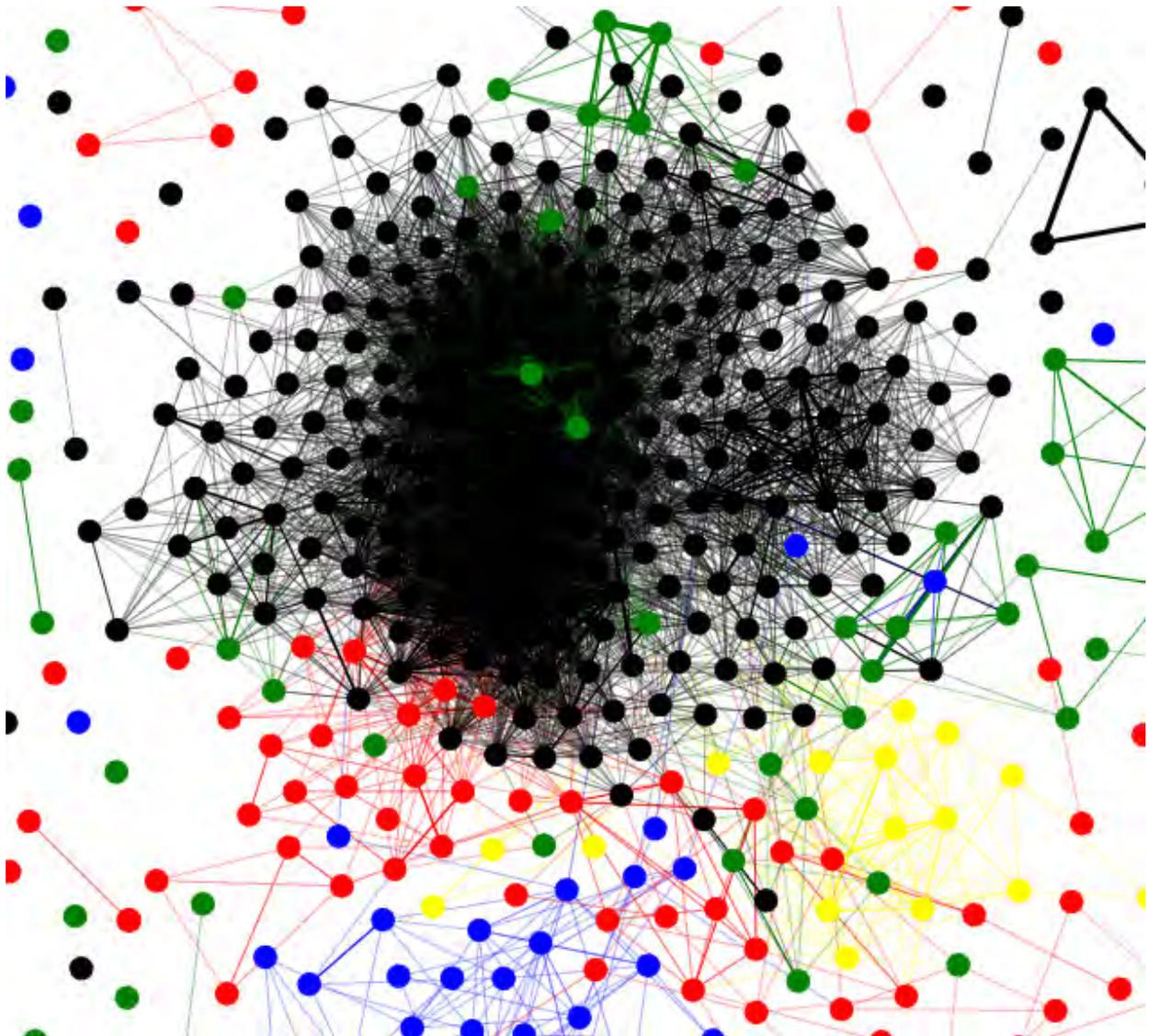

Рис. 4. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ «общие подписчики»
Figure 4. Fragment of the social graph of online communities "total subscribers"

Для построения графа «значимые слова» текстовое содержание каждого из рассмотренных онлайн-сообществ было векторизовано с целью количественной оценки сходства между текстами, циркулирующими в разных сообществах (рис. 6). Парно было рассчитано косинусное расстояние между полученными векторами онлайн-сообществ. Расстояние находится в пределах от 0 до 1, где 1 означает абсолютное совпадение векторов. Граф, представленный на рисунке 6, получен путем отрисовки ребер между узлами-сообществами, если косинусное расстояние между ними больше или равно 0,6. Анализ графа показывает наличие устойчивых связей отдельных онлайн-сообществ «лидеров мнений», «волонтеров» и «фанатов» с онлайн-сообществами,

имеющими признаки радикализации. С учетом особенностей описанной методики выявления значимых слов полученные данные можно интерпретировать как наличие пересекающейся повестки. При этом следует учесть, что сходство между узлами и наличие соответствующих связей может быть результатом одной из трех «сил» различной природы, описываемых в сетевом анализе: влияния (связанные узлы с течением времени становятся схожи), гомофилии (похожие узлы со временем устанавливают связи) и внешнего воздействия (например, общественно значимое событие является причиной временного совпадения тематической повестки узлов вне зависимости от наличия связей между ними). Эти «силы» определяют значение ассортативности сети – меры, отражающей тенденцию схожих узлов к объединению.

Принцип построения графа «контекстное сходство» аналогичен способу построения предыдущего графа за исключением использованного метода для векторизации текстового контента сообществ – doc2vec. В общем виде, doc2vec оценивает сходство между словами по окружающему их контексту. То есть, слова считаются «схожими», если их окружают одни и те же слова. Косинусное расстояние повторно использовано для оценки степени сходства онлайн-сообществ. Между узлами отрисована грань, если косинусное расстояние равно или превышает 0,6. Полученный таким образом граф (рис. 6) демонстрирует наличие явно выраженных тематических кластеров сообществ. Экспертиза результатов показала, что doc2vec позволяет выявлять наличие устойчивых, легко интерпретируемых связей между онлайн-сообществами, основанных на общих смыслах и тематических нарративах. Например, кластер А целиком состоит из онлайн сообществ волонтеров-зоозащитников, включая сообщества приютов для животных. Кластер Б состоит из сообществ волонтеров медиков и региональных сообществ волонтеров. Кластер В включает исключительно сообщества футбольных фанатов, а кластер Г – музыкальных фанатов направления «k-POP». Это означает, что внутри названных кластеров контент не только однороден, но и полностью соответствует тематике этих сообществ.

Наиболее разнородным оказался кластер Д, объединивший сообщества спортивных фанатов, АнтиФа, Alt-Right и националистические онлайн-сообщества. Попадание сюда же представителей нейтральных сообществ (цвет: зеленый) может быть результатом ошибки в работе метода doc2vec из-за малого количества представленного в них текстового контента.

Использование doc2vec как способа оценки сходства онлайн-сообществ показало наиболее релевантные задачам исследования результаты. Так, с помощью этого метода из неупорядоченного множества связей можно выделить тематические кластеры, раскрыть которые не удастся на основании данных об общих подписчиках. Причина в том, что разные сообщества могут иметь одинаковых подписчиков. Так, на социальном графе проявилось вкрапление нейтральных сообществ в «гнездо» радикальных, а радикальных – в сеть тематических, не радикальных (лидеров мнений, волонтеров, фанатов) (рис.4). Поэтому метод анализа сообществ по подписчикам не может быть признан валидным для практического применения в исследованиях онлайн радикализации, исключая частные случаи задач моделирования информационной диффузии.

Dos2vec также может быть применим для автоматизированной классификации онлайн-сообществ. Однако из-за нейросетевой природы метода и необходимости обучения модели на исходном корпусе текстов, данный подход является наиболее ресурсоемким с точки зрения вычислительных мощностей. Сложность экспоненциально возрастает по мере включения в выборку новых онлайн-сообществ.

Также следует учитывать, что наличие связей между онлайн-сообществами, выявленными на основе «значимых слов» и «контекстного сходства», следует интерпретировать именно как сходство, а в отдельных случаях как значительную общность дискурса, но не как фактическое взаимопроникновение на уровне активности отдельных пользователей. Однако, общность дискурса, в свою очередь, практически может послужить основой «проникновения» радикальных нарративов.

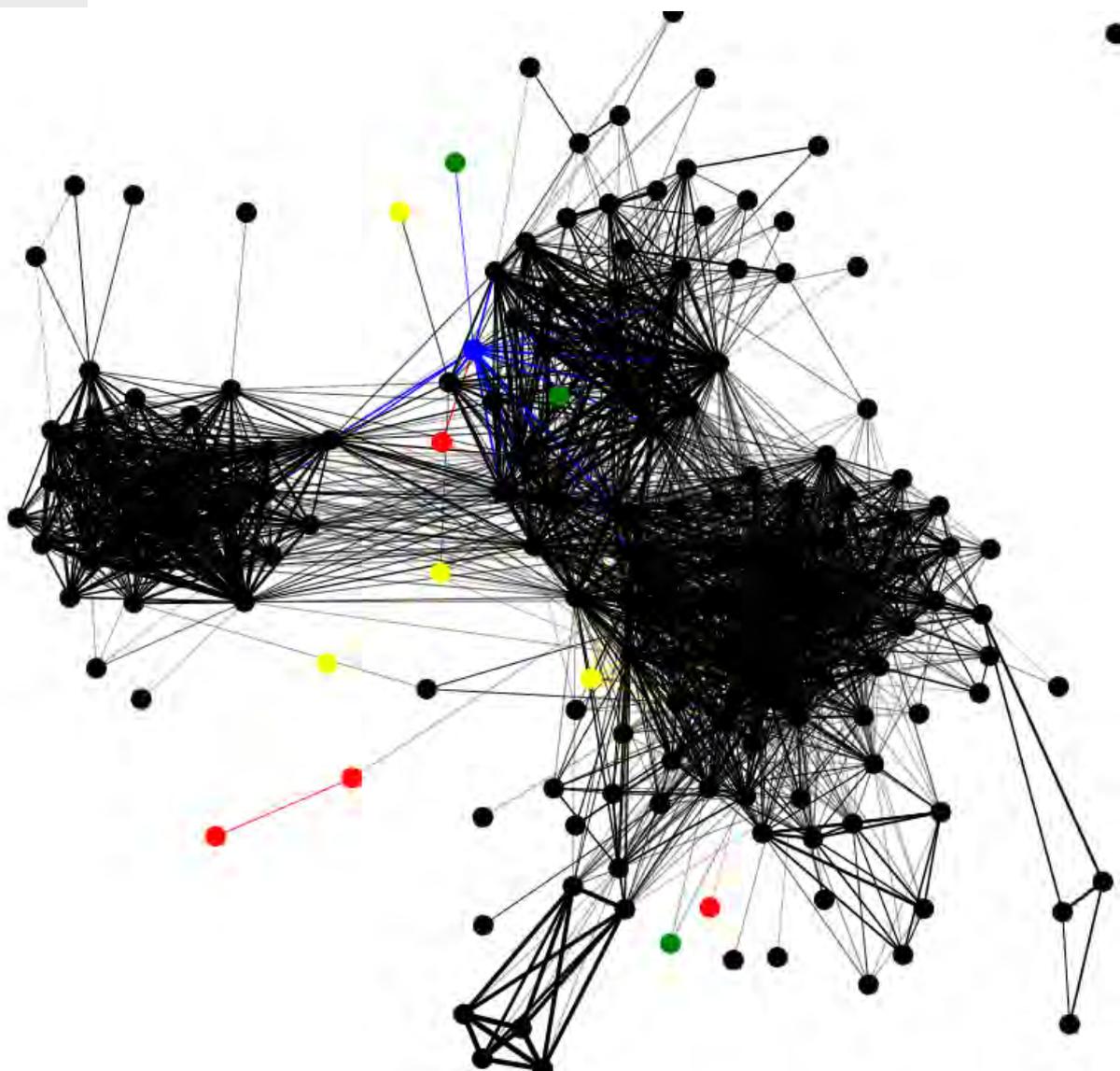

Рис. 5. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ «значимые слова»
Figure 5. Fragment of the social graph of online communities “meaningful words”

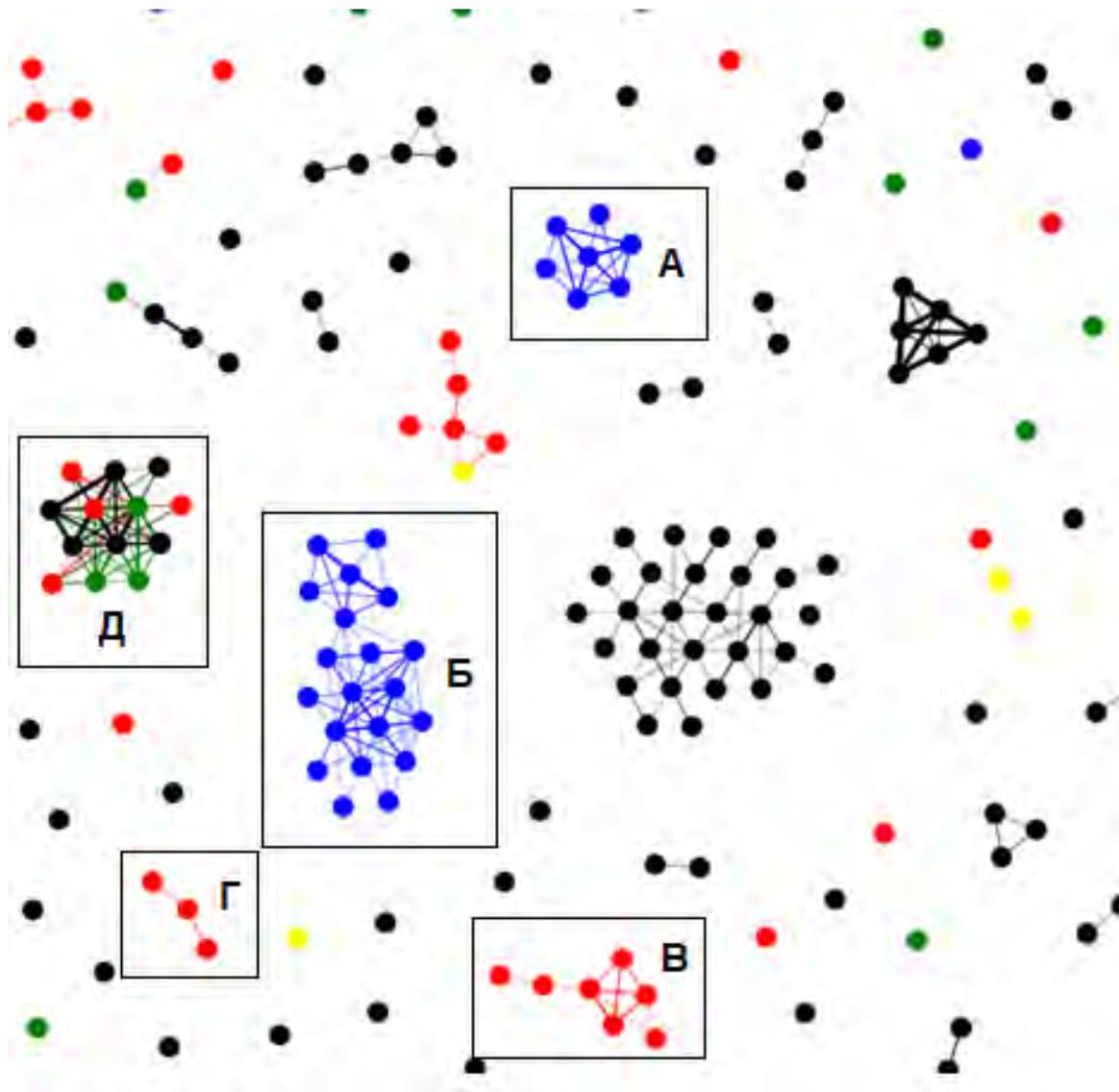

Рис. 6. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ «контекстное сходство»
 Figure 6. Fragment of the social graph of online communities “contextual similarity”

На возможность использования результатов анализа социальных сетей в разработке профилактических мероприятий и выработке мер противодействия радикализации молодежи значительным образом влияет уже упомянутый «парадокс больших данных». Он заключается в том, что, с одной стороны, имеется действительно экстраординарное количество информации и соответствующие инструменты ее извлечения, но, с другой стороны, данных может быть все еще недостаточно для целей каждого отдельно взятого исследования. Особенно сильно это сказывается при переходе на уровень «социального атома» – отдельной учетной записи, которая может не содержать никаких данных, характеризующих пользователя. Более того, отсутствует гарантия того, что и указанные данные достоверны.

Таким образом, результаты любых исследований, базирующихся на анализе данных множества учетных записей и не содержащие никаких количественных или качественных оценок точности полученных результатов и доказательств репрезентативности выборки, следует подвергать сомнению.

В то же время, рассмотрение в качестве базовой единицы анализа онлайн-сообществ, а не отдельных пользователей, позволяет судить о неявных, но возможных связях в рамках отдельно взятых сообществ как микро-социумов, сформировавшихся на базе общности интересов молодежи. Оценить же в точности каждую наметившуюся связь не представляется возможным. Следовательно, результаты, полученные только на основе открытых данных социальных медиа, могут быть использованы в качестве одного из возможных источников информации для понимания процесса радикализации в молодежной среде.

Заключение

Итак, результаты проведенного исследования позволяют оценить преимущество методов *tf-idf* и *doc2vec* для моделирования сетевой топологии и оценки контентного сходства различных онлайн-сообществ – имеющих признаки радикализации и не имеющих таковых. Во-первых, результаты, полученные с помощью этих методов, способствуют более глубокому осмыслению невыраженных связей между сообществами и оценке сходства/различия внутри и между кластерами онлайн сообществ. Используемые методы открывают перспективы для изучения природы ассортативности в наблюдаемой сети и выработки соответствующих регулятивных мер. При этом меры противодействия деструктивному воздействию на молодежь, включенную в онлайн сообщества, должны разрабатываться в зависимости от причин, обусловивших ассортативность.

Во-вторых, сделать более обоснованный вывод о наличии связей между сообществами. Если анализ по подписчикам и ключевым словам дает картину сетевой топологии с наличием прямых связей между радикальными и не радикальными сообществами, рисуя весьма поверхностную картину тотальной радикализации рассматриваемых онлайн сообществ, тем самым упрощая и искажая реальность, то совмещение методов *tf-idf* и *doc2vec* позволяет этого избежать. В результате оценки контентного сходства, произведенного на основе метода *doc2vec* представление о связях внутри/между сообществами становится более близкими к реальности.

Для принятия адекватных управленческих решений в равной мере важно выявление латентных признаков радикализации, но также и понимание отсутствия этих признаков там, где их, действительно, нет. Поэтому в изучении такой социально чувствительной проблемы как радикализация важно учитывать валидность инструментария. Это повысит обоснованность как научных выводов, так и практических мер.

Отмечая необходимость сочетания методов исследования, обратим внимание еще на один метод – структурно-таксономического моделирования, который позволяет анализировать механизмы регулирования тех или иных процессов путем выявления латентных связей между ними. С его помощью становится возможным моделирование смыслового пространства

реальности молодежи, в том числе выявление места радикальных смысловых установок в более широком контексте саморегуляции жизнедеятельности молодежи.

Разделяя идею перспективности применения Data Science, необходимо подчеркнуть, что критически важным элементом работы с ее технологиями, методами и инструментами является понимание не только открывающихся возможностей, но и существенных ограничений. Абсолютизация данных, полученных на основе анализа социальных сетей, способна привести к ошибкам как в социальной диагностике, так и в принятии управленческих решений. В силу самой природы онлайн-радикализации выработка профилактических мер противодействия этому процессу должна опираться на понимание особенностей молодежи и природы ее экстремальности, а также всего комплекса предпосылок, запускающих эскалацию процесса радикализации. А это по-прежнему выводит на первый план фигуру исследователя, обладающего фундаментальными знаниями об особенностях молодежи как социально-демографической группы и механизмах, регулирующих взаимодействия молодых людей друг с другом и с обществом.

Библиографический список

1. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06; EDN: APZWMB.

2. Карпова А. Ю., Кузнецов С. А. и др. Метод поиска изображений с признаками ультраправой радикализации в социальных медиа на основе нейросетевой классификации // Системы управления и информационные технологии. 2023. № 1(91). С. 59–64. DOI: 10.36622/VSTU.2023.91.1.012; EDN: KGWMLC.

3. Карпова А. Ю., Савельев А. О. Возможности и границы применения технологий Big Data для изучения онлайн-радикализации // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: Матер. науч.-практич. конф. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 67–78. EDN: ZXFWGV.

4. Карпова А. Ю., Савельев А. О. и др. Ультраправая радикализация: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5(102). С. 30–43. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-30-43; EDN: BEZTTC.

5. Карпова А. Ю., Савельев А. О. и др. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585; EDN: CXJJUW.

6. Карпова А. Ю., Савельев А. О., Кузнецов С. А. Трансформация социальных практик ответственного отцовства в девиантные формы социальной активности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4(43). С. 107–118. DOI: 10.18799/26584956/2021/4(43)/1130; EDN: DDR0PU.

7. Карпова А. Ю., Ширыкалов А. М. Разработка метода оценки схожести коллекций текстов с использованием их векторных представлений, полученных методом doc2vec // Молодежь и современные информационные технологии: Сб. тр. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Томск: ТПУ, 2021. С. 75–76. EDN SWSZVQ.

8. Кузнецов С. А., Карпова А. Ю., Савельев А. О. Методы и технологии интеллектуализации поиска деструктивного и радикального контента в социальных медиа: анализ современного состояния // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2023. Т. 20. № 4(226). С. 39–48. DOI: 10.14489/vkit.2023.04.pp.039-048; EDN: EVCQQC.

9. Савельев А. О., Карпова А. Ю., Кузнецов С. А. Подход к оценке взаимосвязей сообществ социальных медиа на базе тематического сходства текстового контента (на примере сообществ социально активных отцов и сообществ с признаками радикализации) // Казанский экономический вестник. 2022. № 1(57). С. 96–103. EDN: DNZYVS.

10. Соколова Т. В., Чеповский А. М. Задача анализа профилей пользователей социальных сетей // Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4i для задач мониторинга и безопасности (SCVRT2017): Тр. Междунар. науч. конф. Москва–Протвино: ИФТИ, 2017. С. 198–201. EDN: YSHYDJ.

11. Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498; EDN: VLTQRN.

12. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с. EDN: SUFKBZ.

13. Akram M., Nasar A. Systematic Review of Radicalization through Social Media // Ege Academic Review. 2023. Vol. 23(2). P. 279–296. DOI: 10.21121/eab.1166627; EDN: JFWLSR.

14. Alvari H., Sarkar S., Shakarian P. Detection of Violent Extremists in Social Media // 2nd International Conference on Data Intelligence and Security (ICDIS). South Padre Island, TX, USA, 2019. P. 43–47. DOI: 10.1109/ICDIS.2019.00014.

15. Araque O., Iglesias C. A. An Approach for Radicalization Detection Based on Emotion Signals and Semantic Similarity // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 17877–17891. DOI: 10.1109/access.2020.2967219.

16. Binder J. F., Kenyon J. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.997390; EDN: RGSYY.

17. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2012. Vol. 4(4). P. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1.
18. Borum R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // *Journal of Strategic Security*. 2012. Vol. 4(4). P. 37–62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.
19. Borum R. Rethinking radicalization // *Journal of Strategic Security*. 2012. Vol. 4(4). P. 1–6. URL: <https://digitalcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1> (дата обращения: 15.12.2023).
20. Borum R. Understanding the terrorist mind-set // *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2003. Vol. 72(7). P. 7–10.
21. Clancy T., Addison B., Pavlov O., Saeed Kh. Contingencies of Violent Radicalization: The Terror Contagion Simulation // *Systems*. 2021. Vol. 9(4). Article 90. DOI: 10.3390/systems9040090.
22. Das S., Biswas A. The Ties that matter: From the perspective of Similarity Measure in Online Social Networks // *ArXiv*. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2212.10960.
23. de la Roche R. S. Why is collective violence collective? // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19(2). P. 126–144. DOI: 10.1111/0735-2751.00133.
24. Deem A. The Digital Traces of #whitegenocide and Alt-Right Affective Economies of Transgression // *International Journal of Communication*. 2019. Vol. 13. P. 3183–3202.
25. Derbas N., Dusserre E. et al. Eventfully Safapp: hybrid approach to event detection for social media mining // *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. 2020. Vol. 11(1). P. 87–95. DOI: 10.1007/s12652-018-1078-7; EDN: VCUFZA.
26. Ducol B. A Radical sociability: in defense of an online/offline multidimensional approach to radicalization // *Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism: Radical and Connected* / Ed by M. Bouchard. N. Y.: Routledge, 2015. P. 82–104.
27. Expressions of Radicalization: Global Politics, Processes and Practices / Ed. by K. Steiner, A. Onnerfors. Cambridge: Palgrave Macmillan, 2018. 526 p. DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6.
28. Ferrara E. Contagion dynamics of extremist propaganda in social networks // *Information Sciences*. 2017. Vol. 418–419. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.ins.2017.07.030.
29. Floridi L. Hyperhistory and the philosophies of information policies // *The Onlife Manifesto* / Ed. by L. Floridi. L.: Springer, 2015. P. 51–63. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6_12.
30. Francisco M., Castro J. L. A fuzzy model to enhance user profiles in microblogging sites using deep relations // *Fuzzy Sets and Systems*. 2020. Vol. 401. P. 133–149. DOI: 10.1016/j.fss.2020.05.006.

31. Garcet S. Understanding the psychological aspects of the radicalization process: a sociocognitive approach // *Forensic Sciences Research*. 2021. Vol. 6(2). P. 115–123. DOI: 10.1080/20961790.2020.1869883.
32. Gezha V. N., Kozitsin I. V. The Effects of Individuals' Opinion and Non-Opinion Characteristics on the Organization of Influence Networks in the Online Domain // *Computers*. 2023. Vol. 12(6). Article 116. DOI: 10.3390/computers12060116.
33. Greenberg K. J. Counter-radicalization via the internet // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2016. Vol. 668(1). P. 165–179. DOI: 10.1177/0002716216672635.
34. Grover T., Mark G. Detecting Potential Warning Behaviors of Ideological Radicalization in an Alt-Right Subreddit // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2019. Vol. 13. P. 193–204. DOI: 10.1609/icwsm.v13i01.3221.
35. Hall M., Logan M. et al. Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web // *Policy & Internet*. 2020. Vol. 12. P. 109–138. DOI: 10.1002/poi3.223.
36. Hamm M., Spaaj R. Lone Wolf Terrorism in America: Using Knowledge of Radicalization Pathways to Forge Prevention Strategies. Washington DC: US Department of Justice, 2015. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248691.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
37. Horgan J. From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 618(1). P. 80–94. DOI: 10.1177/0002716208317539; EDN: JLEUBT.
38. Ishfaq U., Khan H. U., Iqbal S. Identifying the influential nodes in complex social networks using centrality-based approach // *Journal of King Saud University. Computer and Information Sciences*. 2022. Vol. 34(10). P. 9376–9392. DOI: 10.1016/j.jksuci.2022.09.016; EDN: DKHGZY.
39. Karpova A. Yu., Kuznetsov S. A. et al. An online scan of extreme-right radicalization in social networks (the case of the Russian social network VKontakte) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 15. № 12. P. 1738–1750. DOI: 10.17516/1997-1370-0948; EDN: IGVUQA.
40. Karpova A., Savelev A. et al. Method for detecting far-right extremist communities on social media // *Social Sciences*. 2022. Vol. 11. № 5. Article 200. DOI: 10.3390/socsci11050200; EDN: EFNFLP.
41. Kozitsin I. V. A general framework to link theory and empirics in opinion formation models // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12(1). Article 5543. DOI: 10.1038/s41598-022-09468-3; EDN: VVQEUT.
42. Kozitsin I. V. Opinion dynamics of online social network users: a micro-level analysis // *The Journal of Mathematical Sociology*. 2023. Vol. 47(1). P. 1–41. DOI: 10.1080/0022250X.2021.1956917; EDN: BHVFFM.

43. LaFree G. Lone-Offender Terrorists // *Criminology and Public Policy*. 2013. Vol. 12(1). P. 59–62. DOI: 10.1111/1745-9133.12018.
44. Lara-Cabrera R., Pardo A. G. et al. Measuring the Radicalisation Risk in Social Networks // *IEEE Access*. 2017. Vol. 5. P. 10892–10900. DOI: 10.1109/access.2017.2706018; EDN: GFVVFJT.
45. Lee D.-H., Kim Y.-R. et al. Fake News Detection Using Deep Learning // *Journal of Information Processing Systems*. 2019. Vol. 15(5). P. 1119–1130. DOI: 10.3745/JIPS.04.0142.
46. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20(3). P. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367.
47. Moghaddam F. M. The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60(2). P. 161–169. DOI: 10.1037/0003-066X.60.2.161.
48. Mussiraliyeva S., Bolatbek M. et al. On detecting online radicalization and extremism using natural language processing // *21st International Arab Conference on Information Technology*. Giza, 2020. P. 9300086. DOI: 10.1109/ACIT50332.2020.9300086; EDN JNULVZ.
49. Neumann P. R. The trouble with radicalization // *International Affairs*. 2013. Vol. 89(4). P. 873–893. DOI: 10.1111/1468-2346.12049.
50. Petrov A. Countering Fake News with Contagious Inoculation and Debunking: A Mathematical Model // *2022 15th International Conference Management of large-scale system development (MLSD)*. Moscow, 2022. P. 1–4. DOI: 10.1109/MLSD55143.2022.9933991.
51. Petrov A., Akhremenko A., Zheglov S. Dual Identity in Repressive Contexts: An Agent-Based Model of Protest Dynamics // *Social Science Computer Review*. 2023. Vol. 41(6). P. 2249–2273. DOI: 10.1177/08944393231159953; EDN: LPVEKT.
52. Petrov A., Proncheva O. Modeling propaganda battle: Decision-making, homophily, and echo chambers // *Communications in Computer and Information Science*. 2018. Vol. 930. P. 197–209. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_19; EDN: WTYCBE.
53. *Radicalization and Variations of Violence. New Theoretical Approaches and Original Case Studies* / Ed. by D. Beck, J. Renner-Mugono. Springer, 2023. 212 p. DOI: 10.1007/978-3-031-27011-6.
54. Renström E. A., Bäck H., Knapton H. M. Exploring a pathway to radicalization: The effects of social exclusion and rejection sensitivity // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2020. Vol. 23(8). P. 1204–1229. DOI: 10.1177/1368430220917215.
55. Rowe M., Saif H. Mining Pro-ISIS Radicalisation Signals from Social Media Users // *Proceedings of the Tenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2016)*. 2016. Vol. 10(1). P. 329–338. DOI: 10.1609/icwsm.v10i1.14716.

56. Sharif W., Mumtaz S. et al. An empirical approach for extreme behavior identification through tweets using machine learning // *Applied Sciences*. 2019. Vol. 9(18). Article 3723. DOI: 10.3390/app9183723; EDN: VKLQVT.
57. Siebl T. *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*. N. Y.: Rosetta Books, 2019. 256 p.
58. Smith L. G., Wakeford L. et al. Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 108. Article 106298. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106298.
59. Tang L., Liu H. *Community Detection and Mining in Social Media*. Morgan & Claypool Publishers, 2010. 138 p. DOI: 10.1007/978-3-031-01900-5.
60. Tausch N., Bode S., Halperin E. Emotions in Violent Extremism // *Handbook of the Psychology of Violent Extremism* / Ed by M. Obaidi, J. Kunst. Cambridge University Press, 2024.
61. *The Routledge handbook of terrorism research* / Ed. by A. Schmid. L.: Routledge, 2011. 736 p.
62. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. P. 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.
63. Tsapatsoulis N., Djouvas C. Opinion Mining From Social Media Short Texts: Does Collective Intelligence Beat Deep Learning? // *Frontiers in Robotics and AI*. 2019. Vol. 5. P. 138. DOI: 10.3389/frobt.2018.00138.
64. Valentini D., Lorusso A. M., Stephan A. Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 524. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00524.
65. Wadhwa P., Bhatia M. P. S. An approach for dynamic identification of online radicalization in social networks // *Cybernetics and Systems*. 2015. Vol. 46(8). P. 666. Whittaker J. Rethinking Online Radicalization // *Perspectives on Terrorism*. 2022. Vol. 16(4). P. 27–40. URL: <https://www.jstor.org/stable/27158150> (дата обращения: 15.12.2023).
66. Whittaker J. Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism*, 2022: 16(4): 27–40. Accessed 15.12.2023. URL: <https://www.jstor.org/stable/27158150>.
67. Winter Ch., Neumann P. et al. Online extremism: research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. Vol. 14. P. 1–20. DOI: 10.4119/ijcv-3809.
68. Wojcieszak M. Carrying online participation offline: mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties // *Journal of Communication*. 2009. Vol. 59(3). P. 564–586. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x.

69. Xu G., Meng Y. et al. Sentiment Analysis of Comment Texts Based on BiLSTM // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 51522–51532. DOI: 10.1109/ACCESS.2019.2909919.

70. Zafarani R., Abbasi M. A., Liu H. Social Media Mining: An Introduction. Cambridge University Press, 2014. 332 p. DOI: 10.1017/CBO9781139088510.

71. Zareie A., Sheikhahmadi A. et al. Finding influential nodes in social networks based on neighborhood correlation coefficient // Knowledge-Based Systems. 2020. Vol. 194. Article 105580. DOI: 10.1016/j.knosys.2020.105580.

Получено редакцией: 19.02.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН; руководитель центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Карпова Анна Юрьевна, доктор социологических наук, профессор Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Савельев Алексей Олегович, кандидат технических наук, доцент Инженерной школы информационных технологий и робототехники, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.2

Practical Network Topology in the Study of Online Radicalisation of Youth: Opportunities and Limitations

Yulia A. Zubok

ICTAS RAS, Moscow, Russia

uzubok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3108-2614

Anna Yu. Karpova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

belts@tpu.ru

ORCID: 0000-0001-7854-1438

Aleksei O. Savelev

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

sava@tpu.ru

ORCID: 0000-0002-7466-6142

For citation: Zubok Yu. A., Karpova A. Yu., Savelev A. O. Practical network topology in the study of online radicalisation of youth: opportunities and limitations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 13–42. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.2; EDN: VWSNFH.

Abstract. The paper presents key approaches to understanding and researching radicalisation, as well as the opportunities and limitations of applying some research methods to model network topology and assess content similarity of online communities. Today, Web Mining and AI methods and technologies are often applied in research on

social networks and youth participation in them. However, the question how these approaches can be effectively used to study online radicalisation remains open. The answer to this question should increase the explanatory and predictive power of computational models for detecting and predicting radicalisation in the online space. In much of the Russian research on online radicalisation, a common approach has been to reduce the task of identifying the interconnectedness of individual online communities or clusters of them to assessing the degree of similarity in terms of subscribers or linguistic markers. This approach is limited in predicting new connections between communities and justifying radicalisation pathways, but is relevant in modelling information diffusion. In this paper, the authors aim to demonstrate the possibilities and limitations of applying the tf-idf, doc2vec methods to assess the content similarity of online communities without signs of radicalisation and online communities with signs of radicalisation. This approach allowed the authors to identify communities with a significant tendency to unite (to establish direct links). The paper presents the results of the comparative study in the form of social graphs formed according to the principles of subscriber commonality, similarity of significant words, and contextual similarity based on the doc2vec model. The social graph based on doc2vec method performed better in terms of clustering of online communities as well as interpretability of the results. This is crucial for detecting and predicting radicalisation online, as it opens the prospect of exploring the nature of assortativity in the observed network.

Keywords: social network, community, radicalisation, network topology, tf-idf, doc2vec

References

1. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Network or text? Factors of protest dissemination in social media: theory and data analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2020: 2: 73–91 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06; EDN: APZWMB.
2. Karpova A. Y., Kuznetsov S. A. et al. Method for searching images with signs of ultra-right radicalization in social media based on neural network classification. *Sistemy upravleniya i informacionny`e texnologii*, 2023: 1(91): 59–64 (in Russ.). DOI: 10.36622/VSTU.2023.91.1.012; EDN: KGWMLC.
3. Karpova A. Yu., Savelev A. O. Opportunities and boundaries of Big Data technologies for the study of online radicalization. In Third December socio-political readings “How you live, Russia?”. Challenges of the pandemic, parliamentary elections and strategic agenda for society and the state. Moscow, FNISC RAN, 2022: 67–78 (in Russ.). EDN: ZXFWGV.
4. Karpova A. Y., Savelev A. O. et al. Ultra-right radicalization: methodology of automated threat detection by web mining methods. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020: 5(102): 30–43 (in Russ.). DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-30-43; EDN: BEZTTC.
5. Karpova A. Y., Savelev A. O. et al. Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2020: 3(157): 159–181 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585; EDN: CXJJUW.
6. Karpova A. Y., Savelev A. O., Kuznetsov S. A. Transformation of social practices of responsible fatherhood into deviant forms of social activity. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium*, 2021: 4(43): 107–118 (in Russ.). DOI: 10.18799/26584956/2021/4(43)/1130; EDN: DDROPU.
7. Karpova A. Yu., Shirykalov A. M. Development of a method for evaluating the similarity of text collections using their vector representations obtained by the doc2vec method. In Youth and Modern Information Technologies. Tomsk, TPU, 2021: 75–76 (in Russ.). EDN: SWSZVQ.
8. Kuznetsov S. A., Karpova A. Yu., Savelev A. O. Methods and technologies of intellectualization of search for destructive and radical content in social media: analysis of the current state. *Vestnik kompyuternyh i informacionnyh texnologij*, 2023: 4(226): 39–48 (in Russ.). DOI: 10.14489/vkit.2023.04.pp.039-048; EDN: EVCQQC.
9. Savelev A. O., Karpova A. Yu. A. Approach to the assessment of interconnections of social media communities on the basis of thematic similarity of textual content (on the example of communities of socially active fathers and communities with signs of radicalization). *Kazan Economic Bulletin*, 2022: 1(57): 96–103 (in Russ.). EDN: DNZYVS.
10. Sokolova T. V., Chepovsky A. M. The task of analyzing social network user profiles. In Situation centers and information-analytical systems of class 4i for monitoring and security tasks (SCVRT2017). Moscow–Protvino, IFTI, 2017: 198–201 (in Russ.). EDN: YSHYDJ.

11. Stukal D. K., Akhremenko A. S., Petrov A. P. Affective political polarization and hate speech: created for each other? *Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya*, 2022: 3: 480–498 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498; EDN: VLTQRN.
12. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. Molodezhnyj ekstremizm: sushhnost, formy proyavleniya, tendencii [Youth extremism: essence, forms of manifestation, trends]. Moscow, Academia, 2009: 320 (in Russ.). EDN: SUFKBZ.
13. Akram M., Nasar A. Systematic Review of Radicalization through Social Media. *Ege Academic Review*. 2023. Vol. 23(2). P. 279–296. DOI: 10.21121/eab.1166627; EDN: JFWLSR.
14. Alvare H., Sarkar S., Shakarian P. Detection of Violent Extremists in Social Media. In 2nd International Conference on Data Intelligence and Security (ICDIS). South Padre Island, TX, USA, 2019: 43–47. DOI: 10.1109/ICDIS.2019.00014.
15. Araque O., Iglesias C. A. An Approach for Radicalization Detection Based on Emotion Signals and Semantic Similarity. *IEEE Access*, 2020: 8: 17877–17891. DOI: 10.1109/access.2020.2967219.
16. Binder J. F., Kenyon J. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? *Frontiers in Psychology*, 2022: 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.997390; EDN: RGSMYY.
17. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2012: 4(4): 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1.
18. Borum R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research. *Journal of Strategic Security*. 2012: 4(4): 37–62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.
19. Borum R. Rethinking radicalization. *Journal of Strategic Security*, 2012: 4(4): 1–6. Accessed 15.12.2023. URL: <https://digitalcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1>
20. Borum R. Understanding the terrorist mind-set. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 2003: 72(7): 7–10.
21. Clancy T., Addison B. et al Contingencies of Violent Radicalization: The Terror Contagion Simulation. *Systems*, 2021: 9(4): 90. DOI: 10.3390/systems9040090.
22. Das S., Biswas A. The Ties that matter: From the perspective of Similarity Measure in Online Social Networks. *ArXiv*, 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2212.10960.
23. de la Roche R. S. Why is collective violence collective? *Sociological Theory*, 2001: 19(2): 126–144. DOI: 10.1111/0735-2751.00133.
24. Deem A. The Digital Traces of #whitegenocide and Alt-Right Affective Economies of Transgression. *International Journal of Communication*, 2019: 13: 3183–3202.
25. Derbas N., Dusserre E. et al. Eventfully Safapp: hybrid approach to event detection for social media mining. In *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*, 2020: 11(1): 87–95. DOI: 10.1007/s12652-018-1078-7; EDN: VCUFZA.
26. Ducol B. A Radical sociability: in defense of an online/offline multidimensional approach to radicalization. *Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism: Radical and Connected*. Ed by M. Bouchard. New York, Routledge, 2015: 82–104.
27. Expressions of Radicalization: Global Politics, Processes and Practices. Cambridge, Palgrave Macmillan, 2018: 526. DOI: 10.1007/978-3-319-65566-6.
28. Ferrara E. Contagion dynamics of extremist propaganda in social networks. *Information Sciences*, 2017: 418–419: 1–12. DOI: 10.1016/j.ins.2017.07.030.
29. Floridi L. Hyperhistory and the philosophies of information policies. *The Onlife Manifesto*, 2015: 51–63. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6_12.
30. Francisco M., Castro J. L. A fuzzy model to enhance user profiles in microblogging sites using deep relations. *Fuzzy Sets and Systems*, 2020: 401: 133–149. DOI: 10.1016/j.fss.2020.05.006.
31. Garcet S. Understanding the psychological aspects of the radicalization process: a sociocognitive approach. *Forensic Sciences Research*, 2021: 6(2): 115–123. DOI: 10.1080/20961790.2020.1869883.
32. Gezha V. N., Kozitsin I. V. The Effects of Individuals' Opinion and Non-Opinion Characteristics on the Organization of Influence Networks in the Online Domain. *Computers*, 2023: 12(6). DOI: 10.3390/computers12060116.
33. Greenberg K. J. Counter-radicalization via the internet. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2016: 668(1): 165–179. DOI: 10.1177/0002716216672635.

34. Grover T., Mark G. Detecting Potential Warning Behaviors of Ideological Radicalization in an Alt-Right Subreddit. In Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media, 2019: 13: 193–204. DOI: 10.1609/icwsm.v13i01.3221.
35. Hall M., Logan M. et al. Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web. *Policy & Internet*. 2020: 12: 109–138. DOI: 10.1002/poi3.223.
36. Hamm M., Spaaj R. Lone Wolf Terrorism in America: Using Knowledge of Radicalization Pathways to Forge Prevention Strategies. Washington DC: *US Department of Justice*, 2015. Accessed 15.12.2023. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248691.pdf>
37. Horgan J. From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008: 618(1): 80–94. DOI: 10.1177/0002716208317539; EDN: JLEUBT.
38. Ishfaq U., Khan H. U., Iqbal S. Identifying the influential nodes in complex social networks using centrality-based approach. *Journal of King Saud University. Computer and Information Sciences*, 2022: 34(10): 9376–9392. DOI: 10.1016/j.jksuci.2022.09.016; EDN: DKHGZY.
39. Karpova A. Yu., Kuznetsov S. A. et al. An online scan of extreme-right radicalization in social networks (the case of the Russian social network VKontakte). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2022: 15: 12: 1738–1750. DOI: 10.17516/1997-1370-0948; EDN: IGVUQA.
40. Karpova A., Savelev A. et al. Method for detecting far-right extremist communities on social media. *Social Sciences*, 2022: 11: 5. DOI: 10.3390/socsci11050200; EDN: EFNFLP.
41. Kozitsin I. V. A general framework to link theory and empirics in opinion formation models. *Scientific Reports*, 2022: 12(1): 5543. DOI: 10.1038/s41598-022-09468-3; EDN: VVQEUT.
42. Kozitsin I. V. Opinion dynamics of online social network users: a micro-level analysis. *The Journal of Mathematical Sociology*, 2023: 47(1): 1–41. DOI: 10.1080/0022250X.2021.1956917; EDN: BHVFFM.
43. LaFree G. Lone-Offender Terrorists. *Criminology and Public Policy*, 2013: 12(1): 59–62. DOI: 10.1111/1745-9133.12018.
44. Lara-Cabrera R., Pardo A. G. et al. Measuring the Radicalisation Risk in Social Networks. *IEEE Access*, 2017: 5: 10892–10900. DOI: 10.1109/access.2017.2706018; EDN: GFVFJT.
45. Lee D.-H., Kim Y.-R. et al. Fake News Detection Using Deep Learning. *Journal of Information Processing Systems*, 2019: 15(5): 1119–1130. DOI: 10.3745/JIPS.04.0142.
46. McCauley C., Moskaleiko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 2008: 20(3): 415–433. DOI: 10.1080/0954650802073367.
47. Moghaddam F. M. The staircase to terrorism: A psychological exploration. *American Psychologist*, 2005: 60(2): 161–169. DOI: 10.1037/0003-066X.60.2.161.
48. Mussiraliyeva S., Bolatbek M. et al. On detecting online radicalization and extremism using natural language processing. In 21st International Arab Conference on Information Technology. Giza, 2020: 9300086. DOI: 10.1109/ACIT50332.2020.9300086; EDN JNULVZ.
49. Neumann P. R. The trouble with radicalization. *International Affairs*, 2013: 89(4): 873–893. DOI: 10.1111/1468-2346.12049.
50. Petrov A. Countering Fake News with Contagious Inoculation and Debunking: A Mathematical Model. 2022 15th International Conference Management of large-scale system development (MLSD). Moscow, 2022: 1–4. DOI: 10.1109/MLSD55143.2022.9933991.
51. Petrov A., Akhremenko A., Zheglov S. Dual Identity in Repressive Contexts: An Agent-Based Model of Protest Dynamics. *Social Science Computer Review*, 2023: 41(6): 2249–2273. DOI: 10.1177/08944393231159953; EDN: LPVEKT.
52. Petrov A., Proncheva O. Modeling propaganda battle: Decision-making, homophily, and echo chambers. *Communications in Computer and Information Science*, 2018: 930: 197–209. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_19; EDN: WTYCBE.
53. Radicalization and Variations of Violence. New Theoretical Approaches and Original Case Studies. Ed. by D. Beck, J. Renner-Mugono. Springer, 2023: 212. DOI: 10.1007/978-3-031-27011-6.
54. Renström E. A., Bäck H., Knapton H. M. Exploring a pathway to radicalization: The effects of social exclusion and rejection sensitivity. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020: 23(8): 1204–1229. DOI: 10.1177/1368430220917215.

55. Rowe M., Saif H. Mining Pro-ISIS Radicalisation Signals from Social Media Users. In Proceedings of the Tenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2016). 2016: 10(1): 329–338. DOI: 10.1609/icwsm.v10i1.14716.
56. Sharif W., Mumtaz S. et al. An empirical approach for extreme behavior identification through tweets using machine learning. *Applied Sciences*, 2019: 9(18). DOI: 10.3390/app9183723; EDN: VKLQVT.
57. Siebl T. Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction. New York, Rosetta Books, 2019: 256.
58. Smith L. G., Wakeford L. et al. Detecting psychological change through mobilizing interactions and changes in extremist linguistic style. *Computers in Human Behavior*, 2020: 108: 106298. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106298.
59. Tang L., Liu H. Community Detection and Mining in Social Media. Morgan & Claypool Publishers, 2010: 138. DOI: 10.1007/978-3-031-01900-5.
60. Tausch N., Bode S., Halperin E. Emotions in Violent Extremism. Handbook of the Psychology of Violent Extremism. Cambridge University Press, 2024.
61. The Routledge handbook of terrorism research. London, Routledge, 2011: 736.
62. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media. *Journal of Strategic Security*, 2011: 4: 167–190. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.8.
63. Tsapatsoulis N., Djouvas C. Opinion Mining From Social Media Short Texts: Does Collective Intelligence Beat Deep Learning? *Frontiers in Robotics and AI*, 2019: 5: 138. DOI: 10.3389/frobt.2018.00138.
64. Valentini D., Lorusso A. M., Stephan A. Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization. *Frontiers in Psychology*, 2020: 11: 524. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00524.
65. Wadhwa P., Bhatia M. P. S. An approach for dynamic identification of online radicalization in social networks. *Cybernetics and Systems*, 2015: 46(8): 641–665. DOI: 10.1080/01969722.2015.1058665.
66. Whittaker J. Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism*, 2022: 16(4): 27–40. Accessed 15.12.2023. URL: <https://www.jstor.org/stable/27158150>.
67. Winter Ch., Neumann P. et al. Online extremism: research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020: 14: 1–20. DOI: 10.4119/ijcv-3809.
68. Wojcieszak M. Carrying online participation offline: mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties. *Journal of Communication*, 2009: 59(3): 564–586. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x.
69. Xu G., Meng Y. et al. Sentiment Analysis of Comment Texts Based on BiLSTM. *IEEE Access*, 2019: 7: 51522–51532. DOI: 10.1109/ACCESS.2019.2909919.
70. Zafarani R., Abbasi M. A., Liu H. Social Media Mining: An Introduction. Cambridge University Press, 2014: 332. DOI: 10.1017/CBO9781139088510.
71. Zareie A., Sheikhamadi A. et al. Finding influential nodes in social networks based on neighborhood correlation coefficient. *Knowledge-Based Systems*, 2020: 194: 105580. DOI: 10.1016/j.knosys.2020.105580.

The article was submitted on: February 19, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Zubok, Doctor of Sociology Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

Anna Yu. Karpova, Doctor of Sociology Sciences, Professor, School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University

Aleksei O. Savelev, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Division for Information Technology, National Research Tomsk Polytechnic University

ТЕМА НОМЕРА

МЕТОДОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4

EDN: UVPWKI

Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне¹

Ссылка для цитирования: Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Тишков С. В. Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.

For citation: Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V. Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.

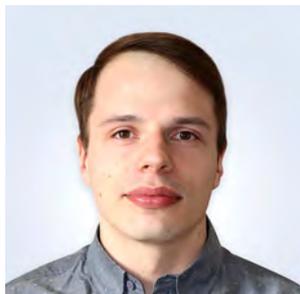

AuthorID РИНЦ: 78571

Волков Александр Дмитриевич¹

¹Институт экономики КарНЦ РАН,
Петрозаводск, Россия

kov8vol@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 1109853

Аверьянов Александр Олегович^{1,2}

¹Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия
²Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

aver@petsu.ru

AuthorID РИНЦ: 906068

Рослякова Наталья Андреевна^{1,2}

¹Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия
²Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН,
Москва, Россия

na@roslyakova24.ru

AuthorID РИНЦ: 534254

Тишков Сергей Вячеславович¹

¹Институт экономики КарНЦ РАН,
Петрозаводск, Россия

insteco_85@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-78-10192 «Формирование этнометрического базиса институционального проектирования Российской Арктики: взаимовлияние культуры, экономического пространства и социального отбора в макросистемах».

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования, посвященного адаптации и апробации в российских условиях признанного в мире инструментария измерения социокультурных характеристик по модели Хофстеде на индивидуальном уровне. Апробация инструментария выполнена в рамках полевого социологического исследования арктических территорий Республики Карелия ($n = 1042$), проведенного в 2023 г. Определена территориальная специфика значений социокультурных характеристик индивидов по модели Хофстеде, а также их выраженность в аспекте социальных групп (в частности, пола). Наибольшие различия прослеживаются для показателя «маскулиность», а минимальные – для показателя «коллективизм». Проверена релевантность модели культурных показателей и оценена сходимость измерений. Применены методики факторного анализа методом главных компонент (PCA), многомерного шкалирования (ALSCAL), иерархического кластерного анализа. Качество факторного анализа было проверено на основе значений критерия сферичности Бартлетта и статистики меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина. Также для проверки надежности используемого инструментария было проведено сопоставление результатов авторов и разработчиков методики, с использованием коэффициента альфа Кронбаха (α). Полученные значения коэффициента говорят о высокой надежности используемого инструментария, а также подтверждают сохранение измерительной способности шкал после перевода по пяти показателям из шести. По шестому показателю «долгосрочность целеполагания» целесообразна корректировка перевода вопросов, исходя из относительно более низкого значения коэффициента альфа Кронбаха (α). Анализ на номологическую валидность подтвердил релевантность представленного инструментария. Это позволяет говорить о достижении цели исследования и успешной адаптации и апробации актуального инструментария расчета значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на индивидуальном уровне в условиях России. Примененные шкалы характеризуются высокой надежностью и валидностью. Перспективны для дальнейших исследований расширение географии применения инструментария; составление этнометрической базы данных регионов РФ по значениям социокультурных характеристик по модели Хофстеде, измеренных на уровне индивидов; анализ закономерностей пространственной дифференциации показателей, а также изучение аспектов влияния в рамках триады «пространство – социокультурная специфика индивидов – воспроизводство человеческого капитала».

Ключевые слова: социология, социологические методы, модель Хофстеде, социокультурные характеристики, социокультурная специфика, Арктическая зона России, проверка шкал

Введение

Культурная специфика населения на уровне регионов и отдельных территорий России является важнейшим, но лишь в малой степени изученным аспектом социально-экономического развития [1; 4]. В свою очередь, слабая изученность ограничивает возможности учета социокультурных факторов в институциональном проектировании, затрудняет оценку причин эффективности или неэффективности вводимых регулятивных механизмов на различных территориях [4]. Новый этап становления программных инструментов управления российскими макрорегионами, и, в частности – Российской Арктикой, совпавший с периодом глобальной нестабильности и социально-экономических рисков, требует концептуального обновления

научной и информационной базы разработки управленческих решений, активизации поиска недоиспользованных резервов развития макрорегионов, которые должны быть учтены и задействованы в рамках научно обоснованного институционального проектирования [6; 5].

В этом контексте формирование этнометрического базиса институционального проектирования является важнейшей методологической и научно-практической задачей. Ее решение основано на выявлении социокультурной специфики в привязке к совокупности пространственных факторов, установлении комплекса ее взаимосвязей с другими ключевыми компонентами общественного воспроизводства. В практическом ключе использование этнометрического базиса институционального проектирования позволяет точнее устанавливать и корректнее интерпретировать причинно-следственные связи, определяющие особенности динамики социально-экономических процессов, причины неэффективности тех или иных вводимых институтов [2; 8].

В то же время сохраняется ряд нерешенных проблем методологического и инструментального характера. Учитывая гораздо более обширный международный опыт исследований в этой области, в качестве одной из актуальных задач можно назвать адаптацию апробированного международного инструментария социокультурных и этнометрических исследований для российских условий. Отдельного внимания заслуживает методология измерения значений социокультурных характеристик на уровне индивидов на основе показателей модели Хофстеде, позволяющая осуществлять сопоставление социокультурных паттернов и установок и социальных характеристик индивидов. Полноценная адаптация инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов должна включать не только перевод анкеты, но и апробацию и проверку шкал на репрезентативной выборке. Эти задачи были решены нами в ходе представленного исследования.

Научная новизна работы определяется:

- необходимостью апробации относительно нового инструментария исследования шестого показателя модели Хофстеде – «допустимости удовлетворения желаний» («indulgence»), в том числе – в российских условиях;
- неадаптированностью международно признанного инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов к использованию в условиях России и русскоязычных сообществ;
- дефицитом данных внутристрановых региональных исследований в области культурной специфики и ее влияния на условия общественного развития.

Концепции и подходы к исследованию социокультурной специфики

Как отмечается рядом исследователей, в предметном поле социокультурных измерений существует более десяти апробированных и широко признанных методик [4]. Общее число различных методик и инструментариев превышает сотню [34]. Методологические подходы к исследованию социокультурной специфики представлены в работах Ш. Шварца [31], Р. Инглхарта [26], Дж. Стенкампа [33], Г. Хофстеде [21], системе GLOBE [25]. Однако, как отмечается в работе [34], методология Г. Хофстеде остается наиболее широко распространенной. Изначально сформировавшаяся в качестве прикладного инструмента концепция Хофстеде сохраняет это значение и в настоящее время – в первую очередь в сфере управления и менеджмента: в области регулирования потребительского поведения населения, при разработке корпоративных стандартов и управлении персоналом, при учете особенностей общественной деятельности и т. д. Со временем концептуальная модель Г. Хофстеде переросла рамки прикладного инструментария и приобрела самостоятельное методологическое значение. В процессе обогащения фактологической базы исследований, построенных на ее основе, происходили эволюционные изменения модели и ее уточнения.

Изначально в своей модели Г. Хофстеде выделял четыре социокультурных показателя или паттерна: «маскулинность» / «феминность» («masculinity» / «femininity»), «дистанция власти» («power distance»), «коллективизм» / «индивидуализм» («collectivism» / «individualism») и «избегание неопределенности» («uncertainty avoidance») [20]. В дальнейшем Г. Хофстеде и М. Бондом в качестве пятого показателя был введен «конфуцианский динамизм» («confucian work dynamism») впоследствии переименованный авторами в «долгосрочность ориентаций»; (или в другом переводе – «долгосрочность целеполагания» («long-term orientations»)). Были обоснованы и апробированы методики его измерения [23]. Шестой показатель – «допустимость удовлетворения желаний» / «сдержанность» («indulgence» / «restraint») появился в качестве дополнения инструментария относительно недавно – в 2010 г. [24] в результате обобщения множества страновых исследований, в первую очередь – World Values Survey и работ Р. Инглхарта [26]. Данный показатель до настоящего времени используется в научных исследованиях в относительно меньшей степени [34; 19].

Социокультурные показатели в модели Г. Хофстеде достаточно подробно рассмотрены в исследовательских работах [8; 21; 22; 23; 34]. Представим их обобщающую характеристику:

- «Маскулинность» / «феминность» отражает степень преобладания ценностей настойчивости, результативности, успеха и конкурентности (маскулинные приоритеты) над ценностями комфортности условий жизнедеятельности, гармоничности и дружелюбности в межличностных отношениях, перераспределения благ от сильных к слабым, солидарности. Сообщества с преобладанием феминных паттернов в большей степени приемлют перераспределение благ от сильных к слабым. В сообществах с преобладанием

маскулинных паттернов поддерживается ориентация индивидов на достижение целей. При этом, как отмечается в работах [29; 34], данный показатель является одним из «наименее целостных» в модели Хофстеде и подвергается критике за смешение двух относительно самостоятельных явлений – гендерных ролей в обществе и ориентированности на достижение результата, как самостоятельной ценности, присущей как мужчинам, так и женщинам.

- «Дистанция власти» отражает степень принятия обществом неравномерности в распределении власти, а также степень готовности к этому неравенству в будущем. При этом Г. Хофстеде делает акцент на принятии такого положения вещей, в первую очередь, той частью общества или его акторами, которые в меньшей степени наделены властью и привилегиями [22]. Как отмечает Н. В. Латова: «в культурах с высокой “дистанцией власти” сама эта власть воспринимается членами социума как наиболее важная часть их жизни» [8, с. 160], критика вышестоящих в общественной иерархии не приветствуется и осуждается, а статусы подчиненных и начальства определяют высокую или низкую значимость голоса индивида при принятии общих решений.

- «Коллективизм» / «индивидуализм» является показателем приоритетности индивидуальных или групповых интересов в обществе. Также он отражает предпочтения индивидуальных или коллективных действий, жесткость и силу связей между индивидом и группой, к которой он принадлежит. На разных полюсах находится приоритет самостоятельной заботы о себе и своих близких и патернализм социальной группы, получаемый человеком в случае его лояльности к ней и приверженности ее интересам. Данный показатель зачастую упоминается как наиболее часто измеряемый и популярный в рамках социокультурных исследований в мировом масштабе.

- «Избегание неопределенности» говорит о степени принятия в рамках общества неопределенности смыслов, правил и установок, а также непредсказуемости ситуаций и будущего в целом. Для представителей сообществ с высокими значениями показателя «избегание неопределенности» характерно предпочтение четко прописанных правил поведения и инструкций во всех сферах жизнедеятельности – от морально-нравственных и этических аспектов до конкретных производственных задач. Г. Хофстеде также отмечает низкий уровень принятия в них «инаковых» идей и людей, чья модель поведения отличается от общепринятой в сообществе, и в целом – повышенный уровень эмоциональности, нервозности, склонность к стрессу.

- «Долгосрочность целеполагания» отражает в первую очередь ценности трудолюбия и упорства в достижении цели, но также и спектр других ценностей, присущих Конфуцианскому учению (в связи с чем данный показатель изначально был назван «конфуцианский динамизм» («confucian work dynamism»)). Данный показатель был впервые идентифицирован в ходе исследований китайских ученых и интегрирован в модель Хофстеде в 1988 г. [23]. Ценности общества, одобряющего «долгосрочность целеполагания», включают также бережливость, расчетливость в достижении цели, способность жертвовать сиюминутными выгодами для ее достижения, гибкость и адаптивность в условиях меняющихся обстоятельств.

- «Допустимость удовлетворения желаний» / «сдержанность» («indulgence» / «restraint») – показатель того, насколько удовлетворение естественных для человека потребностей, связанных с развлечениями, удовольствием и наслаждением жизнью, поддерживается или ограничивается обществом. Для обществ, характеризующихся высокими значениями «допустимости удовлетворения желаний», характерны большая доля людей, считающих себя счастливыми, высокая ценность досуга и свободного времяпрепровождения, относительно большая свобода в сфере сексуальных отношений [21].

Наиболее актуальный инструментарий, включающий все шесть измерений Г. Хофстеде, представлен в Values survey module (VSM 2013)¹. В методических рекомендациях к данному инструментарию отмечается, что единственно возможным путем анализа является сопоставления результатов, полученных для двух и более сообществ (разного масштаба – на уровне страны, нации, региона) при условии соотносимости выборочных совокупностей². Такой характер не позволяет судить о значениях измерителей, полученных для отдельных стран или территорий, вне компаративного контекста. Кроме того, методика измерения (вопросы, которые задаются респондентам) в рамках модели, предложенной самим Г. Хофстеде, не позволяет получать релевантные результаты при исследовании социокультурных особенностей на уровне отдельных индивидов. Корректные оценки шести измерителей получаются только в результате аналитической свертки результатов опросов на уровне исследуемого сообщества. То есть, ответ конкретного респондента не является отражением его индивидуальных социокультурных характеристик. Методика измерения и аналитическая обработка Г. Хофстеде позволяет получать оценки только на уровне сообществ (по аналогии со статистическим законом больших чисел, когда закономерность проявляется только на основе анализа большого числа различных проявлений исследуемого процесса у объектов наблюдения). Это подтверждается опытом применения инструментария VSM 2013 на уровне отдельных респондентов, когда при ответах на одни и те же вопросы качество результатов на индивидуальном уровне не позволяло получить объективную картину и связать их с социально-экономическими практиками [27]. Именно это обусловило то, что изначально культурные характеристик измерялись только на национальном уровне.

Однако, как отмечается в работе В. Уоо и соавторов, зачастую необходимой является идентификация социокультурных показателей на индивидуальном уровне, что было реализовано через альтернативную методику измерения (другие вопросы, которые позволяют идентифицировать социокультурные особенности на уровне индивидов). Это особенно актуально для стран с гетерогенным населением или, например, для сегментации рынка с особой значимостью индивидуальной специфики потребления [35, с. 2].

¹ Hofstede G., Minkov M. VSM 2013. Values survey module 2013 manual // geerthofstede.com. 2013. May. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

² Values survey module. Academic use // geerthofstede.com. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/> (дата обращения: 15.12.2023).

Для России с ее выраженной гетерогенностью социометрических характеристик населения, что отражено в работах [3; 4], это особенно важно. В рамках дифференцированного пространства актуальность расчета значений социокультурных характеристик на уровне индивидов значительно возрастает. Кроме того, разработанная для измерения характеристик сообществ традиционная методика измерения модели Хофстеде, представленная в VSM 2013, методологически не эффективна при исследовании индивидуальных особенностей поведения отдельных людей [18]. Это обусловило необходимость разработки дополнительного методологического инструментария, позволяющего применять методологическую основу модели Хофстеде (шесть измерителей) при изучении объектов на микроуровне, адаптированного к задачам обнаружения корреляций между характеристиками респондентов и их экономическими практиками.

Применение модели Г. Хофстеде для измерения значений социокультурных характеристик на уровне индивидов

Исследование влияния культурной специфики на индивидуальные аспекты жизнедеятельности потребовало разработки отдельных шкал, что и было осуществлено в ряде работ [12; 16; 17; 19; 32; 34; 35]. Однако этот вопрос решался исследователями с разной степенью успешности. Так, в работе Р. Dorfman и соавторов [16] была разработана надежная шкала для актуального на тот момент времени набора из четырех показателей модели Хофстеде. Однако, ориентированная на изучение корпоративного сектора, она оказалась непригодной для универсальных исследований населения. В работах W. Bearden и соавторов [12], Т. Erdem и соавторов [17], Р. Sharma [32] были предложены надежные шкалы, тем не менее, не соответствующие актуальному перечню показателей в модели Г. Хофстеде: Т. Erdem et al. рассматривали только три показателя, W. Bearden et al. – один, Р. Sharma – десять. Опираясь на наиболее широкую апробацию и признание в научных кругах (например, в работах [28]), наиболее удачной в рамках задачи разработки инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов можно считать работу В. Yoo и соавторов [35], которая и была взята нами в качестве базовой при выборе методики измерения. Указанными авторами была разработана надежная шкала для работы с пятью актуальными на тот момент показателями: «дистанция власти», «маскулинность» / «феминность», «индивидуализм» / «коллективизм», «избегание неопределенности» и «долгосрочная / краткосрочная ориентация». Даже в наиболее свежей работе, посвященной разработке и апробации инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов [34], авторами рассматривается методология по пяти показателям, шестой же – «допустимость удовлетворения желаний» оставлен без исследовательского внимания. Одной из первых попыток разработки шкалы для шестого измерителя Хофстеде можно

считать работу А. Хейдари (A. Heydari) и соавторов [19]. Этот инструментальный еще не прошел полную апробацию в рамках научного сообщества, в то же время, авторами была осуществлен отбор показателей с использованием методов факторного анализа, конфирматорного факторного анализа, расчета валидности и достоверности и других исследовательских процедур, что позволяет предполагать ее надежность.

Актуальность применения модели Г. Хофстеде в социокультурных исследованиях в российских условиях

Исследователями подчеркивается особый профиль культурных паттернов российского общества [8; 14]. В большинстве работ, выводы которых основаны на результатах измерений по методологии Хофстеде, отмечается достаточно высокие показатели индивидуализма, а показатель дистанции власти носит умеренные значения. И та, и другая особенность более характерны для стран Запада. В то же время, высокие показатели «избегания неопределенности» и пониженные – «маскулинности» отличают Россию и от большинства стран Востока [8]. Причины такой «нехарактерности» могут определяться как особенностями исторического пути страны, так и богатым разнообразием культур проживающих народов. В этом контексте важными аспектами следует признать гетерогенность значений отдельных измерителей при гомогенности других [8; 13], наличие региональной специфики культурных паттернов [4]. Однако данные аспекты до настоящего времени остаются относительно малоизученными.

В ряде работ в качестве особенности, присущей постсоветским странам, отмечается достаточно быстрая трансформация культурного профиля и его показателей в разрезе измерителей Хофстеде [8; 13]. В целом же А. Аузан и соавторы [1] отмечают дефицит данных внутривосточных региональных исследований в области культурной специфики и ее влияния на условия общественного развития. Одним из ограничений, существующих на сегодня работ в области культурной специфики российских регионов по методологии Хофстеде, является относительное устаревание методологии, проявляющееся в первую очередь в суженном спектре применяемых показателей по сравнению с новейшими исследованиями мирового уровня (4 показателя против 5–6 в последних). В то время как отмеченный ранее этап выраженной трансформации культурных характеристик российского общества требует относительно регулярной актуализации данных, отражающих как настоящие параметры культурной специфики, так и их динамику.

Другой нерешенной проблемой является отсутствие адаптации инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов к использованию в условиях России и русскоязычных сообществ. Обзор работ российских ученых не выявил опыта адаптации соответствующего инструментария, его перевода на русский язык и апробации в полевых условиях.

Адаптация и апробация инструментария измерения значений социокультурных характеристик на уровне индивидов в условиях России: логика решения задачи

Указанные обстоятельства определили постановку цели настоящей работы, которая заключается в адаптации и апробации актуального инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов в условиях России.

Ее достижение основано на следующих задачах:

1. *Идентификация наиболее эффективной методики исследования социокультурной специфики в рамках модели Хофстеде на уровне индивидов и составление русскоязычной версии социологического инструментария.* Основываясь на приведенном выше анализе существующих методик измерения социокультурных показателей модели Г. Хофстеде были отобраны методика В. Юо и соавторов [35] для пяти первых измерителей и методика А. Нейдари и соавторов [19] для последнего из введенных в модель Г. Хофстеде измерителя «допустимости удовлетворения желаний». Для решения данной задачи нами была использована 5-значная шкала Ликерта, реализованная в шкалу CVSCALE для первых пяти показателей модели Г. Хофстеде [35]. В рамках инструментария А. Хейдари и соавторов [19] измерение показателя «допустимости удовлетворения желаний» было реализовано на 7-значной шкале Ликерта. Разница диапазонов шкал вызывает определенные неудобства при их совместном использовании. Поэтому в рамках адаптации и проверки инструментария нами была применена 5-значная шкала Ликерта во всех вопросах. Также в инструментарий была заложена возможность изучения взаимосвязи между культурными особенностями проживающего населения, поведенческими установками и показателями развития человеческого капитала. Базовая часть анкеты включала ряд вопросов, направленных на выявление индивидуальных характеристик респондентов: пол, возраст, образование, количество совместно проживающих членов семьи, уровень личного ежемесячного дохода, основной род занятий.

2. *Апробация полученного на первом этапе социологического инструментария.* С целью корректной адаптации инструментария и его апробации в рамках полевых исследований нами был выбран регион Арктической Карелии. Полевой этап исследования был осуществлен в августе-сентябре 2023 г.

3. *Оценка сходимости измерений и проверка релевантности социокультурных измерителей.* Для оценки сходимости измерений и проверки формирования самих социокультурных измерителей были последовательно применены методики факторного анализа методом главных компонент (PCA), многомерного шкалирования (ALSCAL), иерархического кластерного анализа.

4. *Оценка надежности шкал для каждого из шести социокультурных показателей.* Оценка надежности была проведена на основе коэффициента альфа Кронбаха (α).

5. Проверка шкал на номологическую валидность. Для решения этой задачи нами было выдвинуто несколько гипотез. В настоящей работе для примера представлены две из них:

а) первая гипотеза основана на предположении, что у мужчин значения показателя «маскулинность» значительно выше, чем у женщин. Эта закономерность отмечалась в подавляющем большинстве зарубежных работ по большинству стран, в которых проводились исследования в рамках модели Хофстеде (например, [24, с. 148–150; 35]).

H₁: Средние значения показателя «маскулинность» в группах мужчин и женщин различаются статистически значимо;

б) в основе второй гипотезы лежит предположение о том, что значение показателя «избегание неопределенности» у предпринимателей ниже, чем у работающих по найму (бюджетная сфера и частный сектор)¹. Это предположение основано на том, что предприниматели занимаются деятельностью, сопряженной с повышенными рисками, готовы действовать в изменяющейся обстановке, прибегать к нетиповым решениям, а значит в меньшей мере склонны избегать неопределенности в социально-экономической среде и имеют соответствующие ценностные установки (например, [9; 10]).

H₂: Средние значения показателя «избегание неопределенности» в группе предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму.

Если первая из выдвинутых гипотез опирается в том числе на объективные различия между социальными ролями мужчины и женщины, то вторая в большей степени связана с процессами отбора в социально-экономической среде: индивидам с повышенным уровнем избегания неопределенности объективно сложнее действовать в условиях, часто изменяющихся «правил игры» и повышенных рисков ведения предпринимательской деятельности в России и одновременно находиться в ее правовом поле.

Этап 1. Составление русскоязычной версии социологического инструментария

Перевод на русский язык и адаптация социологического инструментария требует обеспечения соответствия семантики смыслов в измерении культурных ценностей и установок населения с использованием русскоязычной версии оригинального англоязычного инструментария. С учетом этого авторами работы совместно со специалистами ФИЦ «КарНЦ РАН» в области лингвистики и перевода был составлен следующий инструментарий, представленный с разбивкой по отдельным показателям модели Хофстеде в Таблицах 1 и 2. В процессе подготовки инструментария проведена его первичная теоретическая валидация, формализованная в виде экспертного обсуждения шкал.

¹ Вопрос «Ваш основной род занятий (укажите только 1 вариант ответа)».

Таблица 1 (Table 1)

**Инструментарий исследования индивидуальных культурных ценностей
на базе модели Хофстеде (показатели «дистанция власти»,
«маскулинность» / «феминность», «избегание неопределенности»)
Toolkit for the study of individual cultural values based on Hofstede model
(indicators “power distance”, “masculinity” / “femininity”, “uncertainty avoidance”)**

Показатель модели Хофстеде	Анкетный вопрос, соответствующий показателю <i>Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?</i>	Применяемая шкала
1.«Дистанция власти» («power distance»)	1.1. Люди, занимающие высокие должности, должны принимать большинство решений, не советуясь с людьми более низких должностей	5-значная шкала Ликерта «совершенно согласен» – «согласен» – ... – «совершенно не согласен»
	1.2. Людям, занимающим более высокие должности, не следует слишком часто спрашивать мнение людей нижестоящих должностей	
	1.3. Людям, занимающим высокие должности, следует избегать общения с людьми более низких должностей	
	1.4. Людям, занимающим низкие должности, не следует противоречить решениям людей, занимающих более высокие должности	
	1.5. Людям, занимающим высокие должности, не следует доверять решение важных задач людям более низких должностей	
2. «маскулинность» / «феминность» («masculinity» / «femininity»)	2.1. Профессиональная карьера важнее для мужчин, чем для женщин	5-значная шкала Ликерта «совершенно согласен» – «согласен» – ... – «совершенно не согласен»
	2.2. Мужчины, как правило, решают задачи с помощью логики, а женщины – с помощью интуиции	
	2.3. Решение сложных задач обычно требует активного подхода и форсирования, свойственных больше мужчинам	
	2.4. Есть работы, в которых мужчина всегда будет лучше, чем женщина	
3.«избегание неопределенности» («uncertainty avoidance»)	3.1. Выполняя работу важно иметь подробные инструкции, чтобы в любой ситуации понимать, что от тебя ожидают	5-значная шкала Ликерта «совершенно согласен» – «согласен» – ... – «совершенно не согласен»
	3.2. Выполняя работу важно строго следовать инструкциям и установленным правилам	
	3.3. Установленные нормы и правила важны, потому что они дают представление о том, что от тебя ожидается на работе	
	3.4. Типовые решения рабочих задач помогают в процессе работы	
	3.5. Инструкции по эксплуатации важны в процессе работе	

Таблица 2 (Table 2)

Инструментарий исследования индивидуальных культурных ценностей на базе модели Хофстеде (показатели «коллективизм» / «индивидуализм», «долгосрочность ориентаций», «допустимость удовлетворения желаний»)
Toolkit for the study of individual cultural values based on Hofstede model (indicators “collectivism” / “individualism”, “long-term orientation”, “acceptability of satisfaction of desires”)

Показатель модели Хофстеде	Анкетный опрос, соответствующий измерителю <i>Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?</i>	Применяемая шкала
4. «коллективизм» / «индивидуализм» («collectivism» / «individualism»)	4.1. Отдельные люди должны жертвовать личными интересами ради коллектива	5-значная шкала Ликерта «совершенно согласен» – «согласен» – ... – «совершенно не согласен»
	4.2. Люди должны держаться в коллективе, даже несмотря на возникающие при этом трудности	
	4.3. Общее благополучие важнее индивидуальных наград	
	4.4. Общий результат важнее индивидуального	
	4.5. Отдельные люди должны преследовать свои цели только принимая во внимание благополучие общности, группы, к которой они принадлежат	
	4.6. Приверженность общим целям должна одобряться, даже если она идет в ущерб личным интересам	
5. «долгосрочность целеполагания» («long-term orientations»)	5.1. Внимательность и бережливость в деньгах, экономность	5-значная шкала Ликерта «очень важно» – «важно» – ... – «совершенно не важно»
	5.2. Настойчивость и последовательность в достижении цели, несмотря на препятствия	
	5.3. Устойчивость и стабильность в личных делах	
	5.4. Планирование дел на длительную перспективу	
	5.5. Жертвовать сиюминутными удовольствиями ради будущего благополучия/ успеха	
	5.6. Каждодневная усердная работа для достижения успеха в будущем	
6. «допустимость удовлетворения желаний» («indulgence»)	6.1. Не должно быть никаких ограничений для личных удовольствий	5-значная шкала Ликерта «совершенно согласен» – «согласен» – ... – «совершенно не согласен»
	6.2. Общество должно поддерживать относительно свободное удовлетворение желаний и чувств	
	6.3. Желания человека не должны подавляться, особенно, если они связаны с чувствами и наслаждением	
	6.4. Удовлетворение желаний не следует откладывать на потом	
	6.5. Надо наслаждаться полной сексуальной свободой без ограничений	
	6.6. Чувства и желания, связанные со случайными сексуальными связями, следует удовлетворять свободно	

Использование переводного социологического инструментария предполагает его проверку на валидность (соответствие шкалы цели измерения, отражение содержания измеряемого показателя) и на надежность (устойчивость измерения, хорошую воспроизводимость результатов, их устойчивость к действию случайных факторов).

Этап 2. Апробация социологического инструментария и сбор данных

В рамках исследования было опрошены жители арктических муниципалитетов Республики Карелия ($n = 1042$). Использовался смешанный метод сбора данных – преобладало личное формализованное интервьюирование, для части респондентов анкета оставлялась для самостоятельного заполнения с предварительным кратким инструктажем и последующей проверкой заполнения¹. Средний возраст респондентов составил 43 года. Среднее отклонение структуры выборки от генеральной совокупности по половозрастным группам составило – 2,4%.

Так, была определена выраженность значений социокультурных характеристик индивидов в разрезе социальных групп (в частности пола – рис. 1.) Средние значения показателей составили: «дистанция власти» – 2,4, «избегание неопределенности» – 3,9, «коллективизм» – 3, «долгосрочность ориентаций» – 3,7, «маскулиность» – 3, «допустимость удовлетворения желаний» – 2,7. На рис. 1 приведены распределения значений социокультурных характеристик индивидов с обобщением по признаку половой принадлежности.

Распределение значений культурных показателей по полу позволяют проследить некоторые особенности культурных показателей на уровне исследуемой территории. Наибольшие различия прослеживаются для показателя культуры «маскулиность» – 2,7 у женщин, 3,4 у мужчин. Минимальные различия у показателя «коллективизм» – 2,99 и 2,93, соответственно. Также среди особенностей можно отметить показатели «долгосрочность ориентаций» и «допустимость удовлетворения желаний». В первом случае у мужчин выше число минимальных значений, среднее значение показателя у женщин – 3,7, у мужчин – 3,6. Во втором случае, наоборот, у мужчин значительно больше высоких оценок, среднее значение для женщин – 2,6, для мужчин – 2,8. Сравнение средних значений на основе t -критерия Стьюдента показало, что различия статистически значимы на уровне p -value $< 0,001$, за исключением показателя «коллективизм», который оказался не подвержен влиянию пола.

Сформированная база этнометрических показателей населения арктической части Карелии на уровне индивидов позволяет осуществить проверку надежности и валидности адаптированной шкалы. Важнейшее значение выявления социокультурных характеристик на уровне индивидов в разрезе отдельных территорий состоит в возможности последующего выявления характерных для данной территории взаимосвязей между социокультурными характеристиками и экономическими практиками, особенностями и уровнем развития человеческого капитала.

¹ Обработка данных осуществлялась с использованием средств программного комплекса SPSS, а также инструментов анализа и визуализации данных на языке программирования Python.

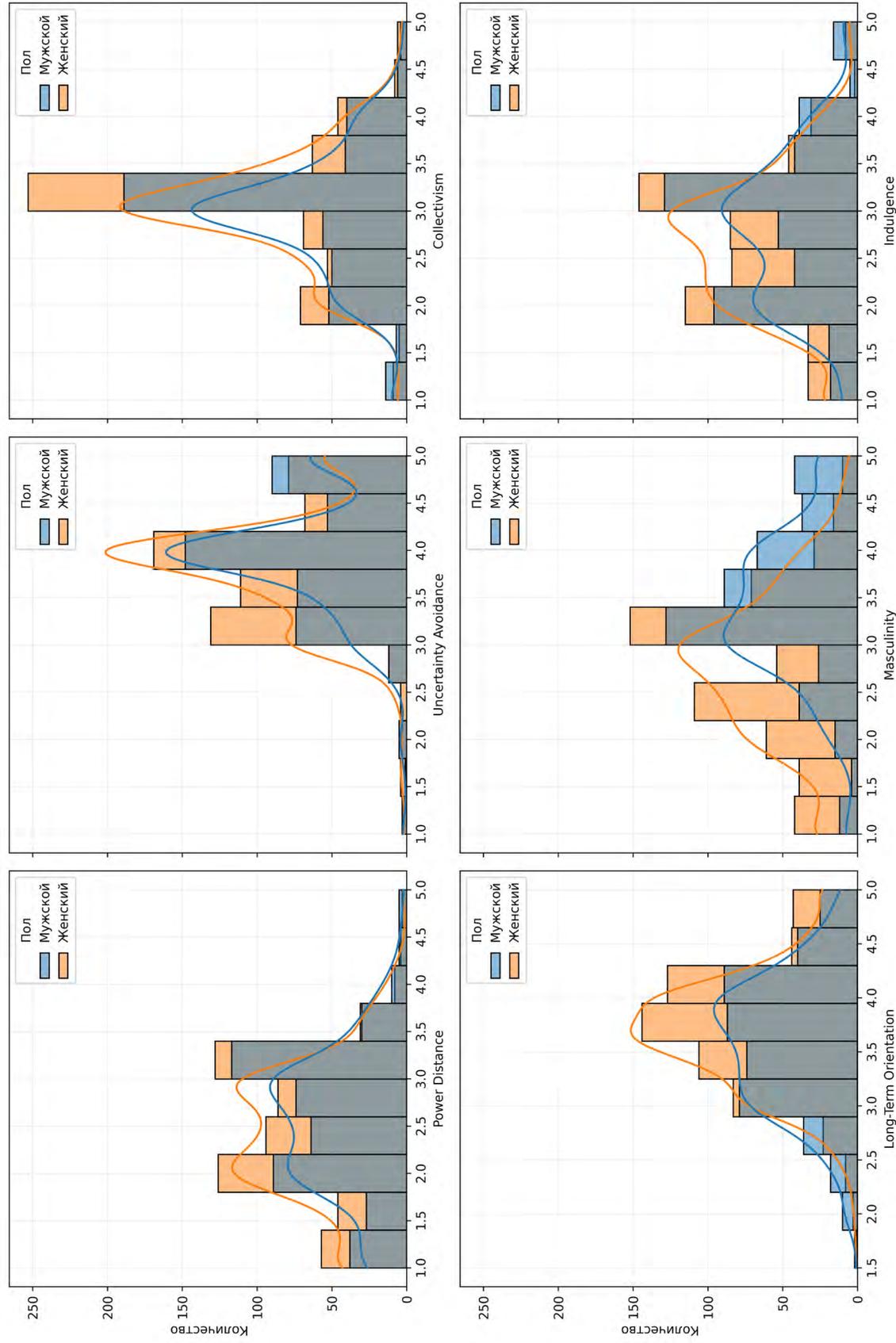

Рис. 1. Распределение значений социокультурных характеристик индивидов по полу

Figure 1. Distribution of values of socio-cultural characteristics of individuals by gender

Этап 3. Оценка сходимости измерений и проверка релевантности социокультурных измерителей

Для оценки сходимости измерений и проверки формирования самих социокультурных измерителей была использована методика, реализованная М. Минковым при проверке модели Минкова-Хофстеде на индивидуальном уровне [30].

На первом шаге был проведен факторный анализ методом главных компонент (РСА) с использованием метода вращения «varimax». Для проведения вычислений использовалась python-библиотека `factor_analyzer`¹. Подход основывается на доказанной исследователями корректности применения факторного анализа на порядковых данных с определенными допущениями [7].

В модель был передан массив данных из 1042 наблюдений, содержащий для каждого респондента 32 переменные, – составные части шести показателей культуры². Предварительная проверка на возможность применения этого анализа показала следующие значения: критерий сферичности Бартлетта $< 0,0$, статистика меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина – $0,83$, что свидетельствует об адекватности применения факторного анализа. Также было определено оптимальное число факторов – 6 (собственные значения факторов > 1), что равно числу культурных измерителей. На рис. 2 приведена матрица факторных нагрузок после вращения (для удобства восприятия оформленная в виде тепловой карты), где видно, что вопросы действительно собираются в измерители модели Хофстеде (по числу факторов на горизонтальной оси) и их факторные нагрузки существенно выше, чем смежные (что подтверждает их совокупное, сонаправленное действие) – это отмечено на рисунке светлой заливкой. Следовательно, мы можем сделать вывод, что все используемые в инструментарии вопросы значимы, а их сбор в показатели модели Хофстеде корректен. Отметим, что представление матрицы факторных нагрузок до вращения не имеет самостоятельного значения в контексте целей и задач исследования и не приводится нами.

Выявленные латентные переменные полностью отражают составляющие шести культурных измерителей (значимые корреляции $\geq 0,59$). Обобщение представлено в таблице 3. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о соответствии отдельных вопросов культурным показателям, к которым они относятся.

¹ API documentation. URL: https://factor-analyzer.readthedocs.io/en/latest/factor_analyzer.html (дата обращения: 15.12.2023).

² Здесь и далее приняты следующие сокращения: «коллективизм» – Col; «допустимость удовлетворения желаний» – Ind; «долгосрочность ориентаций» – LTO; «маскулинность» – Mas; «дистанция власти» – PD; «избегание неопределенности» – UA.

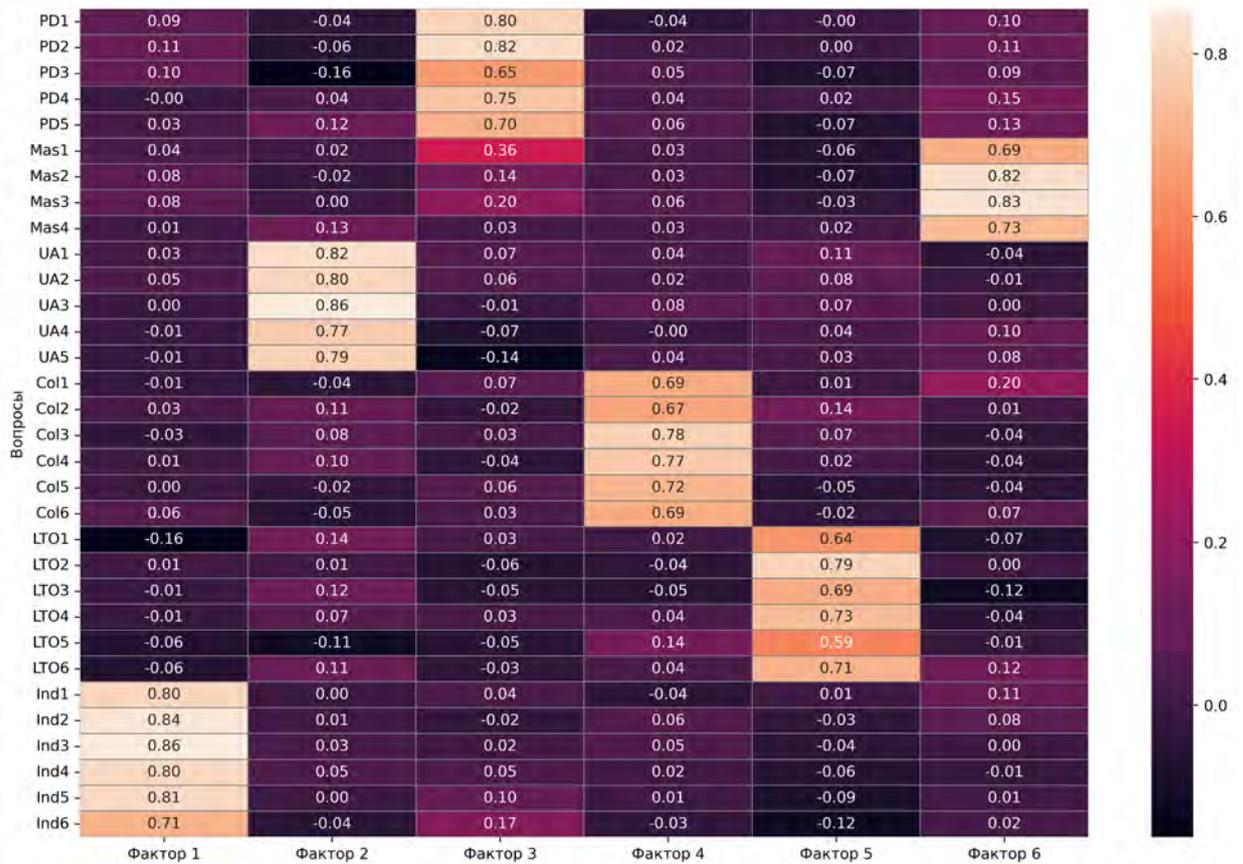

Рис. 2. Матрица факторных нагрузок для 32 элементов культурных показателей после вращения

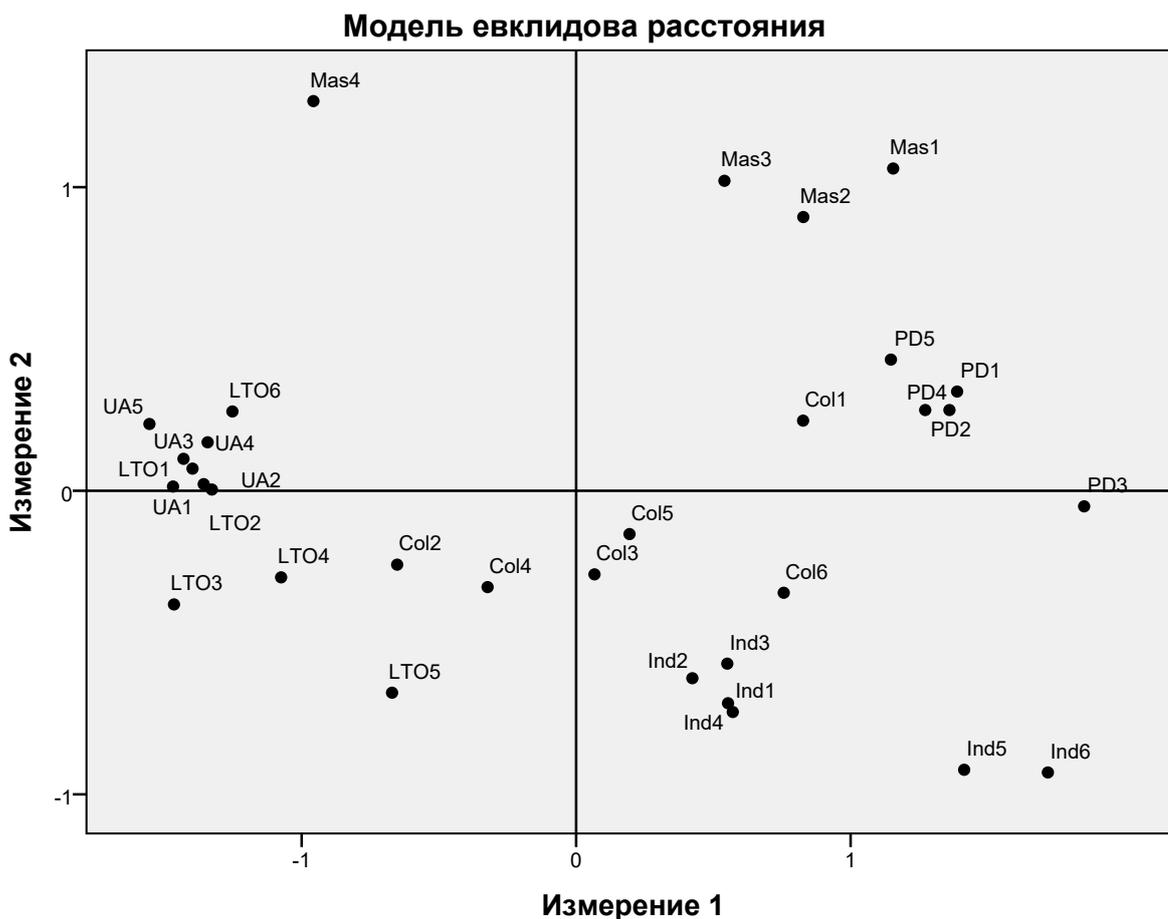
Figure 2. Matrix of factor loadings for 32 items of cultural indicators after rotation

Таблица 3 (Table 3)

Обобщение результатов факторного анализа
Generalisation of the results of factor analysis

Номер фактора	Показатели методики Хофстеде	Значение фактора	Доля объясненной дисперсии, %	Отклонения
1	Допустимость удовлетворения желаний	3,96	12	Меньшее влияние вопроса 6,6
2	Избегание неопределенности	3,41	11	-
3	Дистанция власти	3,06	10	Меньшее влияние вопроса 1,3
4	Коллективизм	3,18	10	-
5	Долгосрочность ориентаций	2,99	9	Меньшее влияние вопроса 5,5
6	Маскулинность	2,57	8	-

На втором этапе было проведено многомерное шкалирование (ALSCAL), для того чтобы оценить, занимают ли показатели культуры отдельные области в двумерном пространстве. Для оценки расстояния между наблюдениями была использована мера «Евклидово расстояние» и порядковая шкала измерения, значение коэффициента детерминации (R^2) составило 0,96. График многомерного шкалирования приведен на рис. 3 (использована логарифмическая шкала).

Рис. 3. График многомерного шкалирования 32 элементов культурных показателей
Figure 3. Multidimensional scaling graph of 32 items of cultural indicators

В целом можно сделать вывод о наличии всех 6 показателей культуры. В то же время можно отметить некоторые особенности. Как и в случае с факторным анализом у показателя «дистанция власти» вопрос 1.3 и показателя «маскулинность» вопрос 2.4 выделяются из своих групп. Вопросы 6.5 и 6.6 показателя «допустимость удовлетворения желаний» также отстоят от группы, что, на наш взгляд, объясняется содержанием сексуального аспекта в данных вопросах. Составляющие показателя «коллективизм» визуальнo группируются в одну общность, однако распределены относительно друг друга достаточно удаленно. Показатели «долгосрочность ориентаций» и «избегание неопределенности» имеют едва заметную границу.

На третьем этапе для 32 измерений был проведен иерархический кластерный анализ. Для расчета матрицы расстояний также использовалась мера «квадрат Евклидового расстояния» (Метод Варда). На рис. 4 визуализирована дендограмма иерархической кластеризации 32 элементов культурных показателей.

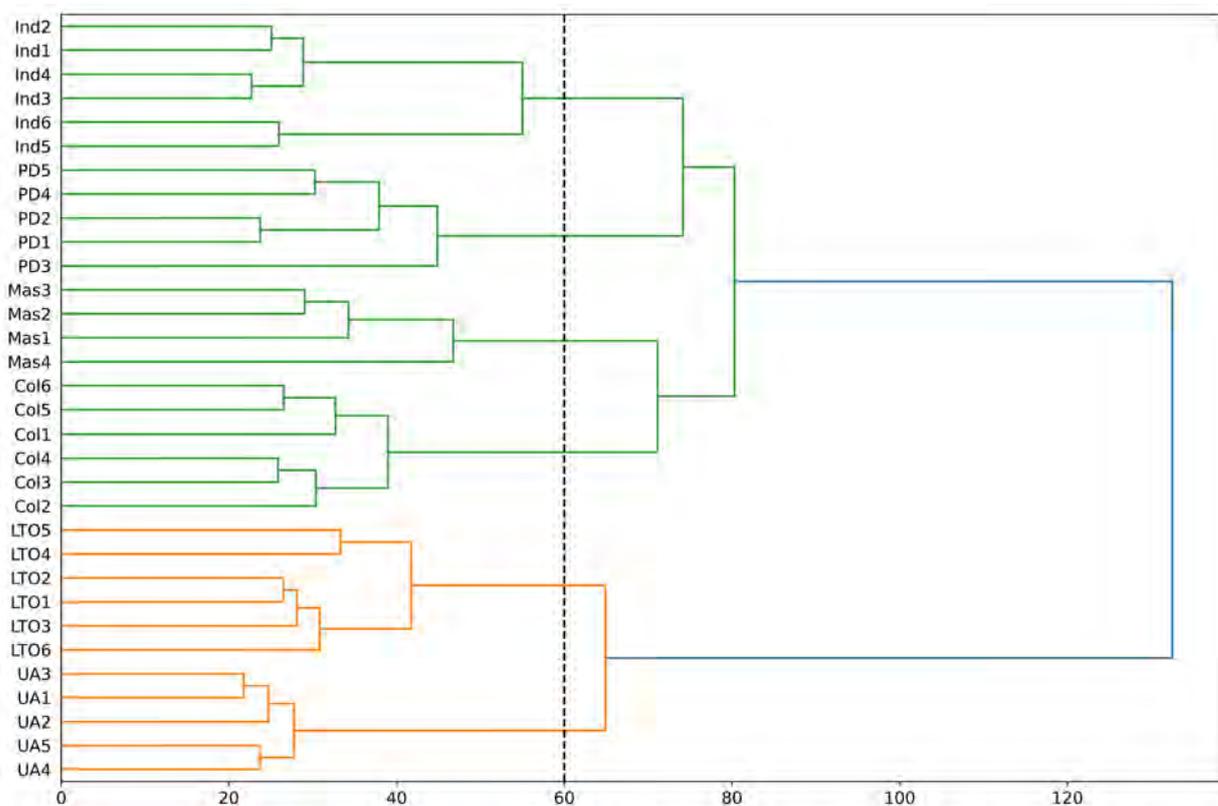

Рис. 4. Дендограмма иерархической кластеризации 32 элементов культурных показателей

Figure 4. Dendrogram of hierarchical clustering of 32 items of cultural indicators

Представленная дендограмма показывает, что все шесть показателей культуры визуально легко определяются. Также видно объединение показателей в два мегакластера:

1. «Долгосрочность ориентаций» и «избегание неопределенности».
2. Мегакластер из двух пар показателей: а) «допустимость удовлетворения желаний» и «дистанция власти», б) «маскулинность» и «коллективизм».

Этап 4. Оценка надежности шкал для каждого из шести культурных показателей

Для проверки надежности используемого инструментария, а также сопоставления ее значений с результатами разработчика методики был проведен расчет коэффициента альфа Кронбаха. Полученные результаты приведены в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

**Проверка надежности шкал инструментария
с использованием коэффициента альфа Кронбаха (α)**
Testing the reliability of the toolkit scales using Cronbach's alpha coefficient (α)

Исследование	Культурные показатели	PD	Mas	UA	Col	LTO	Ind
	Кол-во вопросов	5	4	5	6	6	6
Россия (Республика Карелия) (n = 1042)	Альфа Кронбаха (α)	0,80	0,80	0,87	0,82	0,79	0,89
Польша (n = 300)		0,84	0,71	0,76	0,85	0,78	
Бразилия (n = 149)		0,79	0,71	0,70	0,76	0,72	

Полученные результаты по арктической части Карелии сходятся с теми, которые были получены авторами статьи на выборках из Польши и Бразилии. Что, во-первых, говорит о высокой надежности используемого инструментария, а во-вторых, подтверждает сохранение измерительной способности шкал после перевода.

Этап 5. Проверка шкал на номологическую валидность

По аналогии с [35] было принято решение оценить номологическую валидность разработанного инструментария.

В рамках проверки H_1 (*Средние значения «маскулинности» в группах мужчин и женщин различаются статистически значимо*) были рассчитаны средние значения показателя «маскулинность» в разрезе пола респондентов. Они составили 3,4 балла у мужчин (n=459) и 2,7 у женщин (n=583). Для проверки гипотезы был использован t-критерий Стьюдента, полученное значение свидетельствует о наличии значимых различий в средних значениях выборок (t-statistic = 12,5; p-value = 1,5e-33; t-крит = 3,3 при p < 0,001). Таким образом, гипотеза о том, что средние значения показателя «маскулинность» у мужчин выше подтверждена, что позволяет сделать вывод, что разработанная шкала после перевода на русский язык работает корректно.

В рамках проверки H_2 (*Средние значения показателя «избегание неопределенности» в группе предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму*) также был использован t-критерий Стьюдента. Объем выборок в группах составил по 51 человек¹. Среднее значение показателя «избегание неопределенности» в группе предпринимателей составило 3,63, в группе работающих по найму – 4,02. Результаты анализа данных свидетельствуют о наличии значимых различий в средних значениях выборок (t-statistic = 2,6; p-value = 0,009; t-крит = 2,4 при p < 0,02), что подтверждает выдвинутую гипотезу и позволяет подтвердить валидность используемой шкалы для измерения показателя «избегание неопределенности».

¹ Поскольку число работающих по найму в общем числе опрошенных значительно превышает число предпринимателей, инструментальная выборка работающих по найму для проверки гипотезы H_2 была сформирована случайным образом из общей совокупности респондентов, реализующих такую форму занятости, и количественно соответствует числу предпринимателей (n = 51).

Прежде чем перейти к итоговым выводам следует сделать несколько замечаний о самом ходе полевых работ. Как показал опыт применения инструментария, наибольшее количество отказов от ответа (и, в дальнейшем – исключения респондентов из выборки) относятся к вопросам показателя «допустимость удовлетворения желаний» (число таких анкет составило 15). При этом понимание формулировки вопроса затруднений не вызывало. Сложности были обусловлены неприемлемостью для ряда респондентов вопросов, затрагивающих тематику сексуальных отношений и личной жизни (даже в отвлеченных формулировках). И хотя общая доля отказов от ответа на данный вопрос относительно невелика, необходимо рассмотреть возможность корректировки формулировок, а также (поскольку рассматриваемый инструментарий измерения шестого показателя модели Хофстеде является в меньшей степени апробированным в научных работах) поиска альтернативного инструментария или формулирование своих вопросов.

Заключение

Анализ широкого спектра работ, посвященных изучению социокультурных характеристик населения, позволил сделать вывод о сохраняющейся актуальности модели Хофстеде не только в сфере компаративного межстранового анализа, но и при измерении показателей на индивидуальном уровне. Соответствующий инструментарий активно применяется в зарубежной практике исследований, в то же время в России до настоящего времени он не получил достаточного применения. Как показал комплексный анализ источников, наиболее оправданным для измерения первых пяти показателей модели Хофстеде является CVSCALE [35], а шестого – работа А. Хайдари [19].

В результате перевода инструментария, его адаптации и первичной теоретической валидации в форме экспертного обсуждения шкал был составлен, а в дальнейшем и проверен на материалах социологического опроса населения Арктической Карелии ($n = 1042$) инструментарий измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов. Установлена специфика значений показателей модели Хофстеде на уровне индивидов, характерная для данной территории. Проверка шкал на надежность с применением коэффициента альфа Кронбаха показала, что они характеризуются высокой надежностью по внутренней согласованности. В рамках проверки шкал на номологическую валидность подтверждение получили обе выдвинутые нами инструментальные гипотезы. Это позволяет говорить о валидности используемой шкалы для измерения показателей модели Хофстеде. Оценка сходимости измерений и проверка релевантности социокультурных измерителей в представленной модели также дала положительные результаты.

Это позволяет говорить о достижении цели исследования и успешной адаптации и апробации актуального инструментария измерения значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индиви-

дов в условиях России. Примененные шкалы характеризуются высокой надежностью и валидностью. Однако по большинству проверок полученный инструментарий несколько уступает оригинальному англоязычному. Как показали результаты апробации инструментария, дальнейшая коррекция может быть оправдана для показателя «долгосрочность целеполагания». Перспективным для дальнейших исследований является расширение географии применения инструментария и составление этнометрической базы данных регионов РФ на основе значений социокультурных характеристик по модели Хофстеде на уровне индивидов, выявления характерных для отдельных территорий взаимосвязей между социокультурными характеристиками и экономическими практиками, особенностями и уровнем развития человеческого капитала индивидов в рамках триады «пространство – социокультурная специфика населения – воспроизводство человеческого капитала».

Библиографический список

1. Аузан А. А., Бахтигараева А. И. и др. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91; EDN: YLTOWI.
2. Аузан А. А., Никишина Е. Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций М.: Экон. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.
3. Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А. и др. Социокультурные особенности регионов России: общее и различия // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2021. № 5. С. 29–51. DOI: 10.38050/01300105202152; EDN: SJQDKA.
4. Брызгалин В. А., Никишина Е. Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 108–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-108-126; EDN: VRFWXXN.
5. Волков А. Д., Тишков С. В., Никитина А. С. Эволюция механизмов управления экономическим пространством российской Арктики: современный этап // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14. № 2. С. 174–201. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-174-201; EDN: ELDOMG.
6. Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 4(112). С. 3–26. DOI: 10.15372/REG20210401; EDN: ILSOZF.
7. Зангиева И. К., Ротмистров А. Н. Сравнительный анализ способов проведения факторного анализа на порядковых переменных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3(145). С. 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02; EDN: XSWAPZ.

8. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
9. Мурзина Ю. С., Позняков В. П. и др. Сравнительный анализ ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса с разной продолжительностью работы компаний на рынке // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 4. С. 9–35. EDN: YPMJND.
10. Позняков В. П. Взаимосвязь смысложизненных и ценностных ориентаций личности предпринимателей и характеристик их экономического самоопределения // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1(21). С. 150–170. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006; EDN: QFUBBZ.
11. Фомина Е. Е. Обзор методов оценки надежности измерительной шкалы в социологических исследованиях // Экономика. Социология. Право. 2018. № 4(12). С. 63–70. EDN: YWJGMP.
12. Bearden W. O., Money R. B., Nevins J. L. Multidimensional versus unidimensional measures in assessing national culture values: The Hofstede VSM 94 example // Journal of Business Research. 2006. Vol. 59. № 2. P. 195–203. DOI: 10.1016/j.jbusres. 2005.04.008.
13. Bufetova A. N., Khrzhanovskaya A. A., Kolomak E. A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 4. P. 453–463. DOI: 10.17516/1997-1370-0582; EDN: KRJFOQ.
14. Chimenson D., Tung R. L. et al. The paradox and change of Russian cultural values // International Business Review. 2022. Vol. 31. № 3. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944; EDN: UDPTOA.
15. Cho E., Kim S. Cronbach's Coefficient Alpha: Well Known but Poorly Understood // Organizational Research Methods. 2015. Vol. 18. № 2. P. 207–230. DOI: 10.1177/1094428114555994.
16. Dorfman P. W., Howell J. P. Dimensions of national culture and effective leadership patterns: Hofstede revisited // Advances in international comparative management. 1988. Vol. 3. P. 127–150.
17. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study // Journal of Marketing. 2006. Vol. 70. № 1. P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38.
18. Fischer R., Poortinga Y. H. Addressing Methodological Challenges in Culture-Comparative Research // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. №. 5. P. 691–712. DOI: 10.1177/0022022117738086.
19. Heydari A., Laroche M. et al. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation // Journal of Retailing and Consumer Services. 2021. Vol. 62. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640.
20. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980. 328 p.

21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2(1). Ch. 8. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 12.12.2023).
22. Hofstede G. Management Scientists Are Human // Management Science. 1994. № 40. P. 4–13. DOI: 10.1287/MNSC.40.1.4.
23. Hofstede G., Bond M. H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // Organizational Dynamics. 1988. Vol. 16. № 4. P. 5–21. DOI: 10.1016/0090-2616(88)90009-5.
24. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded. N. Y.: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
25. House R. J., Hanges P. J. et al. Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 848 p.
26. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
27. Klein K. J., Dansereau F., Hall R. J. Level issues in theory development, data collection, and analysis // Academy of Management Review. 1994. Vol. 19. P. 195–229. DOI: 10.5465/AMR.1994.9410210745.
28. Kucharska W., Bedford D. Knowledge Sharing and Organizational Culture Dimensions: Does Job Satisfaction Matter? // Electronic Journal of Knowledge Management. 2019. Vol. 17. № 1. P. 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.3406496.
29. Minkov M., Kaasa A. A test of Hofstede’s model of culture following his own approach // Cross Cultural & Strategic Management. 2020. Vol. 28. № 2. P. 384–406. DOI: 10.1108/CCSM-05-2020-0120.
30. Minkov M., Sokolov B. et al. A Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia // Cross-Cultural Research. 2023. № 57. P. 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461.
31. Schwartz S. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // Comparative sociology. 2006. Vol. 5(2–3). P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.
32. Sharma P. Measuring personal cultural orientations: scale development and validation // Journal of the Academy of Marketing Science. 2010. Vol. 38(6). P. 787–806. DOI: 10.1007/s11747-009-0184-7.
33. Steenkamp J. E. M. The role of national culture in international marketing research // International Marketing Review. 2001. Vol. 18(1). P. 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970.
34. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede’s model of culture // Journal of World Business. 2023. Vol. 58(1). 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386.

35. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE // *Journal of International Consumer Marketing*. 2011. Vol. 23(3-4). P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059.

Получено редакцией: 18.12.23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики КарНЦ РАН

Аверьянов Александр Олегович, инженер-исследователь, Институт экономики КарНЦ РАН; ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета

Рослякова Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики КарНЦ РАН; старший научный сотрудник, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН

Тишков Сергей Вячеславович, кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономики КарНЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4

Measuring Sociocultural Characteristics According to the Six Indicators of the Hofstede Model: Testing the Toolkit for Calculating Values at the Individual Level¹

Alexander D. Volkov

Institute of Economics of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

kov8vol@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0451-8483

Alexander O. Averyanov

Institute of Economics of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia;

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

aver@petsu.ru

ORCID: 0000-0003-2884-8110

Natalia A. Roslyakova

Institute of Economics of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia;

V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia

na@roslyakova24.ru

ORCID: 0000-0002-7511-2141

Sergey V. Tishkov

Institute of Economics of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

insteco_85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6061-4165

¹ This research was funded by the RSF, project number 23-78-10192 «Formation of the ethnometric basis of the institutional design of the Russian Arctic: mutual influence of culture, economic space and social selection in macrosystems».

For citation: Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V. Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.

Abstract. The study is devoted to the adaptation and testing in Russian conditions of the internationally recognised toolkit for measuring the values of socio-cultural characteristics according to the Hofstede model at the individual level. The results of approbation on the basis of a sociological study of the Arctic territories of the Republic of Karelia (n=1042) conducted in 2023 were presented. The territorial specificity of the values of socio-cultural characteristics of individuals according to the Hofstede model was determined, as well as their expression in the context of social groups (in particular, gender). The greatest differences can be traced for the indicator “masculinity”, and the minimum differences for the indicator “collectivism”. The relevance of the model of cultural indicators was checked and the convergence of measurements was assessed. The techniques of factor analysis by principal component analysis (PCA), multidimensional scaling (ALSCAL), and hierarchical cluster analysis were applied. The quality of factor analysis was checked on the basis of Bartlett sphericity criterion values and Kaiser-Meyer-Olkin statistics of the sampling adequacy measure. Also, to check the reliability of the tools used, the results of the authors and the developers of the methodology were compared using the Cronbach’s alpha coefficient (α). The obtained values of the coefficient indicate high reliability of the used toolkit, as well as confirm the preservation of the scales’ measuring ability after translation for five indicators out of six. For the sixth indicator, “long-term goal-setting”, it is reasonable to adjust the translation of the questions based on the relatively lower Cronbach’s alpha coefficient (α). Nomological validity analysis confirmed the relevance of the presented tool. This allows us to speak about the achievement of the research goal and successful adaptation and validation of the actual toolkit for calculating the values of sociocultural characteristics according to Hofstede model at the level of individuals in the conditions of Russia. The applied scales are characterised by high reliability and validity. The prospect of further research is to expand the geography of the toolkit application and to compile an ethnometric database of the regions of AZRF on the values of socio-cultural characteristics according to the Hofstede model measured at the level of individuals, to analyse the patterns of spatial differentiation of indicators, as well as to study the aspects of influence within the triad “space – socio-cultural specifics of individuals – reproduction of human capital”.

Keywords: Hofstede model, socio-cultural characteristics, socio-cultural specificity, the Arctic zone of Russia, scale verification

References

1. Auzan A. A., Bakhtigaraeva A. I. et al. Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, 2020: 7: 75–91 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91; EDN: YLTOWI.
2. Auzan A. A., Nikishina E. N. Socio-cultural economics: how culture affects the economy, and how the economy influences culture: a course of lectures. Moscow, Ekon. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 2021: 200 (in Russ.).
3. Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A. et al. Sociocultural specifics of Russia’s regions: common features and differences. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6: Ekonomika*, 2021: 5: 29–51 (in Russ.). DOI: 10.38050/01300105202152; EDN: SJQDKA.
4. Bryzgalin V. A., Nikishina E. N. Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics. *Voprosy ekonomiki*, 2020: 7: 108–126 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-108-126; EDN: VRFWXN.
5. Volkov A. D., Tishkov S. V., Nikitina A. S. Evolution of economic management mechanisms in the Russian Arctic: The present stage. *Ars Administrandi*, 2022: 14(2): 174–201 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-174-201; EDN: ELDOMG.
6. Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Spatial development strategy of Russia as a result of science and authorities interacting. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2021: 4(112): 3–26 (in Russ.). DOI: 10.15372/REG20210401; EDN: ILSOZF.
7. Zangieva I. K., Rotmistrov A. N. Factor analysis of ordinal variables: a comparative study. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2018: 3: 29–46 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02; EDN: XSWAPZ.
8. Latova N. V. Cultural specificity of Russians (Ethnometric Analysis Based on the Concept of G. Hofstede). *Vestnik instituta sotziologii*, 2016: 19: 4: 155–179. (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.

9. Murzina J. S., Pozniakov V. P. et al. Comparative study of the value orientations of small business owners with different durations of companies in the market. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 2021: 11(4): 9–35 (in Russ.). EDN: YPMJND.
10. Poznyakov V. P. The relationship of life and value orientations of entrepreneurs and the characteristics of their economic self-determination. *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2021: 6(21): 150–170 (in Russ.). DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006; EDN: QFUBBZ.
11. Fomina E. E. Review of methods for assessing the reliability of the measuring scale in sociological research. *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*, 2018: 4 (12): 63–70 (in Russ.). EDN: YWJGMP.
12. Bearden W. O., Money R. B., Nevins J. L. Multidimensional versus unidimensional measures in assessing national culture values: The Hofstede VSM 94 example. *Journal of Business Research*, 2006: 59: 2: 195–203. DOI: 10.1016/j.jbusres.2005.04.008.
13. Bufetova A. N., Khrzhanovskaya A. A., Kolomak E. A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020: 13:4: 453–463. DOI: 10.17516/1997-1370-0582; EDN: KRJFOQ
14. Chimenson D., Tung R. L. et al. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*, 2022: 31: 3: 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944.
15. Cho E., Kim S. Cronbach's Coefficient Alpha: Well Known but Poorly Understood. *Organizational Research Methods*, 2015: 18: 2: 207–230. DOI: 10.1177/1094428114555994.
16. Dorfman P. W., Howell J. P. Dimensions of national culture and effective leadership patterns: Hofstede revisited. *Advances in international comparative management*, 1988: 3: 127–150.
17. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study. *Journal of Marketing*, 2006: 70: 1: 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38.
18. Fischer R., Poortinga Y. H. Addressing Methodological Challenges in Culture-Comparative Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018: 49: 5: 691–712. DOI: 10.1177/0022022117738086.
19. Heydari A., Laroche M. et al. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2021: 62: 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640.
20. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage Publications, 1980: 328.
21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011: 2: 1. Accessed 12.12.2023. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>
22. Hofstede G. Management Scientists Are Human. *Management Science*, 1994: 40: 4–13. DOI: 10.1287/MNSC.40.1.4.
23. Hofstede G., Bond M. H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth. *Organizational Dynamics*, 1988: 16: 5–21. DOI: 10.1016/0090-2616(88)90009-5.
24. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. Revised and expanded. New York, McGraw Hill, 2010: 561.
25. House R. J., Hanges P. J. et al. *Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004: 848.
26. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 2000: 65 (1): 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
27. Klein K. J., Dansereau F., Hall R. J. Level issues in theory development, data collection, and analysis. *Academy of Management Review*, 1994: 19: 195–229. DOI: 10.5465/AMR.1994.9410210745.
28. Kucharska W., Bedford D. Knowledge Sharing and Organizational Culture Dimensions: Does Job Satisfaction Matter? *Electronic Journal of Knowledge Management*, 2019: 17(1): 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.3406496.
29. Minkov M., Kaasa A. A test of Hofstede's model of culture following his own approach. *Cross Cultural & Strategic Management*, 2020: 28(2): 384–406. DOI: 10.1108/CCSM-05-2020-0120.

30. Minkov M., Sokolov B. et al. A Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia. *Cross-Cultural Research*, 2023: 57: 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461.
31. Schwartz S. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative sociology*, 2006: 5(2-3): 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.
32. Sharma P. Measuring personal cultural orientations: scale development and validation. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 2010: 38(6): 787–806. DOI: 10.1007/s11747-009-0184-7.
33. Steenkamp J. E. M. The role of national culture in international marketing research. *International Marketing Review*, 2001: 18(1): 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970.
34. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede’s model of culture. *Journal of World Business*, 2023: 58(1): 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386.
35. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede’s five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*, 2011: 23(3-4): 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059.

The article was submitted on: December 18, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander D. Volkov, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Economics of KarRC RAS

Alexander O. Averyanov, Research Engineer, Institute of Economics of KarRC RAS; Leading Specialist, Budget Monitoring Center of the Petrozavodsk State University

Natalia A. Roslyakova, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of KarRC RAS; Senior Researcher, V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS

Sergey V. Tishkov, Candidate of Economics, Scientific Secretary, Institute of Economics of KarRC RAS

ТЕМА НОМЕРА

МЕТОДОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3

EDN: QGEQFM

Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств¹

Ссылка для цитирования: Сиразетдинова М. Ф. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

For citation: Sirazetdinova M. F. Russian sociologists on the foundations of solidarity: subjectivity, predictability and common feelings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна¹

¹Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

glavredsirazi@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 675358

Аннотация. В статье рассматриваются подходы российских исследователей к пониманию солидарности и ее социальных оснований. Каждая концепция солидарности подчеркивает те или иные основания и факторы солидаризации общества, привязывая их к социальным изменениям либо, напротив, к константам человеческого существования. В периоды социальных изменений происходит не только снижение или повышение степени социальной консолидации, но ослабление одних форм солидарности и формирование других. Цель настоящего исследования – выявить основания солидарности, связанные с социальностью и антропологическими параметрами бытия. Хотя формы солидарности меняются от общества к обществу и на разных исторических этапах их развития, ни одно общество не остается жизнеспособным и прогрессивным в отсутствие солидарности. Настоящее исследование оснований солидарности выходит за рамки как традиционных социологических концепций интеграции и дезинтеграции, нормального общества и аномии, так и психологических теорий о потребностях в группе и самовыражении, описывающих только непосредственные предпосылки и эффекты солидарности. Автор опирается на вторичный анализ источников и теоретический анализ социологических концепций социальности и социального воспроизводства. В материалы исследования вошли публикации российских ученых начиная с XIX в. (когда в российской социальной мысли возникли первые концепции соборности, всеединства и позитивистско-прагматические трактовки солидарности) и до наших дней, посвященные вопросам условий формирования солидарности, консолидации и деконсолидации общества. Автор выявляет эксплицитно и имплицитно присутствующие в источниках

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ, № 23-28-01474.

представления об основаниях солидарности, связанных с константами человеческого бытия и социальности: субъектность, предсказуемость и общность чувств. Субъектность социальных акторов как высший, рефлексивный уровень субъективности определяет их способность и волю к социальному творчеству и действиям в пользу социального целого. Предсказуемость социальной среды обеспечивает следование большинства приемлемым общим правилам, веру в общие ценности на основе взаимного доверия и справедливости. Взаимопомощь и альтруизм внутри солидарных общностей рассматриваются как невозможные без третьего фундамента солидарности – общности чувств социальных субъектов, связанной с общностью их жизненных миров.

Ключевые слова: социология, солидарность, российское общество, социальная практика, социальная теория, субъектность, эмпатическое присоединение

В настоящей статье представлены результаты исследования инвариантных оснований солидарности с особым вниманием к тому, как представления о них эксплицитно или имплицитно содержались в работах российских мыслителей в виде развернутых описаний или коротких инсайтов с момента начала исследований солидарности до современности. На примерах из истории социологии и результатов современных прикладных исследований демонстрируется, как уточняются представления об основаниях солидарности даже в тех текстах, которые напрямую не посвящены выявлению и характеристике оснований солидарности.

Хотя большинство современных исследователей сходятся во мнении о том, что идеология потребления не способствует консолидации общества, в публичном дискурсе отсутствует согласие в вопросах предпочтительности либерализации и усиления позиций субъектов креативных практик или ужесточения государственного контроля и «активации» православной идентичности и российских архетипов соборности. Ситуативную солидарность, проявляющуюся в ходе природных и социальных катастроф, Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева и О. Н. Яницкий оценивают как оптимальный источник формирования долгоиграющих сетевых сообществ [43; 47], а Ю. Г. Волков – как временное и потенциально деструктивное решение задач социальной консолидации [9, с. 42]. В связи с существующими концептуальными расхождениями авторов относительно условий социальной консолидации следует опираться не только на достаточно разработанное научное знание о специфике российской идентичности и менталитета.

Процессы социальной солидаризации протекают в любом типе общества, а значит, основания солидарности не сводятся к социокультурным и политико-экономическим факторам, которые только лишь придают специфические черты меняющимся формам солидарности. Отсюда можно заключить, что основания солидарности связаны с антропологическими константами (субъектность, выделяющая человека из природного мира) и социальным воспроизводством (обеспечиваемым предсказуемостью взаимодействия с Другим). Автор убежден, что каждое из приведенных оснований является неотъемлемым фундаментом всего многообразия форм

солидарности. Укрепление этих оснований должно естественным образом способствовать развитию солидарных отношений, а их разрушение – десолидаризации и деконсолидации общества.

Соотношение факторов, характеристик и оснований солидарности

Недавние исследования взаимосвязи идентичности и солидарности В. В. Дьяковой выявили зависимость между степенью солидарности и уровнем идентичности [12]. Наличие такой связи побуждает отдельных авторов и их коллективы (Н. Д. Вавилина, Г. В. Пушкарева, И. И. Кузнецов, Е. В. Батоврина) рассматривать идентичность как базу солидарности [44; 30] или, как в случае А. Б. Гофмана, в качестве ее существенной характеристики [11, с. 173]. Вместе с тем, С. С. Соковиков и О. Н. Зайкова показывают, что солидаризироваться способны носители разных идентичностей [33], например, представители разных социальных классов, и можно не быть солидарным с идентифицируемыми группами и общностями. Это можно объяснить тем, что субъективность в таких ее проявлениях, как менталитет и идентичность, определяет лишь уникальные черты специфически-локальной солидарности, значение которых подчеркивали, например, сторонники концепций соборности и всеединства. Дифференциация общества и возникновение анклавов партикулярной солидарности¹, воспроизводство и развитие разнообразных ее форм вторичны по отношению к основаниям солидарности.

Поэтому данная работа базируется на положениях социологических теорий (О. А. Кармадонов, М. К. Зверев) [см., напр., 19] и философской антропологии, признающих двунаправленный характер процесса воспроизводства и изменения социальных практик индивидуальными и коллективными усилиями [см., напр., 20], как и работы некоторых исследователей солидарности – Г. Д. Ковригиной, Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеевой [22; 43].

В качестве материалов исследования, подвергнутых вторичному анализу, использованы работы российских социологов начиная с XIX в. до сегодняшнего дня, содержащие в том или ином виде (включая имплицитное присутствие) идеи об основаниях солидарности. К этим работам применены методы теоретического анализа, синтеза и обобщения. Некоторые существующие работы причисляют базовые основания солидарности к ее существенным свойствам либо способствующим факторам – необязательным предпосылкам солидаризации. В настоящей статье производится отделение оснований солидарности от предпосылок и признаков солидарности, а также систематизация вариантов проявления присутствия любого из этих оснований солидарности в солидарной общности.

Распад солидарности любого уровня, от семейного до общегражданского, не связан с «ущербностью» того или иного политического режима, экономического уклада и культурной идентичности. Поскольку, как про-

¹ Понятием партикулярной солидарности оперируют Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева [41], А. Б. Гофман [11]. В отличие от макросоциальной солидарности на уровне всего общества или государства, партикулярная солидарность есть солидарность отдельных групп и сообществ

демонстрировал Ю. Г. Волков, упадок общегражданской солидарности сопровождается социальной нестабильностью [7, с. 19], «частноэгоистической заинтересованностью и дефицитарной компетентностью правящего класса» [6, с. 20], а восстановление солидарности согласно Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеевой, Б. В. Заливанскому, Е. В. Самохваловой, И. Голиковой сопровождается противоположными тенденциями [43; 48], то основаниями солидарности можно считать достаточную степень предсказуемости среды, реализации субъектности и эмпатического обмена.

Субъектность

Основываясь на положении Ю. Г. Волкова о связи солидарности с креативностью социальных практик [9], мы считаем субъектность как способность к самоопределению и самоизменению путем преобразования объективных обстоятельств важнейшим основанием солидарности. Социологи, такие как В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова и Ж. А. Шаповал, признают, что, добровольно участвуя в решении коллективных задач, как индивид, так и группа нуждаются в статусе субъекта [41]. Индивидуальная и коллективная субъектность здесь понимаются не в расхожем смысле способности к целенаправленной деятельности, а как способность индивидов и их групп к самоорганизации и самополаганию. Рабский и исполнительский труд целенаправлен, однако репродуктивен, поскольку требует не самоопределения субъекта (исполнителя) трудовой деятельности, а следования заданным извне паттернам (правилам, обычаям, стереотипам или воле властного субъекта). Ю. Г. Волков поэтому выходит за пределы юридического понимания субъектности, утверждая, что ею обладают «не пассивные потребители, а группы реального влияния, способные внести свои требования и ожидания» в политический дискурс [9, с. 44], реализовать самостоятельно выбранные или сгенерированные цели.

Субъектность государства на мировой арене (макро- и мегауровень) выражается не в формальном суверенитете, а в действительной автономии, способности противостоять внешним вызовам и выбирать пути развития. Поскольку сложная макросоциальная солидарность базируется на синергетическом взаимодействии простых ее форм, необходимо позволить развиваться креативным практикам личностного участия и самоорганизации.

Гражданское общество¹ тоже не гарантируется существованием нормативно-правового обеспечения и может оставаться фикцией при фактической монополизации субъектности политическими акторами. Оно возможно лишь при взаимодействии государства с негосударственными субъектами,

---

¹ Гражданское общество здесь понимается традиционным образом как горизонтально структурированная сеть свободных граждан и добровольных некоммерческих ассоциаций и организаций, защищенных от прямого вмешательства государства и иных акторов для реализации общественных интересов, без цели достижения политической или материальной выгоды.

способными к осознанию и защите общих интересов, к самостоятельному определению способов решения социальных проблем, как указывают В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова и Ж. А. Шаповал [2].

Снижение субъектности в обществе приводит к редуцированию креативных практик на микроуровне (личности и малых групп) до стереотипов инерционной деятельности, вырождению креативности в репродуктивную или аномические виды деятельности. Внешняя обусловленность мышления, целеполагания и поведения приводит к угасанию творческой активности индивидов и снижению способности общества к успешному преодолению кризисов и трансформаций, например, состояний социальной и культурной травмы, исследуемых Ю. Г. Волковым и Ж. Т. Тощенко [7; 36].

Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева связывают ослабление солидарности с травмой распада советского государства [13], А. Б. Гофман – с ослаблением надэтнических, надконфессиональных типов солидарности [11], Ю. Г. Волков – с переводом социальной активности в потребительское русло [9] и снижением критичности мышления. Произошла поляризация общества – низшие слои общества, составляющие большую часть населения, как считает, например, Е. Б. Деминцева, оказались отстранены от процесса принятия решений и возможности творческой инициативы [42]. Как и О. Б. Молодов, она фиксировала отсутствие внятно декларируемых стратегических целей в сознании россиян в первом десятилетии XXI в. было [27; 42]. Такое отсутствие не приводит напрямую к исчезновению солидарности, однако, как обосновывают в своих работах А. Б. Гофман, С. С. Соковиков и О. Н. Зайкова, систематические «сбои» субъектности провоцируют распад сложных форм солидарности на простые [11; 33]. Эти элементарные формы субъектности характеризуются меньшей осознанностью: механическая солидарность основана на общности происхождения, принадлежности к этносу или конфессии, а не на осознании совпадения интересов личности и коллектива.

А. В. Лубков, И. В. Литвинова и М. А. Гончаров описывают как на основе обретения субъектности студентами, преподавателями и интеллигенцией [24] в процессе реформирования российского общества XIX в. и получения более широкими слоями общества формальной независимости и доступа к образованию в российском обществе складывалась органическая солидарность отдельных групп низших слоев населения. Движение к новым, «большим» солидарностям классов сопровождалось повышением степени рациональности мышления индивидов, осознанием как частных (индивидуальных и групповых), так и широких социальных (классовых и государственных) интересов. Именно наличие субъектности стоит считать критерием разграничения в российской социальной мысли вынужденной кооперации («инстинктивной взаимопомощи особой вида» В. И. Иванова) [17], насильственной консолидации сверху (П. А. Кропоткин) [23] и сознательной солидарности (Л. И. Мечников) [26].

Оформившийся в работах религиозно-идеалистического направления того же времени (1840-х гг.) соборный принцип подчеркивает роль личной активности, неотчужденной от общества. Вместе с тем, несмотря на господ-

ствовавшую активно-эволюционную доктрину превращения в богочеловечество, преобразования окружающего природного и социального мира, акцент они делали именно на духовно-нравственном самосовершенствовании, а не на улучшении каждодневной жизни, тяжелых условий труда и поощрении участия в социально-политической и экономической сферах, необходимых для развития субъектности членов общества. Снимая противоречие между индивидом и обществом в теории, сторонники идей соборности и всеединства либо уходили от рассмотрения реальных противоречий власть-общество, элита-масса и личность-масса как несущественных со ссылкой на общинность и соборность русского человека, как В. С. Соловьев [34], либо оправдывали их в качестве проявления «естественной иерархичности» бытия, разрушение которой грозит катастрофическими последствиями, как Н. А. Бердяев [3]. Последний, симпатизируя прямым формам демократии, самоуправляемой, конституируемой «снизу» общине и защищая личность от «растворения» и нивелирования [4], как и другие представители религиозно-идеалистической трактовки солидарности, не уделял достаточного внимания научному обоснованию получения большинством юридических и экономических свобод. Как описывал В. В. Зеньковский, российское общество уже будто по умолчанию давало своим членам преимущества «свободы личности как в хоре» [14, с. 36], «встраивало» в нее необходимые высшие ценности. Воспеваемые авторами этого направления полномочность и равноправие членов общины в принятии решений ограничивались рамками конкретной общины, которая сама так и не стала субъектом политического процесса.

Позитивистско-прагматическая трактовка солидарности, основываясь на учении о классах и усложнении общества, учитывала влияние на процессы консолидации качеств субъектности («класс для себя») или бессубъектности («класс в себе») [см. подр. 25] социальных групп. В условиях редуцированной субъектности отдельный индивид, группа или класс представляют собой объект воздействия («угнетенные классы») со стороны обладающих субъектностью. Представители данного подхода подчеркивают ведущую роль не просто общности интересов солидарного сообщества, но их осознания, готовности и умения отстаивать их. Поэтому они рассматривают эволюцию типов солидарности во взаимосвязи с ростом субъектности индивидов и групп – от вынужденной кооперации и консолидации усилий большинства господствующим классом к органической солидарности, от примата коллективной субъектности над невыраженной индивидуальной – ко все большей индивидуализации и рационализации. Консолидация взаимозависимых членов раннего общества имела целью выживание, а дальнейшая конкуренция с другими сообществами и защита от захвата ресурсов потребовали расширения субъектности, которая вначале была присуща в основном лишь управляющему слою.

Оба сложившихся в русской мысли подхода считают условием солидарности сохранение субъектности большинства. Солидарность возникает в результате не отъема, а объединения субъектных сил, которому способствуют: доступ людей к образованию, возможность их творческой самореализации, взаимодействие власти и общества.

Предсказуемость

Солидарность также связывают с чувством ответственности и готовностью следовать общим нормам (О. А. Кармадонов, В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [18; 41] права и морали, с ясностью правил игры и верой в общие ценности (Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева) [43], обеспечивающих предсказуемость социального взаимодействия. Если субъектность характеризует внутреннее состояние членов солидарного сообщества, то предсказуемость в понимании Г. Д. Ковригиной и О. А. Кармадонова – состояние социальной среды, в которой взаимодействуют индивидуальные и коллективные субъекты, являющееся основанием солидарности [22]. Чрезмерное отдаление социальных слоев друг от друга, нерегулируемая и разнонаправленная (Г. Д. Ковригина, О. А. Кармадонов) [22] деятельность множества субъектов, эгоистический характер мотивации повышают степень непредсказуемости и могут вступать в противоречие с задачами самосохранения коллектива (М. Ф. Сиразетдинова, А. И. Столетов, Р. Х. Лукманова) [45] и способствуют нарушению воспроизводства социальных практик, снижая степень солидарности в обществе.

Несбалансированность субъектности и предсказуемости связана со значительными социальными изменениями, которые в современном обществе происходят со все более высокой скоростью. Ю. Г. Волков описывает как вышеупомянутый дефицит солидарности, так и недостаточное влияние научного сообщества на политику приводят к тому, что средства упорядочивания этих изменений создаются лишь «задним числом», после осознания причин, последствий и значения перемен, как это было с «шоковой терапией» 1990-х гг. [7].

Подрыв предсказуемости как фундамента солидарности российского общества начался еще в позднесоветский период, когда сложились описанные Д. В. Ефременко и Я. В. Евсеевой многочисленные «неформальные сетевые взаимодействия» [43], смягчающие проявления дисфункций формальных институтов. В раннем постсоветском обществе, полагает А. Б. Гофман, дисфункционирование институтов привело к распространению среди большинства чувства правовой незащищенности [11]. Одним из стихийных решений задачи нейтрализации неопределенности социальной среды раннего постсоветского общества стало, по мнению Ю. Г. Волкова, создание частных пространств, которые при чрезмерном замыкании блокируют проявления субъектности и готовность к сопереживанию [8].

В любом сообществе солидарность начинается со сплоченности малых коллективов, основана на доверии и крепких социальных узах микро- и мезоуровня. Степень предсказуемости влияет на качество трудовых отношений и экономического поведения, поэтому, как выявили А. С. Огородов, С. Ю. Саранчук, Н. Г. Чевтаева, корпоративная солидарность зависит от чувства уверенности в завтрашнем дне и проявляется в консолидации коллектива в ситуации нестабильности внешней среды [28]. На

макроуровне, отмечает О. А. Кармадонов, доверие необходимо для формирования правопослушного и активного индивида, убежденности в том, что социальные реформы призваны улучшить жизнь людей [17, с. 17].

Кризис институционального доверия привел к отчуждению большинства от дискредитированных традиционных институтов, ставших механизмами реализации частных интересов. Отсюда в качестве способа «выживания и самопомощи» (Ю. Г. Волков) [8, с. 23], преодоления чувства неопределенности распространились анклавные параллельных, теневых структур доверия, таких как фаворитизм, коррупция и кумовство (А. Ф. Филиппов) [38, с. 69, 74], сервильность (В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [1], двойная мораль и теневая экономика (Д. В. Ефременко и Я. В. Евсеева) [43] и иные особые «правила поведения, действующие за рамками правового поля» (Е. А. Иваненко) [15].

В условиях деформации принципов социальной справедливости межличностное доверие позволяло использовать неформальные каналы коммуникации для приватизации ресурсов. Невозможность отстоять права и законные интересы, присвоение ресурсов обществом меньшинством неэтичными способами и вывод их за рубеж порождают ощущение несправедливости в распределении жизненных благ – один из самых мощных факторов институционального недоверия, как справедливо отмечают Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, Л. В. Колпина, И. В. Бояринова [31] и многие другие авторы. Выявленные О. Б. Молодовым неверие в возможность влияния на органы власти, изменения статус-кво [27], чувство беспомощности сопровождали проявления высокой степени социально-экономического неравенства, отдаления власти и бизнеса от общества, стратификации общества не только по уровню благосостояния, но и формам поведения. Так, «новые русские», в короткие сроки получившие огромные состояния теневыми методами, не только отличались страстью к предметам роскоши, но и выводили активы в офшоры через посредников вместо реинвестирования в отечественную экономику.

Существующие меры социальной политики по индексации доходов населения и материальной поддержки все еще недостаточны для преодоления разрыва между обществом и бизнесом. Остаются нарушенными каналы восходящей социальной мобильности. Значительная часть высококвалифицированных специалистов сталкивается с непониманием их роли в жизни общества и чувствуют невостребованность своего труда, в том числе, как подчеркивает Ю. Г. Волков, не получающего «достойного вознаграждения» вследствие невозможности трудоустройства по выбранной специальности и «вынужденного отчуждения от полученной профессии» [7, с. 22]. К примеру, несмотря на программы поддержки, многие исследователи лишены возможностей в них участвовать в силу тех или иных административных барьеров. Отсутствие доверия и справедливости, четких критериев оценки способностей и достижений личности, двойные стандарты и правовая незащищенность приводят к социальной апатии, безразличию, социальной эксклюзии и замкнутости в подробно описываемых Ю. Г. Волковым частных пространствах, ограничивающих развитие субъектности [8].

Так, можно обоснованно предположить, что ослабление общегражданской солидарности на известном этапе истории российского общества привело к повышению значения солидарностей примордиальных групп и тенденциям локализации и ограничения амбиций [см., напр., 11; 19; 27; 31; 35]. Согласно И. А. Халий, «развал» прежних взаимосвязей [39, с. 44], неравенство как препятствие для деятельности и консолидации социально активной части населения [39, с. 27] привели к выстраиванию макросоциальной солидарности заново на основе объединения вновь выстраиваемых партикулярных солидарностей. Это подтверждается тем, что на смену сильной единой надэтнической советской идентичности пришла множественность идентичностей, связанных «с местом проживания – непосредственной средой обитания» [39, с. 103]. Эти местные и региональные сообщества стали, в терминологии О. Н. Яницкого, «порождающей средой» общественных движений [40]. Сегодня большинство все еще сталкивается, по мнению Ю. Г. Волкова, с «имитативной и не приносящей ощутимых результатов деятельностью» дисфункционалирующих институтов [7, с. 23], а также с описываемым О. Н. Яницким несоответствием работы государственных служб современным потребностям общества [47]. Автор согласен с цитируемыми работами в том, что сочетание многих факторов, такие как довольно резкая трансформация общества, включая экономический уклад и политический строй, распространение влияния новых религиозных и в целом духовных учений ослабили сложившиеся ранее формы солидарности и стали причиной формирования новых ее типов. Причем такое восстановление необходимого для дальнейшего развития общества уровня солидарности начинается с более простых форм солидарности, чем те, что были достигнуты ранее на этапе расцвета¹ иного социально-экономического и духовного строя страны.

С другой стороны, именно критикуемый поворот в сторону комфорта, «мещанства, частных интересов» не обязательно становится, согласно Ю. Г. Волкову, фактором социальной атомизации и препятствием для консолидации российского общества, а напротив, формирует новые типы солидарности, размыкающие приватное пространство [8]. В российском обществе уже частично удовлетворен запрос на системную стабилизацию (Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева) [13] и восстановление доверия (И. Н. Трофимова, Д. В. Полетаев) [37; 44], поэтому за последнее десятилетие произошла смена тренда с обеспечения предсказуемости, порядка и стабильности (позднесоветский период и 1990-е гг.) на субъектность, которые проявляются в описанных Ю. Г. Волковым трендах на ответственный профессионализм и преодоление социальной инерции [9].

¹ Несмотря на то, что оппозиция проводится по оси партикулярная – общегражданская (макросоциальная) солидарность, автор здесь не утверждает, что в указанный период существовало движение лишь от простых форм к сложным, или что партикулярные формы солидарности суть ее простые формы. Солидарность в СССР описывается традиционно не как солидарность отдельных социальных движений, этносов, конфессий, региональная, клановая или даже классовая, а как интернациональная, надэтническая и надкофессиональная. Кроме того, рефлексивная, сознательная солидарность общественных движений, безусловно, сложнее внутрисемейной, региональной или внутрикорпоративной солидарности, как и сложнее любой формы солидарности, опирающейся на идентичность, и требует больше усилий для поддержания.

При этом прежние формы консолидации (профсоюзы, общественные организации) стали, как выявил Ю. Г. Волков, менее авторитетны [8], а новые отличаются ситуативностью, недолгими сроками существования. Так, в исследованиях Ю. Г. Волкова [8] и О. Н. Яницкого [47] выявлено, что жертвы экстремальных ситуаций охотнее доверяют представителям неформальных инициативных движений (П. С. Сорокин, И. Д. Фрумин) [36] и сообществ адресной сетевой поддержки нуждающихся на микроуровне, нежели государственным и прогосударственным структурам, вынужденным подчиняться жестким регламентам [9; 47]. Сам подъем волонтерского движения, на наш взгляд, свидетельствует о достижении необходимой степени предсказуемости социальной среды и наличии возможностей удовлетворения потребности в реализации субъектности.

Хотя современные россияне не склонны, по меткому выражению Ю. Г. Волкова, к «жертвенному» коллективизму [8], они готовы к объединению на основе общих интересов и чувства социальной ответственности. Таким образом, новая макросоциальная солидарность тяготеет не к универсальному, вечному и неизменному идеалу соборности (или его секулярного варианта – коммунизма), требующему самопожертвования (В. В. Петухов) [29], нравственности и братской любви, а к многообразным ситуативным практикам делегирования комплементарных интересов нестабильным «группам «одного требования», переходящих от одной социальной проблемы к другой» [8, с. 24]. Не только в связи с трансформациями российского общества, но и в соответствии с «текущим» характером современности эти группы находятся в перманентном поиске возможностей «перехода от состояния социальной «немоты» к конкуренции» (Ю. Г. Волков) [8, с. 27], действуя в первую очередь на низовом уровне и решая конкретные локальные проблемы (местного самоуправления, жилищно-коммунальные), с которыми не справляются государственные институты (Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева, О. Н. Яницкий) [47; 13].

Еще одна тенденция – консолидация ради выживания и защиты основных прав постепенно уступает место объединениям для совместного социального творчества, политического участия, расширяющих пределы возможностей личности и ее интересы [2; 9]. Существуют целые сообщества людей, готовых делиться ресурсами не только среди жестко ограниченного круга «своих» (что свойственно солидарностям производителей риска в соответствии с типологией О. Н. Яницкого [47], но и с теми, кто не входит в него («внешняя солидарность» в терминологии С. Г. Климовой) [21].

Общность чувств

Общность чувств считается неотъемлемой, существенной характеристикой солидарной общности, начиная с Э. Дюркгейма и заканчивая современными исследователями. Дюркгейм называл укорененные в обществе коллективные чувства, эмоции и стремления одной из основ (макро)

солидарности. С ним согласны современные отечественные исследователи, с точки зрения которых уровень личностной эмпатии и способность к эмпатическому обмену в микро- и макросоциальных структурах являются показателями возможности создания сообществ (О. А. Кармадонов) [18], а значит, и солидарности (Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева) [43]. Фундамент солидарности и успеха социальных реформ образуют «типическим образом» (Д. В. Полетаев) [44] возникающие и общеразделяемые коллективные и индивидуальные чувства, а «не общность идейно-мировоззренческих позиций» (Ю. Г. Волков) [9] или скоротечный и необязательный энтузиазм [18, с. 22].

К. Маркс полагал общность чувств и ее осознание необходимым основанием солидарности. Все наследующие Дюркгейму и Марксу варианты позитивистско-прагматической трактовки признают основанием солидарности не только объективные условия (социальная структура, позиция классов в системе материального и духовного производства), но и психологическую общность внутри солидарных групп и сообществ и между ними. Исключением можно считать лишь, пожалуй, тектологию А. А. Богданова [6], позиционировавшего солидарность как научно обоснованное и рационально организованное единство.

В рамках религиозно-идеалистической трактовки солидарности как соборности подчеркивается важность высших ценностей и основанных на них чувств – любви, милосердия, личных усилий по духовному самосовершенствованию. Однако солидарность (например, дерущихся футбольных фанатов или лиц, присоединяющихся к протестам (А. Ф. Филиппов) [38]) может существовать и на основе общности низших аффектов и устремлений (в т. ч. карьерных) или вполне обыденных чувств (группы по интересам, хобби). Такие формы солидарности интересуют сторонников религиозно-идеалистической трактовки лишь в плане сравнения с идеалом, выявления недостатков общественного устройства и способов их преодоления, начиная с микроуровня социальности и повседневных дел. Примером движения от сущего к должному можно считать переход от состояния «легиона» В. И. Иванова – обезличивающего механического единства без органического единения [17] – к противоположной ему «коммунитарности» Н. А. Бердяева [4].

В связи с обострением социальной несправедливости могут возникать такие разделяемые социальными группами и сообществами чувства, не удовлетворяющие критериям религиозно-идеалистической трактовки, как гнев, фрустрация, решимость вести борьбу. Важнейшими факторами, объединяющими солидарное сообщество, к примеру, являются по Е. А. Иваненко коллективная (историческая или культурная) травма и трансляция ее культурного и медийного нарратива [15], активизация прошлого шокирующего опыта и связанных с ним страданий группы.

Общность чувств проявляется в эмпатии, аффективной поддержке социальных изменений, альтруизме и самопожертвовании, поскольку проблемы внутри солидарного сообщества рассматриваются если не как собственные, то как близкие и понятные В. П. Бабинцев,

Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [2]. Всякая трактовка солидарности предполагает «взаимную симпатию, сопереживание социальных акторов» (А. Б. Гофман) [11, с. 173], проявление активного сочувствия и поддержки (Н. Д. Вавилина) [46] интересов, мнения «сограждан, коллег, близких людей, единоклубия с ними» (Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, И. Голикова) [48]. Возвращаясь к истокам партикулярной солидарности в российском обществе, интересно отметить обнаружение А. Блюмом и Б. Меспуле того, что узы дружбы больше, чем профессиональные, связывали бывших ссыльных работников земских администраций и статистиков, врачей и учителей. Общий опыт политической ссылки значил для создания сетей их кооперации, а также благополучного встраивания в советскую систему гораздо больше, чем разность политических убеждений [5].

Большинство современных исследователей акцентируют не постоянство или одинаковость чувств, а их взаимность. А. Ф. Филиппов называет апелляцию к аффектам эффективной для формирования партикулярных солидарностей нового типа. Рассматривая ситуативные солидарности болельщиков, попутчиков и иных случайно складывающихся и быстро распадающихся групп, он, как и другие современные авторы, не настаивает на общеразделяемости, укорененности или интенсивности постоянных либо сиюминутных чувств, которые могут обновляться посредством проведения социальных ритуалов [38].

Результаты исследований Ю. Г. Волкова подтверждают, что личная сопричастность общему делу позволяет отдельному человеку мыслить широко, созвучно перспективным траекториям развития социального целого [7], развивать способности к конструктивному творчеству и чувство социальной ответственности. Тогда как замыкание частных пространств и восприятие «ситуации через схемы ... собственного самочувствия» в качестве защитной реакции на ситуацию неопределенности [8, с. 25] становится причиной дефицита консенсуса и солидарности. Несомненно, именно это имели в виду представители религиозно-идеалистической трактовки солидарности, утверждая, что лишь целостное мышление (Л. Т. Рыскельдиева) [32], «соборное сознание» (Р. Голович) может постичь истину [10, с. 122].

Стоит отметить, что упорно насаждавшаяся с подачи США неолиберальная идеология подрывает рассматриваемую основу солидарности, оценивая жизненные неудачи и нищету широких слоев населения, как это удачно описывает С. Г. Климова, в качестве следствия индивидуального выбора, «совковых качеств», «показателя неэффективности» [21]. Неолиберализм оправдывает описываемые О. Б. Молодовым эгоизм и отстранение от проблем неравенства, преступности, социальной агрессии, потерю эмпатии, безразличие к общим делам и иждивенческие настроения [27]. По нашему мнению, именно дефицит общности чувств способствует описываемому Ю. Г. Волковым прекращению выполнения частным пространством своей защитной функции, перерождению его из области личной автономии и минимизации риска, а безразличия, нарциссизма и иллюзий «в силу сужения жизненных горизонтов» [8, с. 25].

По этой причине социальные акторы переориентируются на расширение границ приватности и создание социальных сетей, перевод формального общения в практику совместных [8, с. 26] «малых дел», включение новых акторов в сообщества партикулярной солидарности.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что существуют три основания, по-разному акцентированных в двух базовых трактовках солидарности, имеющих в российской социальной мысли.

Первым из таких оснований является субъектность. В нашей работе показано, что социальные мыслители постсоветской России в конце XX – начале XXI вв., используя совершенно разные подходы, описывали ослабление солидаризационных процессов сходным образом – как следствие снижения не только ощущения социальной справедливости и доверия (проявлений предсказуемости и общности чувств), но и способности быть основанием собственной деятельности, то есть субъектности.

Религиозно-идеалистическое понимание солидарности, обосновывая единство личности и общества, защищает личность (и ее субъектность) от давления коллективизма и тоталитаризма. Вместе с тем, доказывая необходимость деятельности в интересах общества для самореализации личности, оно ориентировано на предсказуемость социальной среды и общности чувств, проявляющихся в безусловном доверии и чувстве социальной справедливости. Сторонники концепций соборности и всеединства снимают противоречия интересов личности и общества, субъектности и предсказуемости через высокоорганизованное – духовное – единство членов общества, в котором этическими нормами поведения становятся ценности любви и братства.

Прагматически же настроенные социологи (позитивистско-прагматическая трактовка) прежде всего отстаивают необходимость развития и сохранения субъектности различных групп, что требует осознания ими общности потребностей и интересов. Субъектность в данной трактовке – это условие получения прав и свобод и обеспечения преобразования социальной среды социальными агентами, а не их следствие.

Кроме того, субъектность, предсказуемость и общность чувств вообще не стоит сводить к компонентам или неотъемлемым свойствам, или признакам, а следует рассматривать именно как фундамент солидарности, без которого она не может возникнуть.

Конкретно-исторические формы солидарности характеризуют баланс между субъектностью и предсказуемостью, инициативой и управляемостью. Если предсказуемость проявляется в доверии и следовании общим правилам – моральным и правовым нормам, то субъектность – в способности к осознанию и достижению собственных интересов. Предсказуемость в отношениях между социальными акторами можно считать первичной по отношению к субъектности не только в генетическом

смысле, но и по ее значению для стабильности в обществе. При дефиците предсказуемости – неудовлетворенности базовых потребностей и низком уровне доверия – в целом сложнее поддерживать и развивать субъектные качества, а успешные индивиды ориентируются на достижение не долгосрочных и общих с другими людьми и группами, а краткосрочных индивидуальных целей и узкогрупповых интересов.

В целом же в осмыслении российскими социологами оснований солидарности заметно движение от объективистского языка аномии, кризиса, дезинтеграции и модернизации к стремлению понять фундаментальные человеческие потребности, выражаемые терминами участия, травмы, сочувствия, в качестве источников инициативы субъектов, поддерживающих и меняющих общество посредством креативных (инновационных) практик. Общность чувств присутствует как основание солидарности и в позитивистско-прагматической трактовке, рассматривающей ее в качестве предпосылки социальной и экономической поддержки, взаимопомощи и формирования новой коллективной субъектности, а также пытающейся выяснить роль в формировании солидарности таких параметров общности чувств, как постоянство, одинаковость или взаимность чувств. Впрочем, дальнейшие исследования могут обратиться к перспективным направлениям изучения места интенсивности и совместности общих чувств в процессах солидаризации групп и обществ.

Библиографический список

1. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 895–908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908; EDN: VKBSBW.
2. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Солидарные основания гражданского общества в российском регионе // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4(72). С. 14–19. DOI: 10.24158/spp.2020.4.1; EDN: IREYPH.
3. Бердяев Н. А. Личность и общинность (коммюнитарность) в русском сознании // На пороге новой эпохи (1945–1947). СПб.: РХГИ, 1996. С. 235–261.
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. М.: АСТ, 2010. 352 с.
5. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
6. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Академ. проект, 2020. 712 с.
7. Волков Ю. Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27. DOI: 10.31857/S013216250009344-1; EDN: TCMBRG.

8. Волков Ю. Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29. DOI: 10.7868/S0132162517120030; EDN: ZWLWCR.
9. Волков Ю. Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 41–48. EDN: VVALKH.
10. Голович Р. Соборность: из истории русской религиозной социальной мысли // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 121–125. DOI: 10.31857/S013216250009389-0; EDN: VTCQAR.
11. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Традиция, солидарность и социологическая теория. Избр. Тексты / Отв. ред. А. Б. Гофман. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 160–248.
12. Дьякова В. В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12(166). С. 30–34. DOI: 10.24158/tipor.2021.12.3; EDN: TLYVAJ.
13. Ефременко Д. В., Долгов А. Ю., Евсеева Я. В. Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 24–42. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.03; EDN: ZGSQIB.
14. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2. 280 с.
15. Иваненко Е. А. Change.org как форма «случайной политики»: анализ русскоязычных петиций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 52–67. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05; EDN: JSJTCJ.
16. Иванов В. И. Легион и соборность // Собрание сочинений: в 4 т. / Ред. Д. В. Иванов, О. Дешарт (Шор). Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 253–261.
17. Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
18. Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17–25. EDN: OYSNGT.
19. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: ИГУ, 2012. 223 с.
20. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академ. проект, 2012. 252 с.
21. Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. № 6(350). С. 32–41. EDN: QZBRDH.

22. Ковригина Г. Д., Кармадонов О. А. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 14–23. DOI: 10.31857/S013216250002154-2; EDN: AOPGIS.

23. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. 256 с.

24. Лубков А. В., Литвинова И. В., Гончаров М. А. Традиции солидарности и кооперации в пространстве московских высших женских курсов // Преподаватель XXI век. 2022. № 1(1). С. 11–20. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20; EDN: NUAQUS.

25. Маркс К. Ницета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М.: АСТ, 2020. 220 с.

26. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Вече, 2021. 288 с.

27. Молодов О. Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2(82). С. 82–97. EDN: VSENMB.

28. Огородов А. С., Саранчук С. Ю., Чевтаева Н. Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 83–95. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95; EDN: XWEZDR.

29. Петухов В. В. Гражданское общество и демократия участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 1(77). С. 22–26. EDN: PCQDQH.

30. Пушкарева Г. В., Кузнецов И. И., Батоврина Е. В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 125–131. DOI: 10.31857/S013216250012813-7; EDN: IBOBYQ.

31. Реутов Е. В., Реутова М. Н. и др. «Культура недоверия» в региональном социуме: факторы и социальные практики / Отв. ред. Е. В. Реутов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2013. 176 с.

32. Рыскельдиева Л. Т. В защиту смысла и его логики // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 26–34. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-26-34; EDN: IGNZTL.

33. Соковиков С. С., Зайкова О. Н. О месте идентичности, разнообразия и солидарности в современной культурной политике // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 1. С. 78–85. DOI: 10.14529/ssh220110; EDN: EYKNHZ.

34. Соловьев В. С. Очерки по истории русского сознания // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 363–388.

35. Сорокин П. С., Фрумин И. Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1; EDN: FQYGNL.
36. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с. EDN: QLXXDD.
37. Трофимова И. Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.24107; EDN: YQRHEV.
38. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 19–39. EDN: OZNZWP.
39. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.
40. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: ИС РАН, 1996. 216 с.
41. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Consolidation of territorial communities as a social project // Revista de investigaciones Universidad Del Quindío. 2022. No. 34(S3). P. 134–141. DOI: 10.33975/riuuq.vol34nS3.990.
42. Demintseva E. Understanding Russia's brain drain in the 2010s // Problems of Post-Communism. 2021. Vol. 68. No. 6. P. 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533.
43. Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends // The American Sociologist. 2012. No. 43. P. 349–365. DOI: 10.1007/s12108-012-9165-2.
44. Poletaev D. V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 171–200. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-171-200.
45. Sirazetdinova M. F., Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Manipulation, individuation, and the Self // Cogito. 2021. Vol. XIII. No. 4. P. 102–123. URL: http://cogito.ucdc.ro/COGITO_DECEMBER_2021.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
46. Vavilina N. D. Solidaritization as a social phenomenon and social process: regional context // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. P. 431–442. DOI: 10.1134/S2079970520030144.
47. Yanitskiy O. On the volunteers and volunteering: the case of Russia // Creative Education. 2020. No. 11. P. 307–320. DOI: 10.4236/ce.2020.113024.

48. Zalivanskiy B., Samokhvalova E., Golikova I. Factors determining character of solidarity in Russian region // Research paradigms transformation in Social Sciences: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / Ed. by I. B. Ardashkin, N. V. Martyushev et al. L.: Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 837–845. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.99.

Получено редакцией: 15.05.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3

Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability and Common Feelings¹

Miliausha F. Sirazetdinova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

glavredsirazi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5572-4351

For citation: Sirazetdinova M. F. Russian sociologists on the foundations of solidarity: subjectivity, predictability and common feelings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

Abstract. Each concept of solidarity emphasises certain grounds and factors of solidarisation of society, linking them to social changes or, on the contrary, to the constants of human existence. In periods of social change, not only a decrease or increase in the degree of social consolidation takes place, but also a weakening of some forms of solidarity and the formation of others. The purpose of this study is to identify the bases of solidarity related to sociality and anthropological parameters of being. Although forms of solidarity change from society to society and at different historical stages of their development, no society remains viable and progressive in the absence of solidarity. The present study of the foundations of solidarity goes beyond both traditional sociological concepts of integration and disintegration, of normal society and anomie, and psychological theories of group needs and self-expression, that describe only the immediate preconditions and effects of solidarity. The author relies on secondary analysis of sources and theoretical analysis of sociological concepts of sociality and social reproduction. The research materials include publications by Russian scholars from the 19th century, when the first concepts of sobornost', omnipresence and positivist-practical interpretations of solidarity emerged in Russian sociology, to the present day, devoted to the issues of conditions for the formation of solidarity, consolidation and deconsolidation of society. The author identifies explicitly and implicitly present in the sources of understanding about the foundations of solidarity related to the constants of human existence and sociality: subjectivity, predictability and commonality of feelings. The subjectivity of social actors as the highest, reflexive level of subjectivity determines their ability and will to social creativity and actions in favour of the social whole. The predictability of the social environment ensures the majority's adherence to acceptable common rules, belief in common values on the basis of mutual trust and justice. Mutual aid and altruism within solidarity communities are considered as impossible without the third foundation of solidarity – the community of feelings of social subjects, associated with the commonality of their life worlds.

Keywords: solidarity, Russian society, social practice, social theory, subjectivity, empathic joining

References

1. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Russian university bureaucracy – terra incognita for sociology of education. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2022: 22 (4): 895–908 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908; EDN: VKBSBW.

¹ The research was funded by grant of the RSF No. 23-28-01474.

2. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Solidary foundations of civil society in the Russian region. *Obschestvo: sociologiya, psichologiya, pedagogika*, 2020: 4 (72): 14–19 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2020.4.1; EDN: IREYPH.
3. Berdyaev N. A. Lichnost' i obshhinnost' (kommyunotarnost') v russkom soznanii [Personality and communality (communitarity) in Russian consciousness]. In *Na poroge novoi epohi (1945–1947) [On the Threshold of a New Era. (1945–1947)]*. St. Petersburg, RHGI, 1996: 235–261 (in Russ.).
4. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po social'noy filosofii [The philosophy of inequality: Letters to my contemnners]*. Moscow, AST, 2010: 352 (in Russ.).
5. Blum A., Mespule M. *Byurokraticheskaya anarkhiya: Statistika i vlast' pri Staline [Bureaucratic anarchy: statistics and power under Stalin]* Moscow, ROSSPEN, 2006: 328 (in Russ.).
6. Bogdanov A. A. *Tectology: Universal organization science*. Moscow, Akadem. proyekt, 2020: 712 (in Russ.).
7. Volkov Yu. G. Society of trauma: in search of healing (invitation to the discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 16–27 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009344-1; EDN: TCMBRG.
8. Volkov Yu. G. Private space as a research problem of sociological reflection of new social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 12: 20–29 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517120030; EDN: ZWLWCR.
9. Volkov Yu. G. Solidary activity in Russian society: creative practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2: 41–48 (in Russ.). EDN: VVALKH.
10. Golovic R. The 'sobornost': from the history of Russian religious and social thought. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 121–125 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009389-0; EDN: VTCQAR.
11. Gofman A. B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In *Tradition, solidarity and sociological theory. Selected texts*. Ed. by A. B. Gofman. Moscow, Novyy Hronograf, 2015: 160–248 (in Russ.).
12. Dyakova V. V. Solidarity in the context of regional identity analysis (based on the results of a sociological study). *Teoriya i praktika social'nogo razvitiya*, 2021: 12(166): 30–34 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2021.12.3; EDN: TLYVAJ.
13. Efremenko D. V., Dolgov A. Y., Evseeva Y. V. Russia between system catastrophes and evolutionary transformations: aspects of political ontology. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017: 5: 24–42 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.03; EDN: ZGSQIB.
14. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii [The history of Russian philosophy]*. In 2 vol. Vol. 1. P. 2. Leningrad, Ego, 1991: 280 (in Russ.).
15. Ivanenko E. A. Change.org as a form of casual politics. Analysis of Russian-language petitions. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 52–67 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05; EDN: JSJTCJ.
16. Ivanov V. I. Legion i sobornost' [Legion and sobornost']. In *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3 [Collected works: in 4 vol. Vol. 3]*. Ed. by D. V. Ivanov, O. Deshart (Shor). Brussel, Foyer Oriental Chrétien, 1979: 253–261 (in Russ.).
17. Ivanov V. I. *Rodnoye i vselenskoye [Native and universal]*. Moscow, Respublika, 1994: 428 (in Russ.).
18. Karmadonov O. A. Norms and empathy as factors of social transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 4: 17–25 (in Russ.). EDN: OYSNGT.
19. Karmadonov O. A., Zverev M. K. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady [Consolidation of Russian Society: Flows and Obstacles]*. Irkutsk, IGU, 2012: 223 (in Russ.).
20. Kemerov V. E. *Obshchestvo, sotsial'nost', polisub'yektnost' [Society, Sociality, Polysubjectivity]*. Moscow, Akadem. proyekt, 2012: 252 (in Russ.).
21. Klimova S. G. The ideas and practice of solidarity in the volunteer movement. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 6(350): 32–41 (in Russ.). EDN: QZBRDH.
22. Kovrigina G. D., Karmadonov O. A. The non-obvious solidarity: the problem of empirical study of hardly verified social states. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 10(414): 14–23 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002154-2; EDN: AOPGIS.

23. Kropotkin P. A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual aid: A factor of evolution]. Moscow, Samoobrazovaniye, 2011: 256 (in Russ.).
24. Lubkov A. V., Litvinova I. V., Goncharov M. A. Traditions of solidarity and cooperation in the space of Moscow higher women's courses. *Prepodavatel XXI vek*, 2022: 1(1): 11–20 (in Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20; EDN: NUAQUS.
25. Marx K. *The Poverty of Philosophy. Answer to the Philosophy of poverty by M. Proudhon*. Moscow, AST, 2020: 220 (in Russ.).
26. Mechnikov L. I. *Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki* [Civilization and the great historical rivers]. Moscow, Veche, 2021: 288 (in Russ.).
27. Molodov O. B. Social consolidation in the new reality: the problem of social activity and identity of regional population. *Problemy razvitiya territoriy*, 2016: 2(82): 82–97 (in Russ.). EDN: VSENMB.
28. Ogorodov A. S., Saranchuk S. Y., Chevtaeva N. G. Corporate professional unity under the unstable labor market in the industrial region. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2017: 17(1): 83–95 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95. EDN: XWEZDR.
29. Petukhov V. V. Civil society and participatory democracy. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2006: 1(77): 22–26 (in Russ.). EDN: PCQDQH.
30. Pushkareva G. V., Kuznetsov I. I., Batovrina E. V. Specifics of Russian students inclusion into the social solidarity relationships. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2021: 10: 125–131 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250012813-7; EDN: IBOBYQ.
31. Reutov E. V., Reutova M. N. et al. “Kul'tura nedoveriya” v regional'nom sotsiume: faktory i sotsial'nyye praktiki [“Culture of distrust” in regional society: factors and social practices]. Belgorod, ID “Belgorod” NIU BelGU, 2013: 176 (in Russ.).
32. Ryskeldiyeva L. T. In defence of Smysl and its logic. *Filosofskii zhurnal*, 2022: 15(4): 26–34 (in Russ.). DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-26-34; EDN: IGNZTL.
33. Sokovikov S. S., Zaikova O. N. On the place of identity, diversity and solidarity in modern cultural policy: problems of articulation of concepts. *Vestnik YuUrGU. Ser. “Social'no-gumanitarnyye nauki”*, 2022: 22(1): 78–85 (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220110; EDN: EYKNHZ.
34. Solovyov V. S. *Ocherki po istorii russkogo soznaniya* [Essays on the history of Russian consciousness]. *Vestnik Evropy*, 1889: 11: 363–388 (in Russ.).
35. Sorokin P., Froumin I. “Structure-Agency” problem in the XXI century: social development and research implications. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2020: 7: 27–36 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009571-1; EDN: FQYGNL.
36. Toshchenko Zh. T. *Society of trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis)*. Moscow, Ves Mir, 2020: 352 (in Russ.). EDN: QLXXDD.
37. Trofimova I. N. Structure and dynamic of institutional trust in contemporary Russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2017: 5: 68–75 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.24107; EDN: YQRHEV.
38. Filippov A. F. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya vtoraya [Mobility and solidarity. Article second]. *Sociological review*, 2012: 11(1): 19–39 (in Russ.). EDN: OZNZWP.
39. Khaliy I. A. *Sovremennyye obshchestvennyye dvizheniya: innovatsionnyy potentsial rossiyskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoy srede* [Contemporary social movements: The innovative potential of Russian transformations in the traditionalist environment]. Moscow, IS RAN, 2007: 300 (in Russ.).
40. Yanitskiy O. N. *Ekologicheskoye dvizheniye v Rossii. Kriticheskiy analiz* [Ecological movement in Russia. Critical analysis]. Moscow, IS RAN, 1996: 216 (in Russ.).
41. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Consolidation of territorial communities as a social project. *Revista de investigaciones Universidad del Quindío*, 2022: 34(S3): 134–141. DOI: 10.33975/riuq.vol34nS3.990.
42. Demintseva E. Understanding Russia's brain drain in the 2010s. *Problems of Post-Communism*, 2021: 68(6): 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533.
43. Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends. *The American sociologist*, 2012: 43: 349–365. DOI: 10.1007/s12108-012-9165-2.

44. Poletaev D. V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context. *Russia in global affairs*, 2019: 17(1): 171–200. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-171-200.
45. Sirazetdinova M. F., Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Manipulation, individuation, and the Self. *Cogito*, 2021: XIII(4): 102–123. Accessed 01.03.2023 http://cogito.ucdc.ro/COGITO_DECEMBER_2021.pdf
46. Vavilina N. D. Solidaritization as a social phenomenon and social process: regional context. *Regional research of Russia*, 2020: 10: 431–442. DOI: 10.1134/S2079970520030144.
47. Yanitskiy O. On the volunteers and volunteering: the case of Russia. *Creative education*, 2020; 11: 307–320. DOI: 10.4236/ce.2020.113024.
48. Zalivanskiy B., Samokhvalova E., Golikova I. Factors determining character of solidarity in Russian region. In European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Research paradigms transformation in Social Sciences. Ed. by I. B. Ardashkin, N. V. Martyushev et al. London, Future Academy, 2018: 35: 837–845. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.99.

The article was submitted on: May 15, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Miliausha F. Sirazetdinova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.5
EDN: UNQHQB

Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ¹

Ссылка для цитирования: Киреева И. В., Куква Е. С., Шадже А. Ю. Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.5; EDN: UNQHQB.

For citation: Kireeva I. V., Kukva E. S., Shadzhe A. Yu. Regional branding in strengthening Russian national identity: empirical challenge and expert response. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.5; EDN: UNQHQB.

Киреева Ирина Владимировна¹

¹Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия

klushina@list.ru

AuthorID РИНЦ: 825910

Куква Елена Сергеевна¹

¹Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия

otvs_priem@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 145038

Шадже Асияt Юсуфовна¹

¹Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия

shadzhe@maykop.ru

AuthorID РИНЦ: 76688

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР Адыгейского государственного университета по проекту №FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Аннотация. В статье анализируются идентификационные процессы российского общества в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов. Обосновывается, что в условиях неопределенности общество требует консолидации и единения на основе объединяющей концепции или модели. Цель статьи – обосновать возможности брендинга регионов как части региональной политики идентичности в укреплении общероссийской идентичности. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, за основу взяты основные положения теории социального конструктивизма и концепция многоуровневой идентичности.

В качестве гипотезы предлагается предположение о том, что усиление региональной идентичности в российских регионах и основанный на ней брендинг регионов, способны не фрагментировать, а, напротив, укрепить российскую национальную идентичность. Проверка гипотезы осуществлялась с применением количественных и качественных методов.

Эмпирической базой исследования стали результаты массового онлайн-опроса жителей трех республик Северного Кавказа – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, проведенного в октябре-ноябре 2023 г. (n = 1421). Его результаты дополнены данными экспертного опроса.

Полученные данные свидетельствуют об отсутствии сформированных брендов в исследуемых регионах, что подтверждают результаты репрезентативного опроса (низкий уровень (менее 20%) осведомленности жителей о соседних регионах) и экспертные мнения.

В то же время наблюдается последовательное движение в сторону признания потенциала брендинга в развитии регионов, который включает поиск ключевых образов-идей, конструируемых как снизу (населением республик), так и сверху (органами региональной власти совместно с бизнесом, СМИ и общественными организациями). Брендинг регионов, повышение их узнаваемости способствует укреплению не только региональной, но и российской национальной идентичности. Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что брендинг регионов является механизмом поддержания консолидации российского общества и его потенциал должен быть встроен в политику идентичности.

Ключевые слова: брендинг регионов, бренд, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская республика, Республика Дагестан, региональная идентичность, российская национальная идентичность

Постановка проблемы

Сложная геополитическая и социокультурная реальность диктует необходимость консолидации российского общества и укрепления национальной идентичности. Это заставляет переосмыслить исторически сложившиеся идентификационные маркеры региональной и национальной идентичности.

И. С. Семененко обозначила стратегическое развитие идентичности, основанное «на продвижении таких нарративов, которые могли бы отразить созидательное начало человеческой деятельности, открыть новые горизонты для свободного развития личности и воплощения человеком своего высшего предназначения. В России в политической повестке

стоит вопрос о формировании позитивной идентичности развития, актуальный для сообществ, обращающихся к идентичности как нематериальному ресурсу и источнику дискурсивной силы» [21, с. 532].

В поисках моделей укрепления общероссийской идентичности в политику региональной идентичности стали включать новые инструменты и технологии, в т.ч. из области экономики, маркетинга и рекламы. Один из таких механизмов – брендинг региона. Создание и продвижение позитивного образа региона является основой для развития и укрепления позитивной идентичности, в том числе на уровне идентичности общероссийской. Потенциал брендинга территорий широко используется в практике современных государств во всем мире. В условиях глобальной конкуренции каждый город, регион или страна соперничают друг с другом в борьбе за потребителей, туристов, инвесторов, студентов, предпринимателей. И эта борьба, по сути, происходит за идентичность, когда большинство населения готово проявлять активный интерес к стране, уважать ее, активно участвовать в ее жизни, в том числе инвестировать в экономику.

Проблема, которой посвящена настоящая статья, состоит в противоречии между стремлением российского общества укрепить национальную идентичность и отсутствием понятных, устойчивых механизмов региональной политики идентичности, способной обеспечить это укрепление. В данной статье делается попытка рассмотреть брендинг регионов как направление региональной политики идентичности, способствующее укреплению идентичности общероссийской.

Состояние изученности проблемы. Анализ современных исследований на стыке идентичности и брендинга позволяет зафиксировать два основных подхода. В рамках первого идентичность рассматривается как инструмент брендинга территорий [15]. С позиции второго подхода бренд исследуется как инструмент формирования идентичности (национальной, региональной, локальной, городской) [17]. В работах классиков маркетинга территорий и брендинга С. Анхольта, Ф. Котлера, К. Динни идентичность рассматривается как важнейших фактор создания и продвижения бренда [13, 26]. С. Анхольт вводит понятие «конкурентная идентичность», цель которой состоит в стимуляции инноваций, доказывающих конкурентоспособность территории [25].

Использование брендинга как механизма укрепления региональной и национальной идентичности стало возможным вследствие обобщения исследовательского и практического опыта по поиску способов формирования, конструирования, укрепления идентичности с использованием положений социального конструктивизма в исследованиях идентичности [7; 23] и в исследованиях развития регионов [1; 2].

В отечественной науке исследования проблемы территориального брендинга начали появляться с 2010 года. Это обусловлено в том числе появлением Концепции продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 гг. Происходило теоретическое осмысление возможности применения современных технологий брендинга в создании и продвижении националь-

ного бренда России. В работах И. А. Василенко, посвященных имиджу России в контексте национального и территориального брендинга, сформулировано положение, отражающее роль брендинга региона в укреплении общероссийской идентичности: «...до сих пор даже на экспертном уровне не изжито представление о том, что имидж страны – это нечто касающееся исключительно государства. Однако в действительности имидж страны складывается из имиджа ее больших и малых регионов» [10, с. 93]. В то же время понимание взаимосвязи брендинга и идентичности выросло из прикладных исследований, в ряду которых важное место занимают работы пионера территориального брендинга в России Д. В. Визгалова [5]. Этнокультурные аспекты брендинга, включая вопросы о развитии этнической и региональной идентичности, стали предметом различных исследований, в том числе в Дагестане – это работы Ф. А. Гаджаловой [6], в Кабардино-Балкарии – З. М. Кешевой [12], в Адыгее – М. Г. Куек и др. [14].

Исследовательское внимание авторов настоящей статьи направлено на состояние и особенности идентичности в северокавказских регионах: Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской республике и Республике Дагестан, представляющих соответственно Западный, Центральный и Восточный Кавказ. Выбор обусловлен не только стремлением включить в исследование широкое географическое пространство Северного Кавказа, но и обратиться к регионам, имеющим политико-правовой статус республики, а также демонстрирующим в последнее время высокую активность в области развития туризма и поиска бренда региона.

Предметом исследования является брендинг регионов, рассматриваемый как инструмент укрепления российской национальной идентичности.

Методология исследования основана на методах современной, постнеклассической науки – междисциплинарности, востребованность которой объясняется тем, что полиэтничному северокавказскому обществу, в частности исследуемым регионам, присущи все признаки нелинейной сложно эволюционирующей системы: открытость, нестабильность, необратимость во времени, неединственность будущего и другие. Более того, этнический компонент дополняет общие параметры порядка, выступая как один из главных параметров порядка в полиэтничном обществе. Применение постнеклассической парадигмы к таким сложным открытым системам, как «полиэтноконфессиональное общество», «регион», «идентичность», «российская идентичность», «бренд» позволило понять сложившуюся в регионе социальную реальность: определить общие социокультурные детерминанты позитивной идентичности в регионах и степень их воздействия на укрепление российской национальной идентичности. Концепция многоуровневой идентичности, построенная ранее авторским коллективом на основе нелинейного взаимодействия этнокультурной, региональной и национальной формами идентичности [18], способствует выявить общее и особенное брендинга исследуемых регионов.

Методы классической и неклассической социологии легли в основу рассмотрения брендинга как динамичного социального процесса, формирующегося на основе социокультурных традиций и новаций. Метод социального конструктивизма позволил выявить новые возможности регионального брендинга, образа будущего регионов для формирования и укрепления национальной идентичности. Это актуализирует вопрос о конструировании брендов регионов и позволяет определить взаимодействие региональной идентичности и брендинга в целях укрепления российской национальной идентичности.

Критическое осмысление и соотнесение результатов количественного и качественного методов (массового и экспертного опросов) может способствовать выявлению ценностного смысла социального опыта исследуемых регионов и обнаружению новых «точек роста» в условиях современной реальности и инновационного развития.

Эмпирическую базу составили результаты исследования, полученные с применением количественных и качественных методов в рамках исследовательского проекта «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Данные получены в ходе проведения массового опроса жителей трех республик Северного Кавказа – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана (октябрь-ноябрь 2023 г.). Выборка объемом 1421 респондент репрезентирует население данных республик от 18 лет по полу и возрасту, а также типу поселения. Выборка квотная, с контролем несвязанных признаков пола, возраста и типа поселения. Параметры выборки строго соответствуют данным территориальных органов Росстата на 1 января 2023 г. по полу и возрасту и по распределению по типу поселения. В ходе опроса применялась электронная анкета, данные обрабатывались в компьютерной программе для статистической обработки данных. В целях уточнения и углубления информации, полученной в ходе массового опроса, а также для раскрытия потенциала брендинга регионов был применен экспертный опрос двух категорий экспертов: представителей академического сообщества из числа политологов, социологов, историков, культурологов (эксперты-исследователи) и представителей региональной власти из сферы экономики, туризма, цифрового развития (эксперты-практики). Экспертный опрос проводился в ноябре – декабре 2023 г. методом нестандартизованного интервью. В число экспертов вошли как представители исследуемых республик, так и ученые, и практики из других регионов Северного Кавказа. При реализации исследования использовался принцип триангуляции.

К определению основных понятий

В рамках нашего исследования *регион* рассматривается как административно-территориальная единица – субъект РФ. При этом учитывается и то, что регион – это не только территория, которая имеет политико-правовые и географические границы, но и определенное социокультурное пространство со своей историей, культурой, ценностями.

Региональная идентичность – комплекс установок и смыслов, на которых строится принадлежность к региональному сообществу. В исследованиях брендинга территории важную роль играет региональная идентичность.

Российскую национальную идентичность (общероссийскую идентичность) мы рассматриваем, ориентируясь на позицию Л. М. Дробижевой, как сложно сконструированное, эмоционально окрашенное представление и элементы готовности к действию. Она включает государственное, страновое, гражданское самосознание, представления о многонациональном народе, социальной, исторической общности. Основываясь на общих ценностях, целях развития общества и солидарности, российская национальная идентичность является важным индикатором духовно-нравственного, политического и социального единства граждан России, российского народа (русской нации) [9].

Бренд и брендинг – в современной науке понятия перемещаются в социогуманитарную сферу, наполняясь социальной практикой, ценностным опытом и механизмом формирования позитивной идентичности на уровне региона и страны.

В данном исследовании мы исходили из следующего подхода к пониманию бренда региона. Во-первых, это динамичный социальный феномен, который создается на основе социокультурных традиций и инноваций [24] и являет собой многомерный набор функциональных, эмоциональных, актуальных и стратегических элементов, которые совместно производят уникальный набор ассоциаций в общественном сознании [27]. Это образ-идея об уникальности региона, которая объединяет жителей региона и которую разделяет власть для использования во внутреннем пространстве и для внешнего позиционирования.

Взаимосвязь российской национальной идентичности, региональной идентичности и бренда региона выстраивается по следующей логике: усиление региональной идентичности в российских регионах способно не фрагментировать, а, напротив, укрепить российскую национальную идентичность. Очевидно, что связь между региональной и национальной идентичностью нелинейна. Так как усиление региональных идентичностей может иметь центробежное движение, т. е. ослаблять общероссийскую идентичность, либо увеличивать неопределенность в идентификационных процессах, снижать предсказуемость. Государственная политика идентичности, будучи направленной на укрепление российской национальной идентичности через усиление региональных идентичностей, всегда открыта новым инструментам и технологиям, способным преодолеть эту линейность.

Бренд региона – конструируемый феномен. Однако конструирование бренда не может возникнуть из ниоткуда, ему необходимо опираться на реальные идеи, точнее образы-идеи, продуцируемые и поддерживаемые населением территории – региона. В этих идеях отражаются те ключевые новые маркеры региональной идентичности, о переосмыслении которых говорилось ранее. Таким образом, бренд формируется на основе маркеров

региональной идентичности. Помимо традиционно и бесспорно выделяемых языка, территории, историко-культурной общности, общих ценностей, появляются новые маркеры, отражающие уникальность региона и его социальную привлекательность. Они индивидуальны для каждого региона. Вторым шагом в конструировании бренда после выявления маркеров региональной идентичности жителей становится деятельность региональной власти, органов управления по оформлению идей и продвижению их вовне. Эти два этапа позволяют разработать конкурентноспособный бренд региона, основанный на региональной идентичности, являющийся ее концентрированным выражением. Так решается задача укрепления региональной идентичности.

При использовании бренда за рамками региона начинают решаться задачи узнаваемости, повышения привлекательности, привлечения самых разнообразных ресурсов. Как видим, базовым субъектом «производства» идеи бренда являются жители региона, базовым субъектом формирования и продвижения бренда – брендинга, является региональная власть. Успешный, работающий на регион бренд – результат договоренности между жителями и властью. Значимое место занимают в обоих процессах различные региональные сообщества – бизнес-сообщество, академическое, общественные организации, лидеры общественного мнения; для работы над брендом применяется сетевой подход. При этом политика брендинга, реализуемая региональной властью, становится частью государственной политики идентичности.

Эмпирическое измерение региональной идентичности

В исследованиях брендинга территории анализу общего уровня, направленности, интенсивности региональной идентичности отводится значимая роль. В процессе исследования зафиксирован высокий общий уровень региональной идентичности жителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана (см. табл. 1). При этом установлено, что он существенно не меняется под влиянием социально-демографических характеристик.

Таблица 1 (Table 1)

Региональная идентичность в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Дагестане, 2023 г., %
Regional identity in Adygeya, Kabardino-Balkaria and Dagestan, 2023 г., %

Насколько Вы ощущаете общность, близость с жителями республики?	Адыгея	Кабардино-Балкария	Дагестан
Часто	47,5	53,2	53,6
Иногда	48,7	44,0	43,1
Никогда	3,8	2,8	3,3

Общий уровень российской национальной идентичности жителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, по результатам проведенного нами исследования, в среднем составил 93,5%, что соответствует общероссийской тенденции [8]. В целом, респонденты демонстрируют высокую

готовность идентифицировать себя с основными группами: этнической, религиозной, поколенческой и профессиональной. Это может быть охарактеризовано как дополнительный консолидирующий фактор. Так, С. Рыжова при анализе идентичности с точки зрения региона, обосновывая значимость разных видов идентичностей, говорит о балансе различных консолидирующих оснований в процессе нациестроительства [20].

Значимые отличия наблюдаются при оценке актуализированной региональной идентичности в сравнении с другими видами идентичностей (см. табл. 2). Зафиксирована высокая актуализация этнической и религиозной идентичностей. В Дагестане выше, чем в Адыгее и Кабардино-Балкарии, показатели по религиозной и локальной идентичностям. При этом менее всего из предложенных актуализирована российская национальная идентичность.

Таблица 2 (Table 2)

**Степень активизации видов идентичности
жителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, 2023 г., %**
*Degree of activation of types of identity
of the residents of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan, 2023, %*

Часто ощущают общность, близость со следующими группами людей	Адыгея	Кабардино-Балкария	Дагестан
С людьми своей национальности	65,1	69,7	68,9
С людьми своей веры	56,6	66,3	71,1
С теми, кто живет в том же городе, селе, ауле	50,6	61,3	64,9
С жителями республики	47,5	53,2	53,6
Со всеми гражданами России	30,3	24,4	30,9
С жителями Кавказа	32,6	46,2	42,2

С позиции социального конструктивизма формирование и развитие общероссийской национальной идентичности является незавершенным нелинейным процессом. Идея множественности идентичностей [28] и поливариантности идентификационной матрицы ориентирует на то, что индивид останавливается на той идентичности, которая отвечает текущей ситуации [3]. При этом в ситуации неопределенности индивид более склонен идентифицировать себя с «ближним кругом», ему необходим ясный, позитивный, четкий, простой, наполненный смыслом конструкт.

Данные опроса показали, что определяющим идентификационным основанием региональной идентичности является такой маркер как «родная земля, территория, природа» (см. табл. 3). Конфигурация идентификационных оснований отличается в исследуемых регионах. В Адыгее в тройку наиболее значимых маркеров входят «праздники» и «ответственность за судьбу своей республики», в Кабардино-Балкарии – «родной (национальный) язык» и «общая религия», в Дагестане – «общая религия» и «родной (национальный) язык». Можно также отметить, что развитие региональной идентичности на данном этапе преимущественно осуществляется через этнокультурные маркеры.

Таблица 3 (Table 3)

Идентификационные основания региональной идентичности населения Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, 2023 г., %
Identification bases of regional identity of the population of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan, 2023, %

Что из перечисленного максимально объединяет Вас с жителями своей республики? (в расчет включена только оценка «5» в диапазоне от 0 до 5)	Адыгея	Кабардино-Балкария	Дагестан
Родная земля, территория, природа	64,0	67,8	68,5
Праздники	53,9	48,7	52,5
Ответственность за судьбу своей республики	51,9	50,9	53,8
Русский язык	50,3	36,3	50,2
Общая историческая судьба	49,4	50,8	58,4
Общие проблемы региона	47,8	48,8	52,7
Родной (национальный) язык	45,6	56,5	59,1
Общий характер, менталитет	43,6	52,5	50,9
Общая религия	38,6	55,8	69,7

В комментариях экспертов о ведущих маркерах региональной идентичности также преобладали этнокультурные. Из целого ряда высказываний можно сделать вывод о том, что региональная идентичность представляет собой некое продолжение этнокультурной идентичности: основывается на ней, иногда подменена ею («*На Кавказе существует педалирование на этнокультуру*» (эксперт-исследователь, РА, специалист в области этнокультурного развития)). В исследуемых регионах речь идет об этнической культуре народов Кавказа.

Эксперты обращают внимание на то, что «*ни один показатель в отдельности не является маркером идентичности. Их сочетание, мозаика формируют идентичность, а самосознание становится склейкой этих маркеров*» (эксперт-исследователь, ЮФО, специалист в области советской истории). Набор маркеров одинаков, но «*можно из них собрать более 80 матриц для каждого региона в стране... У нас и без этнического компонента регионы слишком дифференцированы по экономическому, социальному, демографическому признакам*» (эксперт-исследователь, ЮФО, специалист в области истории).

Также эксперты связывают региональную идентичность не только с традиционными маркерами, но с конкретными практиками: «*это экономическая политика, политика управления, это политика, которая будет направлена на создание институтов регионального развития*» (эксперт-исследователь, РА, специалист в области социологии культуры). Другая модель взаимодействия региональной и этнической идентичности в том, что «*развитость республиканской идентичности не допускает деструктивных форм этнической идентичности и дальше идет на укрепление национальной*» (эксперт-исследователь, РД, специалист в области социологии межэтнических отношений).

Специалисты также именуют маркеры в дихотомичных терминах прошлого и будущего: *«те, которые отсылают к прошлому, и которые – к будущему нашей страны... традиционно выделяемые маркеры могут влиять, но не могут определять будущее..., при этом они бытуют в обществе, но не сформулированы, их нужно найти, чтобы дать ориентир, куда двигаться дальше»* (эксперт-исследователь, КБР, специалист по истории Северного Кавказа).

Региональная идентичность и бренд. Бренд региона формируется на основе маркеров региональной идентичности. На первом этапе брендинга региона, когда происходит конструирование бренда, необходимо опираться на образы-идеи, продуцируемые и поддерживаемые населением. Образ-идея – это базовая конструкция, которая объединяет жителей региона и включает чувственно-эмоциональный, ценностный и рациональный компоненты. Помимо традиционных маркеров (язык, территория, историко-культурная общность, общие ценности), в образе-идее актуализируются новые основания региональной идентичности, отражающие уникальность региона и его социальную привлекательность.

Региональная политика идентичности основывается на целенаправленном конструировании позитивного и уникального образа региона. Региональная идентичность приобретает стратегический характер, когда начинают сознательно работать над представлениями о регионе внутри и за его пределами [16]. Региональная идентичность как чувство принадлежности к региональному сообществу, включает различные социально-психологические характеристики: устойчивые ассоциации, эмоциональные образы и воспоминания, рациональный компонент – основанное на сознательном выборе чувство гордости за регион (субъект РФ). Эти характеристики важны в оценке потенциала брендинга регионов, позволяют конструировать бренд, учитывая такое явление как габитус, т. е. прочные приобретенные предрасположенности, исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики индивидов [4]. Далее представлен анализ данных характеристик.

Во-первых, выявлены представления респондентов об уникальности регионов (см. табл. 4). Больше всего отличает Дагестан от других регионов России сохранение этнических традиций (44,3%), значимая роль религии, активность религиозных деятелей и организаций (41,6%), дружелюбие и открытость людей (41,3%). Респонденты из Кабардино-Балкарии видят уникальность республики в сохранении этнических традиций (42,7%). В то же время отмечают, что республика – это комфортная для проживания территория (48,4%). Такая же характеристика региона преобладает и в ответах респондентов из Адыгеи (48,9%). Примерно в равной мере жители трех республик считают выгодно отличающимися их от других регионов такие характеристики как дружелюбие и открытость людей, а также развитие туризма. Респонденты из Дагестана подчеркивают активность жителей, готовность к созданию собственного благополучия своими силами.

Таблица 4 (Table 4)

Представления об уникальности региона, 2023 г., %

Perceptions of uniqueness of the region, 2023, %

Что в большей степени отличает Вашу республику от других регионов России?	Адыгея	Кабардино-Балкария	Дагестан
Высокий уровень развития экономики и благосостояния граждан	8,6	11,6	7,9
Безопасность жителей	26,5	19,9	13,6
Качественное образование	8,6	6,6	5,7
Развитие науки и технологий	5,8	4,8	3,1
Развитая инфраструктура (дороги, транспорт) и сфера услуг	17,5	11,6	3,5
Сохранение этнических традиций	42,7	47,2	44,3
Открытость региональной власти, ее авторитет и доверие общества к ней	8,4	9,8	5,3
Комфортная для проживания территория	48,9	48,4	20,7
Значимая роль религии, активность религиозных деятелей и организаций	8,6	18,7	41,6
Активность жителей, готовность к созданию собственного благополучия своими силами	11,9	14,5	27,3
Дружелюбие и открытость людей	29,7	35,5	41,3
Стремление к сохранению уникальной природы	23,1	23,3	11,0
Развитие туризма	27,2	28,1	24,6
Отсутствие межнациональных конфликтов и добрососедские отношения	31,3	25,3	21,7
Здоровый образ жизни, развитие спорта	20,7	19,3	25,5
Качественное здравоохранение и доступность социальных услуг	3,7	6,4	4,6
Нет ничего уникального	2,4	3,6	6,8
Затрудняюсь ответить	7,5	6,6	8,6
Другое (напишите)	0,9	0,8	0,7

На основании представленных мнений респондентов можно определить ключевые уникальные характеристики регионов, которые и способны стать базой для формирования брендов.

Так, в основу конструкта бренда **Дагестана** могут быть положены следующие образы-идеи: регион, в котором развивается туризм и сохраняются этнические традиции при значимой роли религии, а жители ориентированы на предпринимательскую деятельность и активное включение в экономическую жизнь региона, дружелюбны и открыты, демонстрируют высокую ценность спорта.

Образы-идеи **Кабардино-Балкарии**: комфортный для проживания регион, в котором сохраняются этнические традиции, ориентированный на развитие туризма и сохранение уникальной природы, жители дружелюбны и открыты.

Для **Адыгеи** образы-идеи сложились следующие: комфортный и безопасный для проживания регион с развитой инфраструктурой, в котором сохраняются этнические традиции, ориентированный на развитие туризма и сохранение уникальной природы, жители дружелюбны и открыты.

Сохранение этнических традиций является общим для трех регионов. При этом речь идет, главным образом, о языке и этических кодексах (в Адыгее и Кабардино-Балкарии это «адыгагъэ», в Дагестане – «намус», «яхь»), включая обычаи и обряды, связанные с семейно-бытовой сферой, традиции национальной кухни и др.

Образы-идеи республик нашли отражение в рассуждениях экспертов из числа представителей органов управления. В целом, эксперты отмечают отсутствие сформированных брендов в исследуемых регионах, но при этом видят в брендах потенциал для развития.

Бренд Адыгеи должен строиться на сбалансированном соотношении *«развития промышленности в отдельных районах республики, сельского хозяйства, и сохранении культуры адыгского населения, которую надо научиться капитализировать и сделать дорогой не только для адыгов, но и для всей России, ... чтобы люди хотели сюда приехать и потом еще раз вернуться»* (эксперт-практик, РА, специалист в области социально-экономического развития). *«Развитие бренда, повышение привлекательности может привести к большим миграционным потокам, а это может размыть нашу идентичность»* (эксперт-практик, РА, специалист в области туризма).

В основу образа-идеи может быть также заложена государственная символика, уникальная природа (*«Геральдика, природные объекты могут стать основой для бренда. Это некая собирательная вещь, узнаваемая, показывающая сильные, интересные стороны, выявленная с учетом целевой аудитории. Сегодня есть из чего делать бренд, есть зачатки, но он не сформирован и нет его продвижения. А учет этнокультурных особенностей регионов должен уже сейчас быть заложен в общероссийскую идентичность»* (эксперт-практик, КБР, специалист в области социально-политического и цифрового развития)).

«Горный туризм может стать общедагестанским брендом, но это требует очень серьезной инфраструктурной проработки» (эксперт-практик, РД, специалист в области социально-экономического развития). Эксперты из Дагестана в целом меньше артикулируют идею сохранения этнических традиций и иных этнокультурных компонентов. Чаще упоминается усиливающаяся религиозная идентичность в контексте *«подтачивания как региональной, так и национальной идентичности»* (ряд экспертов).

Исследование образов-идей как основы бренда региона включает анализ представлений о будущем развитии и того, как они соотносятся с пониманием особенностей региона в настоящем (см. табл. 5). Респондентам был предложен выбор из четырех образов, каждый из которых ориентирован на определенный сценарий: экономический, социальный, политико-правовой, этнокультурный. Выбор Адыгеи и Кабардино-Балкарии сделан в пользу социальной направленности. Можно сказать, что образы настоящего и будущего в понимании респондентов этих двух регионов совпадают. Они хотят видеть свою республику комфортным регионом, ориентированным на экологию, здоровый образ жизни, развитую инфраструктуру. У респондентов из Дагестана выявлено определенное противоречие: настоящее они фиксируют в категориях этничности и религиозности, а в будущем республику видят как центр туризма с сильной экономикой, привлечением инвестиций и притоком туристов, работников из других регионов и стран. Это противоречие также фиксируют эксперты: с одной стороны, немалая доля дагестанцев мыслят консервативно, полагая что развитие туризма приведет к размыванию традиций, с другой – наблюдается высокая предпринимательская активность, стремление к достижению собственного благополучия. Поэтому бренд региона, работающий по принципу сохранения и развития уникальных духовных традиций, но при этом с ориентацией на создание и продвижение качественного коммерческого продукта, главным образом туристического, должен базироваться на идее взаимодополняемости, диалогичности традиций и инноваций.

Таблица 5 (Table 5)

Представления о регионе в будущем, 2023 г., %
Perceptions of the region in the future, 2023, %

Представьте свой регион в будущем. Какой он?	Адыгея	Кабардино-Балкария	Дагестан
Комфортный регион, ориентированный на экологию, здоровый образ жизни, развитую инфраструктуру	35,4	33,5	22,2
Центр туризма с сильной экономикой, привлечением инвестиций и притоком туристов, работников из других регионов и стран	28,1	30,3	28,8
Безопасный регион, открытый и дружелюбный	18,7	18,7	23,1
Регион с сильными традициями и этнической культурой, где сохраняются этнические ценности	9,0	11,6	13,4
Затрудняюсь ответить	8,1	4,4	10,8

Оценка населением состояния и развития региона в настоящем и будущем должна учитываться в процессе создания и продвижения его бренда. Существенное влияние на представления жителей, уровень региональной идентичности и, соответственно, брендинг региона оказывают социально-экономические процессы и факторы.

Опрос показал, что населением Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана остро ощущаются такие проблемы, как невысокий уровень жизни и доходов населения, отсутствие перспектив для молодежи и безработица. В рейтинге регионов России по качеству жизни (по данным на 2021 г.) Адыгея занимала 22-е место, Дагестан – 69-е место, Кабардино-Балкария – 75-е место¹. Также респонденты отмечают влияние родственных связей, кланов на экономику и политику, а также бюрократизм и коррупцию. Еще один показатель – уровень удовлетворенности условиями жизни в регионе. Довольны условиями жизни в Адыгее 83,2% респондентов, в Кабардино-Балкарии – 79,8%, Дагестане – 57%. Респонденты трех республик выше среднего оценивают состояние таких сфер как личная безопасность, возможности для приобретения товаров и получения услуг, возможности для духовного развития, возможности для получения образования, возможности для проведения досуга и отдыха. Отличия состоят в том, что в Адыгее более высокая оценка обустроенных общественных пространств, в том числе площадок для занятия спортом и здорового образа жизни (средневзвешенная оценка 4,0), в Кабардино-Балкарии – личной безопасности (4,1), в Дагестане – респонденты более всего удовлетворены возможностями для духовного развития (3,8), а показатели социально-экономического положения в этой республике самые низкие (на уровне 2,5). Анализ показывает, что в Адыгее и Кабардино-Балкарии у жителей высокие требования к уровню комфорта, поэтому показатели удовлетворенности и неудовлетворенности часто связаны именно с ним (например, неудовлетворенность транспортной доступностью в Адыгее и в Кабардино-Балкарии). Жители республик демонстрируют ценность комфорта и качества жизни. В Дагестане запрос на комфорт не удовлетворяется (высокие показатели неудовлетворенности инфраструктурой, качеством дорог), но лидирует неудовлетворенность компетентностью власти.

В области маркетинга и поведенческой экономики одним из инструментов брендинга является исследование воспоминаний и ассоциаций о том или ином товаре или услуге [19]. Приобретая товар, человек делает выбор, продиктованный прошлым опытом и воспоминаниями о нем. Часто это решение принимается на уровне подсознания. В области маркетинга территорий действует похожий механизм. Поэтому так важно понять, о чем вспоминают жители региона, когда думают о нем, а также исследовать, какие воспоминания есть у внешней аудитории. Вопрос был открытым, полученные ответы были проанализированы с применением метода контент-анализа. Это позволило сгруппировать все упоминания (слова или словосочетания) в 12 смысловых единиц: *природа* (географические объекты, климат), *кухня* (блюда национальной кухни), *культура* (искусство, религия, образование, традиции и обычаи), *состояния и качества* (характер, менталитет народа, образ жизни, цветовые ассоциации, абстракции), *личное пространство* (семья, дом, дети, родные, друзья), *конкретные туристические объекты*, *народ* (земляки, односельчане, мой народ), *люди*

¹ Сайт РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>? (дата обращения: 25.12.2023).

(жители республики, конкретные известные личности), *история* (прошлое, предки), *инфраструктура* (дороги, городские объекты, парки, планировка, транспорт), *спорт, негатив* (см. табл.6).

Таблица 6 (Table 6)

Распределение ответов на открытый вопрос:
«О чем Вы прежде всего вспоминаете, когда думаете о своей республике?», 2023 г., %
Distribution of answers to the open-ended question;
“What do you remember first of all when you think about your republic?”, 2023, %

Адыгея		Кабардино-Балкария		Дагестан	
Природа (горы)	34,4	Природа (горы, Эльбрус)	53,8	Природа (горы, море)	25,8
Кухня (адыгейский сыр, яблоки)	19,9	Личное пространство	10,5	Состояния и качества (гордость, единство, гостеприимство, дружба, доброжелательность, свобода, красота)	19,1
Культура (традиции и обычаи, танцы, язык)	13,3	Кухня (хычины, нарзан)	8,6	Культура (традиции, обычаи, Ислам)	11,1
Состояния и качества (дружба, дружелюбие, спокойствие, мир, красота, зеленый)	7,6	Культура (традиции и обычаи)	6,2	Люди (Расул Гамзатов)	8,6
Личное пространство	6,7	Состояния и качества (дружба, дружелюбие, спокойствие)	5,0	Личное пространство	8,4
Конкретные туристические места (плато Лагонаки, Майкоп)	4,6	Люди	4,5	Народ	8,0

Как видно из таблицы 6, где представлены наиболее упоминаемые смысловые единицы, респонденты чаще всего вспоминают о природе, точнее о горах. Специалисты в области гуманитарной (имагинальной) географии полагают, что территориальные бренды возникают из сочетания культурных ценностей и географических образов. Образ «горных регионов» достаточно устойчив не только на Северном Кавказе, где он выступает как объединяющий фактор, но и в российском пространстве в целом.

Респондентам в республиках для понимания внутрикавказской узнаваемости регионов был задан вопрос о знании различных, известных в самих регионах товарных брендах, достопримечательностях, людях. Результаты опроса показали низкий уровень осведомленности жителей о соседних регионах. Среди причин этого эксперты, в частности, выделили:

– слабость горизонтальных связей: «*Не знают не только соседние, не знают о своей республике. Очень слабые горизонтальные связи*» (эксперт-исследователь, КБР, специалист по социальной антропологии). «*Через республику уже не знают, только соседние, с кем граничат*» (эксперт-исследователь, РД, специалист по истории Северного Кавказа).

– большая связь со столичным регионом, крупными городами;

– утилитарный подход современных людей («наша повседневность такова, что мы заиклены на наших утилитарных интересах, целях, ... еще отсутствие... демонстрации жизни регионов» (эксперт-исследователь, РА, специалист в области социологии культуры). «Вот здесь бы очень пригодились бренды-символы, которые бы и давали представление о соседних регионах на достаточном для обывателя уровне» (эксперт-исследователь, СКФО, специалист в области межэтнических отношений).

Существуют различные методы оценки узнаваемости региона, его известности. Один из них основан на анализе социальных сетей, блогов, форумов и сайтов-агрегаторов отзывов туристов (например, Индекс туристической привлекательности регионов России)¹. По предложенной методике Адыгея и Дагестан отнесены к «скромным» регионам, а Кабардино-Балкария к «малозаметным».

В общественном сознании Северный Кавказ долгое время рассматривался как небезопасный регион. Не углубляясь в причины такой оценки, хотелось бы сказать, что в последнее время наблюдается существенный сдвиг. Это подтверждают не только результаты опроса (все три региона в массовом опросе продемонстрировали самые высокие показатели удовлетворенности личной безопасностью), но и рост туристического потока в республику Северного Кавказа. Дагестан, по данным Росстата, вошел в топ-30 регионов России с максимальным внутренним турпоток, продемонстрировав самые высокие темпы прироста по сравнению с 2022 г. (281,9%)². Еще один показатель – это данные рейтинга регионов РИА Новости по преступности. В 2023 г. все три республики вошли в топ-7 регионов с низким уровнем преступности. Адыгея в этом рейтинге занимает 7 место, Кабардино-Балкария – 5, Дагестан – 3³. Фактор безопасности, на наш взгляд, оказывает влияние не только на уровень региональной идентичности, но и на то, как регион воспринимается внешней аудиторией.

Наконец, еще один важный показатель региональной идентичности – гордость за регион. Он в большей степени является рациональным, хотя проявляться может в ярко выраженной эмоциональной форме. Люди осуществляют осознанный выбор предмета для гордости, основываясь на определенной системе ценностей. Индекс гордости в исследуемых регионах высокий, в среднем более 96%. В Адыгее – это, в первую очередь, природные богатства (32,1%), далее – люди, жители республики (16,2%), и на третьей позиции – духовность, культура, традиции (13,4%). Для жителей Кабардино-Балкарии – природные богатства (34,3%), духовность, культура, традиции (19,2%), история региона (13,0%). Для жителей Дагестана – история региона (26,2%), духовность, культура, традиции (24,0%), на третьей позиции – люди (13,6%) и природные богатства (13,8%).

¹ Индекс туристической привлекательности регионов России. URL: <https://tourism-index.strelka-kb.com/>. (дата обращения: 25.12.2023).

² Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>. (дата обращения: 25.12.2023).

³ Рейтинг регионов по преступности. URL: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html?ysclid=lqba2gs2lq880307928>. (дата обращения: 25.12.2023).

Эксперты, рассуждая о Северном Кавказе и его переосмыслении в глазах общественного мнения, превращении в активную туристическую зону, в целом объясняют это через объективное достижение достаточно высокого уровня безопасности на Северном Кавказе. А также высказываются об активном развитии внутреннего туризма в вынужденной ситуации, когда выезд за границу затруднен.

«Прежде всего, Северный Кавказ объективно стал безопаснее. Люди стали ездить по своей стране ... и обнаружили, что на Кавказе немало замечательных мест, причем не только широко известных, так сказать «брендированных». Постепенно растет уровень сервиса, и Северный Кавказ становится очень привлекательным» (эксперт-исследователь, СКФО, специалист в области межэтнических отношений).

«Во-первых, государству удалось нормализовать ситуацию с физической безопасностью, и все эти проблемы с организованной преступностью, экстремизмом, терроризмом – они уже в прошлом. И с другой стороны, из-за санкций, СВО, и того, что людям теперь гораздо сложнее путешествовать за границу, они открывают для себя разные уголки страны в том числе Северный Кавказ» (эксперт-исследователь, КБР, специалист в области социальной антропологии).

Есть экспертная позиция, объединяющая три направления в изменении общественных представлений о Северном Кавказе и в целом об объективной смене парадигмы его существования: усилия федерального центра в управлении Северным Кавказом, идея о взаимосвязи социально-политических изменений с ростом уровня жизни и реализация креативных возможностей, предприимчивости простых жителей. *«Путем проб и ошибок удалось прийти к модели оптимального управления Кавказом. Но уже виден результат – связь между социально-политическим и культурным миром и ростом доходов, т. е. идея экономической заинтересованности в поддержании стабильности. И осознание того, что себя можно позиционировать, предложить и продать в хорошем смысле – это идея снизу, любой обыватель, почувствовав выгоду, начинает действовать креативно ... Тут важно избежать остановки в развитии инфраструктуры – это начало конца»* (эксперт-исследователь, ЮФО, специалист в области советской истории).

Заключение

Представленные результаты массового опроса в исследуемых регионах, отражающие представления об уникальности, о будущем региона, различную конфигурацию многоуровневой идентичности, позволили сформулировать определенный запрос к региональной политике идентичности. Ответом на него является экспертная дискуссия по вопросам потенциала брендинга регионов и региональной идентичности в укреплении российской национальной идентичности.

Полученные данные свидетельствуют о несформированности брендов исследуемых регионов, это подтверждают результаты репрезентативного опроса (низкий уровень (менее 20%) осведомленности жителей о соседних регионах) и экспертные мнения. Этот факт создает сложности в научном и практическом осмыслении действующего механизма брендинга регионов в укреплении общероссийской идентичности. В то же время наблюдается последовательное движение в сторону признания потенциала брендинга в развитии регионов, который включает поиск ключевых образов-идей, конструируемых как снизу (населением республик), так и сверху (органами региональной власти совместно с бизнесом, СМИ и общественными организациями).

Конфигурация маркеров идентичности индивидуальна для каждого региона, что говорит о возможности рассматривать уникальные образы-идеи в качестве основы для бренда. Выявленные в каждой из исследуемых республик особенности дают основу для выстраивания моделей брендинга региона. Дагестан – это регион, в котором выявлен высокий уровень актуализированной религиозной идентичности населения, а также наблюдается противоречивое отношение к инновациям: на фоне роста осознания важности новых форм экономической деятельности, развития туризма, привлечения инвестиций и готовности к созданию собственного благополучия своими силами, на высоком уровне находятся потребности общества в сохранении традиций. В Дагестане запрос на комфорт не удовлетворен: оценка возможностей трудоустройства, развития производства, уровня доходов ниже, чем в Адыгее и Кабардино-Балкарии. Адыгея – регион, в котором население высоко оценивает значимость комфорта. При этом комфортный регион рассматривается как благоприятный для жизни, ориентированный на экологию, здоровый образ жизни, развитую инфраструктуру. Значимым маркером региональной идентичности для респондентов из Адыгеи являются «праздники». В жизнь региона довольно прочно вошли социокультурные практики проведения фестивалей, связанных с этническими традициями. Кабардино-Балкарская республика – регион, также ориентированный на комфорт, но в отличие от Адыгеи здесь более сильны религиозные традиции и значимость такого маркера региональной идентичности как «родной (национальный) язык». Общими для трех регионов характеристиками является значимость природы, конкретно – гор. При всех ограничениях опрос дает возможность обоснованно предположить, что образ «горных регионов» выступает, с одной стороны, как объединяющий фактор в северокавказском регионе, с другой – консолидирующий идентификатор в общероссийском пространстве. Общей характеристикой является стремление к сохранению этнических традиций. Это в целом характеризует северокавказский регион: корни этнического и религиозного самосознания изменяются медленно, особенно эталоны культурной самобытности, формирующие ценностно-мировоззренческие ориентации человека, его идентичность. Также следует отметить единодушие респондентов трех исследуемых регионов в признании ценности дружбы, согласия, традиций гостеприимства.

Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что брендинг регионов является механизмом поддержания консолидации российского общества и его потенциал должен быть встроен в политику идентичности.

В перспективе дальнейшее исследование данной предметной области должно быть направлено на анализ наиболее успешных практик региональной политики идентичности с целью разработки конкретных механизмов брендинга регионов РФ.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2; EDN: НЕОСФJ.

2. Аксенова О. В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. № 1. С. 9–17. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6813; EDN: КХСТХQ.

3. Антонова Н. Л., Бусыгин А. Г. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2(132). С. 12–16. DOI: 10.24158/tipor.2019.2.1; EDN: YWCEOT.

4. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

5. Визгалов Д. Брендинг города. М.: Ф-д «ИЭГ», 2011. 160 с. EDN: QONFRJ.

6. Гаджалова Ф. А., Магомедов А. Д. Дагестанские гастрономические бренды (курзе, чуду, хинкал): названия, этнокультура, современное бытование // Вестник ДНЦ РАН. 2022. № 85. С. 23–29. DOI: 10.31029/vestdnc85/4; EDN: ZBWGCQ.

7. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09; EDN: YAENZR.

8. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9; EDN: IZTYSH.

9. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2(77-78). С. 39–52. EDN: HAGVQK.

10. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Экономика, 2012. 247 с. EDN: QOOAJB.

11. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022. 248 с. DOI: 10.55604/9785777709042.

12. Кешева З. М. Бренды Кабардино-Балкарии в информационном пространстве как фактор социокультурной и экономической привлекательности региона // Вестник КБИГИ. 2020. № 2(45). С. 50–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-50-55; EDN: QIQMQM.

13. Котлер Ф., Асплунд К. и др. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб., 2005. 376 с.

14. Куек М. Г. Археологическое и художественное наследие Адыгеи: концепция развития этнокультурного бренда региона в мировом художественном пространстве // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам межд. науч. форума. М.: Ин-т наследия, 2021. С. 117–127. EDN: JSCCCY.

15. Митина Э. А., Калькова Н. Н., Ярош О. Б. Бренд-идентификаторы как инструмент территориального развития // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 1. С. 134–143. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.12; EDN: HMDPAT.

16. Назукина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Журнал «Регионоведение». 2011. № 4. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/809?ysclid=lqbeg86nr7235890814> (дата обращения: 25.12.2023).

17. Назукина М. В., Тарасова Е. Ю. Опыт брендинга российских республик: вариативность институционализации этнокомпонента // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2022. Т. 16. № 1. С. 40–48. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-40-48; EDN: TYLVDM.

18. Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М.: РФО; Майкоп: АГУ, 2015. 192 с. EDN: TYUBDX.

19. Прает Д. В. Бессознательный брендинг. Использование в маркетинге новейших достижений нейробиологии. М.: Азбука-Аттикус, 2012. 371 с.

20. Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.

21. Семененко И. С. Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: мат. Всеросс. конф. РАПН с междунар. участ. / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мчедловой, Л. Н. Тимофеевой. М.: РУДН, 2023. С. 531–532.

22. Симонян М. А. Национальный брендинг как основа конкурентной идентичности // Управление инновациями-2021: мат. междунар. науч.-практ. конф. Новочеркасск: НПИ им. М. И. Платова, 2021. С. 93–96. DOI: 10.34981/Lab-67.2021.innovconf.17-simonyan; EDN: YFNRJT.

23. Тишков В. А. *Нация наций: о подходах к пониманию России*. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с. DOI: 10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69.
24. Шадже А. Ю. Бренд региона в гуманитарном познании: некоторые методологические особенности // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 9. С. 125–129. EDN: TCNHZK.
25. Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. N. Y., 2007. 134 p.
26. Dinnie K. *Introduction to the Theory of City Branding // City Branding: Theory and Cases*. N. Y., 2011. 239 p.
27. Fan Y. *Branding the nation: Towards a better understanding // Place Branding and Public Diplomacy*, 2010. Vol. 6. P. 97–103. DOI: 10.1057/pb.2010.16.
28. Tajfel H., Turner J. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W. Austin*. Chicago, 1986. P. 7–24.

Получено редакцией: 31.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Киреева Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет

Куква Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет

Шадже Асиет Юсуфовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.5

Regional Branding in Strengthening Russian National Identity: Empirical Challenge and Expert Response¹

Irina V. Kireeva

Adyghe State University, Maikop, Russia

klushina@list.ru

ORCID: 0000-0002-0888-896X

Elena S. Kukva

Adyghe State University, Maikop, Russia

otvs_priem@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9944-029X

Asiet Yu. Shadzhe

Adyghe State University, Maikop, Russia

shadzhe@maykop.ru

ORCID: 0000-0002-8557-2424

---

¹ The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the state assignment for the research of the Adyghea State University under the project No. FENZ-2023-0004 “The potential of branding regions in strengthening Russian national identity: traditions and innovations”.

For citation: Kireeva I. V., Kukva E. S., Shadzhe A. Yu. Regional branding in strengthening Russian national identity: empirical challenge and expert response. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.5; EDN: UNQHQB.

Abstract. The article analyses the identification processes of Russian society in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges. It is substantiated that under conditions of uncertainty society requires consolidation and unity on the basis of a unifying concept or model. The aim of the article is to substantiate the possibilities of regional branding as a part of regional identity policy in strengthening the all-Russian identity. The research methodology is based on an interdisciplinary approach, the main provisions of the theory of social constructivism and the concept of multilevel identity are taken as a basis.

The hypothesis is that the strengthening of regional identity in Russian regions and regional branding based on it can strengthen Russian national identity rather than fragment it. The hypothesis was tested using quantitative and qualitative methods.

The empirical basis of the research was the results of a mass online survey of residents of three republics of the North Caucasus – Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan, conducted in October-November 2023 (n = 1421). Its results were supplemented with the data of the expert survey.

The obtained data indicate the absence of formed brands in the studied regions, which is confirmed by the results of the representative survey (low level (less than 20%) of residents' awareness of neighbouring regions) and expert opinions.

At the same time, there is a consistent movement towards the recognition of the potential of branding in the development of regions, that includes the search for key images-ideas constructed both from below (by the population of the republics) and from above (by regional authorities together with business, media and public organisations). Branding of regions and increasing their recognisability contributes to the strengthening of the Russian national identity. The interviewed experts agreed that regional branding works as a mechanism for maintaining the consolidation of Russian society and its potential should be built into the identity policy.

Keywords: regional branding, brand, Republic of Adygea, Kabardino-Balkar Republic, Republic of Dagestan, regional identity, Russian national identity

References

1. Avksentiev V. A., Aksiumov B. V. “Identities portfolio” of the youth of the southern Russia after 12 years. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 7: 76–87 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019645-2; EDN: HEOCFJ.
2. Aksenova O. V. Strategy of Russian regions development: official version. *Vlast*, 2019: 1: 9–17 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6813; EDN: KXCTXQ.
3. Antonova N. L., Busygin A. G. Identity as a social phenomenon: theoretical and methodological foundations of social constructivism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2019: 2(132): 12–16 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2019.2.1; EDN: YWCEOT.
4. Bourdieu P. The Logic of Practice. Transl.: A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; ed. by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Aletejya, 2001 (in Russ.).
5. Vizgalov D. City Branding. Moscow, F-d «IEG», 2011: 160 (in Russ.). EDN: QONFRJ.
6. Gadzhalova F. A., Magomedov A. D. Daghestan gastronomic brands (kurze, chudu, khinkal): names, ethnoculture, modern existence. *Vestnik DNC RAN*: 2022: 85: 23–29. (in Russ.). DOI: 10.31029/vestdnc85/4; EDN: ZBWGCQ.
7. Drobizheva L. M. Russian identity: discussions in the political space and dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2018: 5: 100–115 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09.
8. Drobizheva L. M. Russian identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 8: 37–50 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009460-9. EDN: IZTYSH.
9. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik rossijskoj nacii*, 2021: 1-2 (77-78): 39–52 (in Russ.). EDN: HAGVQK.
10. Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga [The image of Russia: the concept of national and territorial branding]. Ed by I. A. Vasilenko, E. V. Vasilenko, N. N. Emel'yanova. Moscow, Ekonomika, 2012 (in Russ.). EDN: QOOAJB.

11. Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, FNIS RAN, 2022: 248 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777709042.
12. Kesheva Z. M. Brands of Kabardino-Balkaria in the information space as a factor of socio-cultural and economic attractiveness of the region. *Vestnik KBIGI*, 2020: 2(45): 50–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-50-55; EDN: QIQMQM.
13. Kotler Ph., Asplund K. et al. Marketing Places Europe. How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. St. Petersburg, 2005: 376 (in Russ.).
14. Kuyok M. G. Archaeological and artistic heritage of Adygea: concept of development of ethno-cultural brand of the region in the world art space. Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: coll. of scient. art. Moscow, In-t nasledie, 2021: 117–127 (in Russ.). EDN: JSCCCY.
15. Mitina E. A., Kalkova N. N., Yarosh O. B. Brand Identifiers as a Tool of Territorial Development. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, 2020: 8: 1: 134–143 (in Russ.). DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.12; EDN: HMDPAT.
16. Nazukina M. V. Structural levels of regional identity in modern Russia. *Regionologiya*. 2011: 4. Accessed 25.12.2023. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/809?ysclid=lqbeg86nr7235890814> (in Russ.).
17. Nazukina M. V., Tarasova E. Yu. Branding experience of Russian republics: variability of the institutionalization of the ethnic component. *Vestnik Permskogo un-ta. Politicheskie nauki*, 2022: 16: 1: 40–48. (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-40-48; EDN: TYLVDM.
18. National Identity in the North Caucasian Society: the Search for Ways to Strengthen. Ed. by A. Y. Shadzhe, E. S. Kukva. Moscow, RFO, Maikop, AGUU, 2015: 192 (in Russ.). EDN: TYYBDX.
19. Praet D. V. Unconscious branding. The use of the latest achievements of neuroscience in marketing. Moscow, Azbuka-Attikus, 2012: 371 (in Russ.).
20. Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 3: 13–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
21. Semenenko I. S. Ideas, ideologies, identities: from discourses to discursive force. In *Political science in a changing world: new practices and theoretical search: mat. of the All-Russian RAPN Conf. with intern. particip.* Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, M. M. Mchedlova, L. N. Timofeeva. Moscow, RUDN, 2023: 531–532 (in Russ.).
22. Simonyan M. A. National branding as the basis of competitive identity. In *Innovation Management-2021: proceed. of the intern. scientif. and pract. conf.* Novochechensk, NPI im. M. I. Platova, 2021. (in Russ.). DOI: 10.34981/Lab-67.2021.innovconf.17-simonyan; EDN: YFNRJT.
23. Tishkov V. A. Nation of Nations: on approaches to understanding Russia. Moscow, IEA RAN, 2023: 69 (in Russ.). DOI: 10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69.
24. Shadzhe A. Y. Brand of the region in humanitarian cognition: some methodological features. *Social'no-gumanitarnoe znanie*, 2023: 9: 125–129 (in Russ.). EDN: TCNHZK.
25. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York, 2007: 134.
26. Dinnie K. Introduction to the Theory of City Branding. *City Branding: Theory and Cases*. New York, 2011: 239.
27. Fan Y. Branding the nation: Towards a better understanding. *Place Branding and Public Diplomacy*, 2010: 6: 97–103. DOI: 10.1057/pb.2010.16.
28. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by S. Worchel, W. Austin. Chicago, 1986: 7–24.

The article was submitted on: December 31, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Kireeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

Elena S. Kukva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

Asiet Yu. Shadzhe, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.6

EDN: MQKCXX

Социально-культурные истоки пивного нейминга в Кировской области

Ссылка для цитирования: Москвин А. С., Кушова И. А. Социально-культурные истоки пивного нейминга в Кировской области // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 114–126. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.6; EDN: MQKCXX.

For citation: Moskvin A. S., Kushova I. A. Socio-cultural origins of beer naming in the Kirov region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 114–126. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.6; EDN: MQKCXX.

AuthorID РИНЦ: 743142

Москвин Артем Сергеевич¹

¹Вятский государственный университет,
Киров, Россия

as_moskvin@vyatsu.ru

AuthorID РИНЦ: 844695

Кушова Ирина Андреевна¹

¹Вятский государственный университет,
Киров, Россия

ia_kushova@vyatsu.ru

Аннотация. Россия в своей истории переживала совершенно различное отношение населения к вопросам потребления алкоголя и, порой, диаметрально противоположные подходы государства к его регуляции: от сухих законов до повсеместного поощрения, от северного типа потребления алкоголя (доминирование крепких напитков) до южного типа (доминирование слабоалкогольных напитков). В этом смысле сегодня мы переживаем уникальную ситуацию: в современной России пиво (слабоалкогольный напиток) выходит на лидирующее положение рынка алкогольной продукции. Пиво вновь становится, по сути, народным напитком. Данное обстоятельство делает интересным и актуальным вопрос изучения потребления пива в историческом контексте. Каким образом потребление алкоголя в прошлом повлияло на его потребление сегодня? Существует ли какая-либо культурная связь эпох? Или сегодняшняя пивная культура начинает развиваться с нуля? На эти вопросы мы постарались ответить с помощью изучения современного пивного нейминга.

В данной статье на примере магазинов разливного пива города Кирова рассмотрены социально-культурные истоки современных пивных названий. Наименования анализируются в контексте сменяющих друг друга крупных российских исторических эпох. Исследование

проведено при помощи метода контент-анализа трехсот семидесяти пивных наименований, собранных авторами в первой половине 2023 г. в двадцати двух пивных магазинах города. Выделены три стратегии, которые используются для наименований пива: дореволюционная (эти наименования тесно связаны с названиями сортов различных западноевропейских стран), советская (строится на отрицании дореволюционной стратегии, основана на разработке новых, уникальных наименований) и постсоветская (современные наименования, не соотносящиеся с дореволюционной и советской стратегией). В ходе исследования было выявлено, что наиболее популярные стратегии – это дореволюционная и постсоветская (по 38% от всех рассмотренных наименований), а наименее популярная – советская (24% от всех рассмотренных наименований). Помимо этого, введен коэффициент уникальности используемой стратегии, который позволяет понять, насколько разнообразно использование той или иной стратегии в продажах. Показано, что наиболее часто в торговле пивом прибегают к дореволюционной и постсоветской стратегиям пивного нейминга, советская же стратегия – наименее популярная.

Ключевые слова: пиво, алкоголь, пивной нейминг, контент-анализ, торговля

История развития российского общества неоднократно предоставляла примеры корреляции нейминга и социально-политической обстановки. Наиболее яркими примерами здесь являются названия городов, улиц, площадей, учебных заведений, организаций и прочего [8]. И если общество в своем развитии каким-то образом обращается к предыдущим эпохам истории, то оно активно использует нейминг как своего рода маркер в качестве утверждения особого взгляда на мир. Так, в 1990-е гг. в России активно меняли многочисленные советские названия на дореволюционные. Сегодня же, наоборот, этот процесс пошел вспять: в обществе стало популярным обращение к советской идеологии.

Но на этот процесс есть возможность посмотреть и с другой стороны: по использованию нейминга можно определять векторы взаимного развития государства и общества. В настоящей статье мы постараемся на основе анализа пивного нейминга определить общественные настроения достаточно большой группы россиян – любителей пива.

Надо сказать, что потребление пива глубоко укоренено в русской культуре, пиво является одним из традиционных напитков нашей страны. Даже больше, изначально оно (наряду с медом и брагой) являлось самым популярным алкогольным напитком Древней Руси. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас многочисленные русские народные песни и былины. Так, например, у П. Н. Рыбникова можно найти такие строки [20, с. 21–22]:

*«Говорил оратай таковы слова:
– Ай же, Вольга Святославговичь!
– А я ржи напашу, да во скирды сложду,
– Во скирды складу, домой выволочу,
– Домой выволочу, да д́ома вымолочу,
– Драни надеру, да и пива наварю,
– Пива наварю, да и мужичков напою».*

Поскольку наше исследование направлено на изучение массового общественного феномена, отметим, что пиво в Древней Руси являлось напитком, который, во-первых, был популярен среди совершенно разных слоев населения, а во-вторых, изготавливался повсеместно в домашних условиях, а это означает, что пиво на заре развития русской культуры (как и сегодня) был массовым всенародным напитком. А. Б. Оришев пишет: «В Древней Руси пивоварение носило ритуальный характер. Оно было тесно связано с общественными традициями того времени и религией. Обычно пиво варили в деревнях к большим религиозным праздникам: на Пасху, Масленицу, Рождество и Дмитриевскую родительскую субботу. Пьянство на Руси не приветствовалось <...> Варить пиво мог каждый желающий от крестьянина до чиновника и дворовых людей при князе» [16, с. 54]. Отметим также и то, что и на территории Кировской области крестьянское пивоварение и его употребление являлось исконной частью традиционной культуры. Об этом упоминает в своем исследовании вятский краевед И. Ю. Трушкова [23].

До XVI в. пиво являлось (а это порядка пятисот лет) одним из популярных напитков страны, но постепенно из массового народного потребления его стала вытеснять водка, которую начали производить во всей стране в промышленных масштабах. И. Я. Веселов и А. С. Шахтан отмечают: «Распространение водки последовательно оттесняло на задний план старинный и излюбленный напиток – пиво, за которым укрепилось наименование “бархатное”» [9, с. 19]. К концу же XIX в., как следствие, сложилось показательное соотношение промышленного производства алкоголя: водка – 96,6%, пиво – 1,8%, вино – 1,6% [9, с. 27]. Интересно, что к 1913 году (всего за год до введения «сухого закона») ситуация заметно поменялась: водка – 88,7%, пиво – 6%, вино – 5,3% [9, с. 27].

Послереволюционный Советский Союз придавал большое значение производству пива, количество выпущенного напитка в стране росло, но все равно оно находилось преимущественно в «маргинальном положении». Лидером все так же была водка. На это обращает внимание социолог В. В. Радаев: «Сложившаяся к 1980-м гг. советская структурная модель потребления алкоголя выглядела следующим образом: в пересчете на чистый алкоголь потребление водки и ликеро-водочных изделий доходило до 6 литров на душу населения в год, вина – 1,5–2 литра, пива – 1,2–1,3 литра. То есть водки и вина потреблялось значительно больше, а пива – значительно меньше, чем в настоящее время» [18, с. 338].

Интересный перелом произошел в постсоветской России: доля потребителей водки стала постепенно падать, а доля потребителей пива – расти. А с 2001 г. в России доля потребителей пива превысила долю потребителей водки и вина [18]. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время мы живем во время «второго рождения» пива в качестве народного напитка россиян.

Интересно, что перечисленные выше российские эпохи по-разному влияли на особенности пивных названий. Особая экономическая, культурная и политическая атмосфера продуцировали различные подходы для разработки пивного нейминга. В данной статье было выделено три таких стратегии: дореволюционная, советская, постсоветская.

Метод исследования

Исследование проведено при помощи метода контент-анализа¹. Анализировались пивные названия в магазинах разливного пива города Кирова. В выборку вошли все существующие в городе 22 магазина². Единицей измерения в исследовании являлось пивное наименование. Сбор данных проводился в период с 16 января по 16 марта 2023 г.

Степень научной разработанности

Существует пласт научной литературы, посвященной изучению социальных и исторических истоков пивоварения. А. Б. Оришев [16] анализирует особенности производства и потребления пива в период от зарождения русского государства до Первой мировой войны, а также проблемы пивоваренного ремесла. И. Я. Веселов и А. С. Шахтан [9] в книге 1955 г. рассматривают исторические аспекты пивоварения, а также особенности его промышленного производства в Советском Союзе. С. А. Аникин и Д. С. Фатюхин [6] занимались исследованием пивоваренных заводов в дореволюционной России, С. А. Аникин, К. В. Свешников, Д. С. Фатюхин [5] анализировали деятельность пивоваренных заводов СССР, а К. В. Свешников [21] обратился к изучению пивоварения в эпоху НЭПа, в рамках которого происходило его возрождение после периода «Сухого закона». Процесс потребления пива в СССР сопровождался и запретами на его употребление, этот вопрос рассматривали А. В. Богданов и Ю. С. Богданова [7] в статье об антиалкогольных кампаниях, которые несколько раз проводились в российской истории XX в.

Аспекты потребления пива уже в современной России также являются предметом научного анализа. Е. Ю. Алексейчева, М. Д. Магомедов, А. Л. Оганесянц и Г. И. Саркисов [4] анализируют особенности потребления пива в России первого десятилетия XXI в., а Р. Громова [10] выявляет наиболее популярные бренды пива России начала 2000-х гг. Н. В. Рогаченко и А. З. Абдразакова [19] рассматривают особенности потребления пива в середине 2000-х гг. на фоне так называемой антипивной пропаганды. Рынок пива Кировской области в первом десятилетии XXI в. в рамках диссертационного исследования представила Ю. С. Жуков [13]. Экономические аспекты пивного рынка РФ 2000-х гг., а также их связь с мировым рынком рассматриваются О. В. Авериной и Н. С. Тульской [1]. Аспекты потребления пива в начале 2010-х гг. анализировала Я. Ю. Сухова [22]. Д. В. Коновалов [14] проводит классификацию стратегий потребитель-

¹ Исследование проводилось на базе кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета

² Список магазинов разливного пива: «Бочка», «Бристоль», «Бухенхаус», «Глобус», «Добрый хмель», «Мега-Кега», «Наш хмель», «Пенная гильдия», «Пивко», «Пивная борода», «Стоп-Кран», «Разливнович», «Сыктывкарпиво», «Темное и светлое», «Хмель и солод», «Хмельный», «Эль и хмель», «Beer House», «Beer Time», «Beerковский», «Ice BeerG». В случае, если магазин сетевой, в выборку попадал лишь один магазин из всей совокупности случайным образом

ского поведения россиян в контексте употребления пива. В. П. Агафонов и Н. В. Оболенский [2] выявили социально-культурные функции пива и паттерны его потребления. Е. А. Джанджугазова [11] исследует причины популярности в России советских брендов (например, бренд «Жигулевское»).

Особую значимость для настоящего исследования имеют работы, посвященные социально-культурной составляющей потребления пива. Так, В. В. Радаев [18] выводит особые российские алкогольные циклы, которые сменяют друг друга на протяжении 1980–2010-х гг. Связь потребления пива с социальной стратификацией общества рассматривал Э. Надь [15]. Особенности потребления пива в контексте развития российского общества анализировали Н. В. Оболенский и В. П. Агафонов [3]. Развитие пивного потребления в царской и советской России представил П. В. Егоров в формате энциклопедии [12]. Наконец, историю потребления пива в городе Кирове анализировал Е. А. Пятунин [17], а пиво как важную часть исконной традиционной культуры Кировской области исследовала кировский краевед И. Ю. Трушкова [23].

Результаты исследования

Отметим, что именно *магазины разливного пива* (в отличие от розничных магазинов и супермаркетов) являются наиболее репрезентативным предметом исследования пивных наименований, поскольку продукция в этих магазинах наименее подвержена влиянию глобальных транснациональных корпораций: по большей части в таких магазинах продается продукция российских региональных пивных компаний с уникальными, придуманными именно для российского рынка наименованиями.

В процессе анализа наименований пива были выделены *три стратегии нейминга*.

Первая – *дореволюционная*. Особенность этой стратегии заключается в том, что данные названия лишь повторяют названия пивных сортов западноевропейских стран. Дело в том, что российские дореволюционные пивоварни в подавляющем числе случаев лишь копировали зарубежные образцы, не создавая своих. Это, например, такие сорта как «Баварское», «Венское», «Мюнхенское», «Портер» и прочие¹.

Помимо этого, к данному разделу отнесем наименования, которые так же копируют традиционно-западные пивные названия, при этом не использовавшиеся в дореволюционной России. Например, «Ирландский зеленый эль», «Вкус Октоберфеста», а также многочисленные названия, отсылающие к чешскому пивоварению («Чешский бочонок», «Чешский кабанчик», «Чешский пивовар», «Чешский стандарт» и прочие).

К этой стратегии относятся 74 уникальных пивных наименования (40%). Данные названия встречаются в магазинах 139 раз (38%) (см. табл. 2).

¹ Примечательно здесь то, что пивные в 19 в. в России назывались «портерными».

Вторая стратегия – **советская**. В СССР кардинально поменялся подход к пивным наименованиям. Постепенно, взамен западных заимствований стали появляться свои собственные названия. Так, например «Венское» превратилось в «Жигулевское», «Мюнхенское» – в «Украинское», «Пильзенское» – в «Русское», а потом в «Рижское», «Бок-бир» – в «Ленинградское», «Бархатное» – в «Карамельное» и так далее¹. Помимо этого, в СССР появлялись уникальные названия пива, без связи с более ранними дореволюционными наименованиями. Чаще всего они имели привязку к региону производства: «Башкирское», «Донецкое», «Нижегородское», «Витебское», «Московское» и пр.

Современные названия, выстраивающиеся по принципу места производства, мы также относим к данной стратегии. Это такие названия как «Ижевское», «Ижевское премиальное», «Сыктывкарское».

Помимо этого, к этой стратегии мы относим все названия, которые в себе так или иначе несут отсылку к культуре Советского Союза. Например, «Бойлерное»², «Вкус СССР», «Легенда СССР», «Совдеповское», «Советское», «СССР».

К второй стратегии мы относим 27 уникальных пивных наименований (15%). Данные названия встречаются в магазинах 89 раз (24%) (см. табл. 2).

Третья стратегия – **постсоветская**. К ней мы относим современные названия, появившиеся в постсоветский период российской истории, которые не имеют признаков дореволюционной и (или) советской стратегии. С одной стороны, эти наименования свободны от дореволюционной традиции, с другой – свободны от советского подхода. Интересно, что в этих названиях нет единой тенденции и встречаются совершенно разнообразный нейминг: «Живое», «Банное», «Вкусное», «Дачное», «Дикий хмель», «Наш солод», «Макарий», «Вятич» и прочие.

При всем этом, можно выделить определенные группы наименований, сложившиеся в этой стратегии:

- Использование прилагательных (например, «Банное», «Барное», «Вкусное», «Бочковое», «Дачное», «Живое», «Застольное», «Медовое», «Ремесленное», «Элитное», «Ячменное»).
- Использование названий пивных ингредиентов (например, «Варим сусло», «Дикий хмель», «Мягкий солод», «Наш хмель», «Фирменное кукурузное», “Korn Beer”).
- Использование названий природных объектов (например, «Вишня в дубе», «Два кабана», «Дон», «Дуб и обруч», «Нефть», «Синяя пчела», «Шихан», “Brew Moose”, “White Elephant”).
- Использование имени завода-производителя (например, «Блад Бахер», «Вятич нефилтрованное», «Сибирская корона»).

¹ Ярким исключением является название «Портер», которое существовало в СССР на всем протяжении его существования

² Желтые бочки, из которых разливали пиво на улицах, в СССР называли бойлерами

- Использование имен (например, «Васька Черное», «Елена»).
- Обращение к тематике дома (например, «Батино», «Домашний свар»).
- Использование названий профессий (например, «Егерь», «Купец»).
- Использование цветов (например, «Зеленое», «Красное», “Gold”, “Green”).
- Использование географических наименований (например, «Крепость Сибири», «Северяне»).
- Использование названий инструментов (например, «Молот», «Три топора»).
- Использование слова «пиво» в названии (например, 100% пиво, «Наше пиво»).

К третьей стратегии мы относим 85 уникальных пивных наименований (45%). Данные названия встречаются в магазинах 142 раза (38%) (см. таблицу 2).

Введем *коэффициент уникальности стратегий*¹. Чем ближе данный коэффициент к 1, тем уникальней использование пивных названий в рамках той или иной стратегии (см. табл. 1). Получились следующие коэффициенты уникальности: в дореволюционной стратегии – 0,53 (74/139), в советской стратегии – 0,30 (27/89), в постсоветской стратегии – 0,60 (85/142).

Таким образом мы видим, что советские названия менее разнообразны, то есть в магазинах мы зачастую встречаем похожие друг на друга наименования. В дореволюционной же, а особенно в постсоветской стратегии больше уникальности: в продаже мы встречаем наиболее разнообразные названия.

Таблица 1 (Table 1)

Общие данные о стратегиях пивного нейминга
General information about beer naming strategies

Название стратегии	Количество уникальных названий	Общее количество	Коэффициент уникальности
Дореволюционная	74	139	0,53
Советская	27	89	0,30
Постсоветская	85	142	0,60

¹ Коэффициент уникальности в данном случае будет рассчитываться как количество уникальных наименований, деленное на общее количество пива, соответствующих данным уникальным наименованиям

Таблица 2 (Table 2)

Стратегии и пивные названия, отнесенные к ним
Strategies and beer names attributed to them

Название стратегии	Названия
Дореволюционная	«90 шиллингов», «Австрийское», «Английское», «Баварское», «Бархатное», «Бельгийский эль», «Вайс Канцлер», «Вайс-бир», «Вайсберг Пшеничное», «Вайцен Плац Бархатное», «Ванильный портер», «Венское», «Вишневый крик», «Вишневый эль», «Вкус Октоберфеста», «Восточная Бавария», «Гамбринус Премиум», «Золотой чех», «Ирландский зеленый эль», «Ирландский стаут», «Ирландский эль», «Ирландское зеленое», «Клостербрау Пшеничное», «Коруна Ческа», «Красный бык», «Крюгер», «Крюгер Бархатное», «Маер», «Мехико EXTRA», «Мэйбир Лагер», «Мюнхенский хеллес», «Мюнхенское», «Немецкое», «Немецкое бойлерное», «Немецкое золото», «Немецкое Премиум», «Новая Бавария», «Портер №6», «Старопражское», «Старый Мюнхен», «Хорватское», «Чешский бочонок», «Чешский гранат», «Чешский джбанек», «Чешский кабанчик», «Чешский козел», «Чешский лев», «Чешский пивовар», «Чешский сватек», «Чешский стандарт», «Чешское барное», «Чешское барное живое», «Чешское белое», «Чешское живое», «Чешское легкое», «Чешское ледяное», «Чешское Премиум», «Чешское темное», «American IPA», «APA», «BLANC», «Blanche Biere», «Goldbacher», «Gotter», «Hopmaister Weizen», «Imperial Pils», «Kaufmann», «Malz Weizen», «Milk Stout», «Pale Ale», «Porter», «Porter 8/20», «Raushbier», «Waizen Plats»
Советская	«Бойлерное», «Бойлерное нефилтрованное», «Бойлерное темное», «Вайцен Плац Бархатное», «Вкус СССР», «Жигулевское крафт», «Жигулевское», «Жигулевское то самое», «Жигулевское. Легенда 70-х», «Жигули Самара», «Жигуль», «Золото СССР», «Ижевское», «Ижевское Премиум», «Легенда СССР», «Легкое», «Мартовское», «Рижское», «Рижское Премиальное», «Самарское», «Светлое», «Совдеповское», «Советское», «СССР», «Сыктывкарское», «Чешское», «Янтарное»
Постсоветская	«100% пиво», «Андреевское», «Банное», «Барное», «Батино», «Блад Бахер», «Блад Бахер Премиум», «Бочковое», «Варим сусло», «Васька Черное», «Вишня в дубе», «Вкусное», «Вятч нефилтрованное», «Глечик», «Дачное», «Два кабана», «Дикий хмель», «Домашний свар», «Дон», «Дуб и обруч», «Егерь», «Елена», «Елена Бархатное», «Елена Люкс», «Елена Пшеничное», «Живое», «Застольное», «Зеленое», «Золберг», «Каменское», «Кер-Сари», «Красное», «Крепость Сибири», «Купец», «Купеческое», «Лагер», «Лагерное», «Макарий», «Макарий Нефилтрованное», «Медведевское», «Медведевское Пшеничное», «Медовое», «Медовуха», «Молот», «Моршанское», «Мягкий солод», «Наш хмель», «Наше пиво», «Нефилтрованное», «Нефилтрованный лагер», «Нефть», «Освежитель организма», «Особое поручение», «Пенное Пшеничное», «Пшеничное», «Пшеничное Сыктывкарское», «Пшеничный эль», «Пятница», «Ремесленное», «Ремесленное Нефилтрованное», «Северяне», «Сибирская корона», «Синяя пчела», «Сладовар Пшеничное», «Старый мельник», «Страйк», «Три топора», «Трое в лодке», «Фирменное кукурузное», «Чепецкое», «Шихан», «Шумерское», «Щедрая варка», «Шульгинское Гусарское», «Эдвайзер Темное», «Экспериментальное», «Элитное», «Ячменное», «Brew Moose», «Galaktika», «Gold», «Green», «Harper», «Korn Beer», «UFO», «White Elephant»

В контексте изучения нейминга пива можно обратиться также и к наименованиям пивных магазинов. Интересно, что в них доминирует нейминг, который почти в полной мере соответствуют *постсоветской традиции*. Названия эти разнообразны, но среди них можно выделить некоторые смысловые группы: разнообразное обыгрывание слова «пиво» («Пивко», «Пивная борода», “Beer House”, “Beer Time”, “Beerковский”, “Ice BeerG”), обращение к названиям ингредиентов пива («Добрый хмель», «Наш хмель», «Хмель и солод», «Хмельный», «Эль и хмель»), обращение к пивной таре («Бочка», «Мега-Кега», «Стоп-Кран»). Единственным исключением (одно название из двадцати двух) является название «Сыктывкарпиво», которое можно отнести к советскому типу (обращение к месту производства напитка).

Выводы

В настоящее время в магазинах разливного пива города Кирова *доминирует новейшая (постсоветская) стратегия пивного нейминга*. При этом, из двух менее популярных стратегий наименований пива доминирует именно *дореволюционная* стратегия, советская же встречается наиболее редко. При своей непопулярности, *советская* стратегия ярко выделяется и меньшим коэффициентом уникальности (наименьшим разнообразием сортов в магазинах), то есть чаще всего в продаже встречаются одни и те же названия; *постсоветская* и *дореволюционная* же стратегии выделяются наибольшей уникальностью: в магазинах сорта этих стратегий более разнообразны, чем названия, соответствующие советской стратегии. Мы ярко видим, что культура наименований пива в разливных магазинах города Кирова по большей части опирается на дореволюционную и постсоветскую тенденцию и в гораздо меньшей степени на советскую.

Опираясь на обозначенную нами выше связь пивного нейминга и социально-культурного контекста, можно сделать следующие выводы. Во-первых, современное сообщество потребителей пива более склонно к многообразию, чем к однообразию. Мы можем это увидеть по разнообразию наименований пива и пивных магазинов, зачастую даже не поддающегося четкой классификации. Во-вторых, современный этап развития изучаемого сегмента российского общества многослоен и открыт для прошлого: вбирает в себя совершенно различные (а порой и кардинально противоположные) тенденции. Об этом нам говорит использование разнообразного пивного нейминга из прошлых эпох. В-третьих, несмотря на заметный сегодня интерес к советскому прошлому, на основании анализа пивного нейминга мы можем констатировать, что настроения сообщества потребителей пива все же направлены в большей степени на дореволюционную культуру, нежели чем на советскую.

Полученные материалы дают нам понимание того, что социальная жизнь потребителей пива не оторвана от исторического, культурного и политического контекста развития страны. Данное сообщество является органичной частью социума и перманентно формирует национальную идентичность.

Библиографический список

1. Аверина О. В., Тульская Н. С. Особенности российского рынка пива // Пиво и напитки. 2003. №2. С. 4–5. EDN: ОРТРУН.
2. Агафонов В. П., Оболенский Н. В. Социально-культурные функции пива // Научный подход к общественному развитию. Сб. науч. ст. по мат. междунар. заоч. науч.-практ. конф.. М.: Науч. Консультант, 2014. С. 9–17. EDN: TAWGST.
3. Агафонов В. П., Оболенский Н. В. Стратегии потребления пива // Вестник НГИЭИ. 2015. № 3(46). С. 7–12. EDN: TRGHSJ.
4. Алексейчева Е. Ю., Магомедов М. Д. и др. Современные тенденции развития рынка пива в Российской Федерации // Пиво и напитки. 2012. № 3. С. 10–12. EDN: PDHVAX.
5. Аникин С. А., Свешников К. В., Фатюхин Д. С. Пивоваренные заводы Советского Союза. М.: Техполиграфцентр, 2008. 285 с. EDN: QTNCIB.
6. Аникин С. А., Фатюхин Д. С. Пивоваренные заводы Царской России. М.: Техполиграфцентр, 2007. 392 с. EDN: QSPKCX.
7. Богданов А. В., Богданова Ю. С. Антиалкогольные кампании в 1920-1930-е гг. и во второй половине 1980-х гг.: сравнительный анализ (на материалах Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 2. С. 107–111. DOI: 10.14529/ssh170215; EDN: YIRDPH.
8. Бородай А. Д. Политический нейминг в историческом контексте // Вестник ун-та. 2014. № 7. С. 266–270. EDN: SNROFR.
9. Веселов И. А., Шахтан А. С. Развитие пивоваренной промышленности СССР. М.: Пищепромиздат, 1955. 192 с.
10. Громова Р. Потребление пива в России // Пиво и напитки. 2003. № 2. С. 6–10. EDN: ОРТРУР.
11. Джанджугазова Е. А. Бытовая романтика СССР: «старые-новые» бренды // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 4. С. 50–63. EDN: XCENKR.
12. Егоров П. В. Пиво в СССР. Краткая энциклопедия сортов. М.: Горизонт, 2021. 90 с.
13. Жукова Ю. С. Формирование и развитие рынка пива (на примере Кировской области): автореф. дис. ... к. экон. н. Киров: ВятГСА, 2004. 26 с. EDN: ZMXRAR.
14. Коновалов Д. В. Стратегическое поведение предприятий на рынке пива // Вестник СГСЭУ. 2013. № 3(47). С. 55–58. EDN: РЕКРСУ.
15. Надь З. «Пиво с мужским характером»: пиво и его локальное значение // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 83–94. EDN: SVKWKX.

16. Оришев А. Б. Пивоварение в экономике России: от Средневековья до Первой мировой войны // Бизнес и дизайн ревю. 2023. № 2(30). С. 51–64. EDN: VTNZIH.
17. Пятунин Е. А. «Вятч»: трактат о пиве, радость телесную и душевное веселие людям приносящем. Киров: Вятское кн. изд-во, 2011. 200 с.
18. Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980-2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327–351. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2180; EDN: VJESTR.
19. Рогаченко Н. В., Абдразакова А. З. Маркетинговый анализ пива // Вестник ОрГУ. 2006. № 13(63). С. 67–68. EDN: MSOIZR.
20. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. М.: Тип. А. Семена, 1861. 524 с.
21. Свешников К. В. Пивоварение в Советском Союзе. Эпоха ВСНХ. М.: Техполиграфцентр, 2012. 284 с. EDN: QVLHUJ.
22. Сухова Я. Ю. Актуальные проблемы развития рынка пива в России на примере ООО «Пивоваренная компания НАШЕ ПИВО» // Студенческая наука и XXI век. 2014. № 11. С. 171–174. EDN: TJFOOX.
23. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения). Киров: ВятГУ, 2003. 724 с. EDN: QOTWKX.

Получено редакцией: 09.08.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Москвин Артем Сергеевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета

Кушова Ирина Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.6

Socio-Cultural Origins of Beer Naming in the Kirov Region

Artem S. Moskvina

Vyatka State University, Kirov, Russia

as_moskvina@vyatsu.ru

ORCID: 0000-0002-9971-7292

Irina A. Kushova

Vyatka State University, Kirov, Russia

ia_kushova@vyatsu.ru

ORCID: 0000-0002-4591-5488

For citation: Moskvina A. S., Kushova I. A. Socio-cultural origins of beer naming in the Kirov region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 114–126. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.6; EDN: MQKCXX.

Abstract. Russia in its history has experienced completely different attitudes of the population towards alcohol consumption and, at times, diametrically opposite approaches of the state to its regulation: from dry laws to widespread encouragement, from the northern type of alcohol consumption (dominance of strong drinks) to the southern type (dominance of low-alcohol drinks). In this sense, today we are experiencing a unique situation: in modern Russia, beer (a low-alcohol drink) is taking the lead in the alcoholic beverage market. Beer is again becoming, in fact, a people's drink. This circumstance makes interesting and relevant the question of studying beer consumption in the historical context. How has the consumption of alcohol in the past influenced its consumption today? Is there any cultural connection between the eras? Or is today's beer culture starting from scratch? We have tried to answer these questions by studying modern beer naming.

In this article the socio-cultural origins of modern beer names are analysed on the example of draught beer shops in the city of Kirov. The names are analysed in the context of successive major Russian historical epochs. The study was conducted using a content analysis method of three hundred and seventy beer names collected by the authors in the first half of 2023 in twenty-two beer shops in the city. Three strategies used for naming beer were identified: pre-revolutionary (these names are closely related to the names of varieties from various Western European countries), Soviet (built on the negation of the pre-revolutionary strategy, based on the development of new, unique names) and post-Soviet (modern names that do not correlate with either the pre-revolutionary or Soviet strategy). The study revealed that the most popular strategies are pre-revolutionary and post-Soviet (38 per cent each of all names considered), while the least popular is the Soviet strategy (24 per cent of all names considered). In addition, the coefficient of uniqueness of the strategy used is introduced, which allows us to understand how diverse the use of a particular strategy in sales is. It is shown that pre-revolutionary and post-Soviet beer naming strategies are most often used in beer sales, while the Soviet strategy is the least popular, which indicates the special characteristics of the beer consumer community.

Keywords: beer, alcohol, beer naming, content analysis, trade

References

1. Averina O. V., Tulskaia N. S. Osobennosti rossiyskogo rynka piva [Features of the Russian beer market]. *Pivo i napitki*, 2003: 2: 4–5 (in Russ.). EDN: OPTPYH.
2. Agafonov V. P., Obolenskiy N. V. Sotsial'no-kul'turnyye funktsii piva [Socio-cultural functions of beer]. Nauchnyj podhod k obshchestvennomu razvitiyu [Scientific approach to social development]. Moscow, 2014: 9–17 (in Russ.). EDN: TAWGST.
3. Agafonov V. P., Obolenskiy N. V. Strategii potrebleniya piva [The strategy of beer consumption]. *Vestnik NGIEI*, 2015: 3(46): 7–12 (in Russ.). EDN: TPGHSJ.
4. Alekseycheva E. Yu., Magomedov M. D. et al. Sovremennyye tendentsii razvitiya rynka piva v Rossiyskoy Federatsii [Modern Tendencies of Development of the Beer Market in the Russian Federation]. *Pivo i napitki*, 2012: 3: 10–12 (in Russ.). EDN: PDHVAX.
5. Anikin S. A., Sveshnikov K. V., Fatyuhin D. S. Pivovarennyye zavody Sovetskogo Soyuza [Breweries of the Soviet Union]. Moscow, Tekhpolygoncentr, 2008: 285 (in Russ.). EDN: QTNCIB.
6. Anikin S. A., Fatyuhin D. S. Pivovarennyye zavody Tsarskoy Rossii [Breweries of Tsarist Russia]. Moscow, Tekhpolygoncentr, 2007: 392 (in Russ.). EDN: QSPKCX.
7. Bogdanov A. V., Bogdanova Yu. S. Antialcoholic Company in 1920–1930 in the second half of 1980: comparative Analysis (on a material Chelyabinsk region). *Vestnik YuUrGU. Ser.: social'no-gumanitarnye nauki*. 2017: 17(2): 107–111 (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh170215; EDN: YIRDPH.
8. Boroday A. D. Politicheskij nejming v istoricheskom kontekste [Political naming in the historical context]. *Vestnik un-ta*. 2014: 7: 266–270 (in Russ.). EDN: SNROFR.
9. Veselov I. A., Shahtan A. S. Razvitiye pivovarennoy promyshlennosti SSSR [The development of the brewing industry in the USSR]. Moscow, Pishchepromizdat, 1955: 192 (in Russ.).
10. Gromova R. Potrebleniye piva v Rossii [Beer consumption in Russia]. *Pivo i napitki*, 2003: 2: 6–10 (in Russ.). EDN: OPTPYR.
11. Dzhandzhugazova E. A. Household romance of the USSR: «old-new» brands. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. 2016: 3(4): 50–63 (in Russ.). EDN: XCENKR.
12. Egorov P. V. Beer in the USSR. Brief encyclopedia of varieties. Moscow, Gorizont, 2021: 90 (in Russ.).
13. Zhukova Y. S. Formirovaniye i razvitiye rynka piva (na primere Kirovskoy oblasti): [Formation and development of the beer market (on the rise in the Kirov region)]. Abstract of the thesis. ... cand. of econ. sci.]. Kirov, VyatGSHA, 2004: 26 (in Russ.). EDN: ZMXRAR.

14. Konovalov D. V. Strategic business behavior in the beer market. *Vestnik SSEU*, 2013: 3(47): 55–58 (in Russ.). EDN: REKPCV.
15. Nagy Z. «Beer with a masculine character»: beer and its local interpretations. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2014: 2: 83–94 (in Russ.). EDN: SVKWKX.
16. Orishev A. B. Brewing in the Russian economy: from the Middle Ages to the First World war. *Biznes i dizajn revyu*, 2023: 2(30): 51–64 (in Russ.). EDN: VTNZIH.
17. Pyatunin E. A. «VyatiCH»: traktat o pive, radost' telesnuyu i dushevnoye veseliye lyudyam prinosyashchem [«Vyatich»: a treatise on beer, bodily and spiritual joy to people who bring]. Kirov, Vyatskoe kn. izd-vo, 2011: 200 (in Russ.).
18. Radaev V. V. Alcohol cycles: trends in the alcohol consumption in the soviet and post-soviet Russia, 1980–2010. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022: 3: 327–351 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2180; EDN: VJECTR.
19. Rogachenko N. V., Abdrazakova A. Z. Marketingovyy analiz piva [Marketing analysis of beer]. *Vestnik OrGU*, 2006: 13(63): 67–68 (in Russ.). EDN: MSOIZR.
20. Rybnikov P. N. Pesni, sobraniyye P. N. Rybnikovym. T. 1 [Songs collected by P. N. Rybnikov. Vol. 1]. Moscow, Tip. A. Semena, 1861: 524 (in Russ.).
21. Sveshnikov K. V. Pivovareniye v Sovetskom Soyuze. Epokha VSNKH [Brewing in the Soviet Union. The era of the VSNH]. Moscow, Tekhpolygoncentr, 2012: 284 (in Russ.). EDN: QVLHUJ.
22. Suhova Ya. Yu. Aktual'niyye problemy razvitiya rynka piva v Rossii na primere OOO «Pivovarennaya kompaniya NASHE PIVO» [Actual problems of development of the beer market in Russia on the example of «NASHE PIVO Brewing Company LLC»]. *Studencheskaya nauka i XXI*, 2014: 11: 171–174 (in Russ.). EDN: TJFOOX.
23. Trushkova I. Yu. Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX-nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya) [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the 20th and early 20th centuries (life supporting system)]. Kirov, VyatGU, 2003: 724 (in Russ.). EDN: QOTWKX.

The article was submitted on: August 8, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem S. Moskvina, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University

Irina A. Kushova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.7

EDN: DHIBFM

Этносоциальный портрет молодежи Тувы

Ссылка для цитирования: Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Этносоциальный портрет молодежи Тувы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 127–142. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.7; EDN: DHIBFM.

For citation: Balakina G. F., Anayban Z. V. Ethno-social portrait of young people in Tuva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 127–142. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.7; EDN: DHIBFM.

AuthorID ПИНЦ: 71958

Балакина Галина Федоровна¹

¹Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия

balakina.gal@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 158839

Анайбан Зоя Васильевна¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

anayban@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей социального поведения молодежи Республики Тыва, вызовов и рисков ее адаптации к современным условиям жизни, социально-экономическим и социокультурным трансформациям. Актуальность темы исследования обусловлена значимостью молодежи для развития российского социума, в том числе и на региональном уровне. Целью работы является выявление особенностей динамики ценностных установок молодежи в сфере профессиональной ориентации и трудовой занятости, а также особенностей адаптации молодых людей к рыночным процессам. В этой связи авторами отдельно рассматриваются модели приспособления молодежи к новым рыночным реалиям, а также динамика формирования социокультурных типов молодежных групп. Особое внимание авторы уделили изучению специфики ценностных приоритетов молодых людей, формы и содержание которых в определенной степени отличаются от ценностей предыдущих поколений. Представленное исследование проведено с использованием методов системного анализа социально-экономических

процессов региона, анализа данных социологических опросов молодых жителей Тувы с применением специальных компьютерных программ (SPSS). На основе сравнительного ретроспективного анализа материалов исследований, проведенных под руководством авторов в 2010, 2015 и 2021 гг., сделан вывод о специфике формирования ценностей молодых людей республики Тыва, которую необходимо учитывать при разработке региональных программ социального развития. Обнаружена постепенная трансформация моделей социальной адаптации нового поколения к современным реалиям, переход от пассивных форм, к более активному типу встраивания в экономику, что в большей степени соответствует ее требованиям. Авторы показывают, что адаптационные стратегии несколько различаются у представителей молодежи, относящихся к разным этническим группам. Однако вопрос о том, насколько это обусловлено именно этнокультурными особенностями требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: молодежь, Тува, этносоциальные процессы, ценностные установки, модели адаптации, этническая идентичность

Актуальность и эмпирическая база исследования

Изучение социального самочувствия, ценностных установок и приоритетов современной молодежи в настоящее время представляется чрезвычайно важным, поскольку успешное развитие российского социума во многом обусловлено нормами и ценностями, выработанными молодыми людьми сегодня. Одной из основных задач государственного регулирования социального развития является исследование трансформаций в ценностных ориентациях молодежи. Значимость представленной в статье работы обусловлена и тем, что современная молодежь – это поколение, родившееся и выросшее по большей части уже в другой России, условия жизни в которой изначально принимались ими как должные и естественные. Кроме того, в силу своего юношеского максимализма молодые люди острее и быстрее реагируют на те или иные преобразования, что, в свою очередь, отражается на их социальных и мировоззренческих установках, а также формировании на этой основе новых ценностных структур.

Состояние изученности проблемы

Особую ценность для нашего исследования представляют работы, посвященные изучению адаптационных возможностей и установок молодежи в трансформационный период, а также влиянию этих процессов на изменение их нравственных ценностей, в первую очередь Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, А. С. Любутова, О. В. Сорокина [9, 10]. Кроме того, в них представлена теория субъективности молодежи, а также и исследование особенностей социокультурной саморегуляции жизнедеятельности данной социальной группы. Основы изучения динамики процессов образования молодых работников изложены в трудах Д. Л. Константиновского, Е. С. Поповой [11; 12; 15], Н. В. Латовой [14], А. Т. Гаспаришвили [8].

В исследовании были использованы работы обществоведов о тенденциях развития молодежной среды России, основанные на материалах социологических опросов молодежи в рамках исследования мнения жителей регионов, а также работы, проведенные авторами статьи [2-3; 6-7] и учеными, изучающими проблемы регионов и Тувы [1; 4; 13].

Эмпирическая база исследования

При регулировании социальных процессов в сферах профессиональной занятости, образования, формирования ценностных ориентаций молодежи органам власти целесообразно опираться на результаты социологического анализа этносоциальных тенденций и детерминирующих их факторов. Поэтому целью данного исследования является анализ содержания ценностных ориентаций, социальных ожиданий, темпов и типов адаптации молодежи региона, принадлежащей к различным этносоциальным группам, к современным условиям, характеризующимся процессами трансформации и модернизации социально-экономических процессов. Задачи исследования: изучение процессов изменения ценностных ориентаций и моделей адаптации молодежи двух главных этнических групп региона, соответствия скорости адаптационных процессов потребностям развития общества. Для адекватного отражения процессов и тенденций формирования ценностных ориентаций и социального самочувствия молодежи проведено исследование, опирающееся на результаты системного анализа социально-экономических процессов региона и на данные опроса молодых людей Тувы.

При реализации данного исследования мы опирались на методологию и методику этносоциологического исследования, разработанную в свое время основателями российской этносоциологической школы – Ю. В. Арутюняном, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой. По их определению, цель этносоциологии – изучение этнического в социальном и социальном в этническом. Этносоциология имеет в поле зрения все основные виды социальной деятельности людей, но под определенным углом зрения. Предметной областью этносоциологических исследований является прежде всего параметры социальной структуры народов, социально значимых явлений в культуре людей различных национальностей, социальная обусловленность изменений в культуре, в том числе в языке, быту, национальных ориентациях. Методологическим принципом в этносоциологических исследованиях является рассмотрение проблем труда, социальной структуры, элементов культуры, быта, общественной психологии у народов в их тесном взаимодействии и изменении [5, с. 7]. Одним из основных методов этносоциологического исследования, который основательно описан в трудах основоположников этого направления, был и остается метод опроса, предоставляющий возможность получить необходимую уникальную информацию. В свою очередь, при реализации любого исследования предполагается применение двух видов-методов опроса – анкетирование или интервьюирование. В данном случае нами использовался метод интервью, который, по мнению многих исследователей, дает более содержательный материал.

Опрос молодежи Республики Тыва с помощью метода стандартизированного интервью проводился в ряде учебных заведений г. Кызыла (Тувинский госуниверситет, Кызылский транспортный техникум, Кызылский техникум экономики и права) в мае-июне 2021 г. С применением случайной выборки было опрошено 301 человек. Также были изучены ответы 120 молодых работников промышленных предприятий и безработной молодежи г. Кызыла и пос. Каа-Хем (Кызылский район), полученные в сентябре 2021 г. Состав респондентов в основном соответствовал характеристикам генеральной совокупности. Среди опрошенных 45,5% мужчины и 54,5% женщины, 79,1% тувинцев, 19,1% русских и 1,8% представителей других национальностей; 96,7% респондентов в возрасте 18–24 лет и 3,3% – 25-30 лет; 42,2% имеют среднее общее образование, 20,7% – среднее специальное и 37,1% – незаконченное высшее и высшее образование. Опрошенные получали квалификацию и работали по специальностям технического профиля – 32,4%, гуманитарного профиля – 60,3%, по другим – 7,3 (сельское хозяйство и экология). Состояли в браке 16,8% опрошенных, не состояли – 71,4%, указали, что состоят в незарегистрированных отношениях (гражданском браке) – 11,8%. Выбор учебных заведений обосновывается необходимостью изучения мнения молодых людей с дифференцированными интересами, а также более полного учета этнического и гендерного факторов.

В работе также использованы материалы социологического опроса населения Республики Тыва трудоспособного возраста, проведенного в 2010 г., проведенного по сопоставимой анкете и репрезентативной для населения региона выборке с целью изучения различий в масштабах, темпах и технологиях приспособления этнических обществ к трансформирующейся среде; опрошено 400 жителей Эрзинского, Тандинского, Улуг-Хемского районов республики и г. Кызыла [6, с. 9]. При анализе названной темы исследования, непосредственно касающегося аспекта ценностных ориентиров сегодняшней молодежи также привлечены материалы опросов, реализованных нами в Туве в предыдущие годы. В частности, результаты проведенного в 2015 г. исследования по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», основной целью которого было изучение степени адаптивности и адаптационного поведения молодых людей – представителей основных этнических групп названных республик к новым на тот период реалиям российской действительности. Выборка была осуществлена на основе учета данных о численности и половозрастном составе населения, почерпнутых из материалов статистических управлений республик. Общий объем выборки, построенный на квотных принципах, составил 600 человек. Опрос в Туве был осуществлен среди жителей столицы (г. Кызыл) и Пий-Хемского кожууна (района), в Хакасии – в столице республики (г. Абакан) и Ширинском районе. Основным методом сбора информации стал выборочный опрос общественного мнения [3, с. 6–7]. Разумеется, материалы этого и других осуществленных ранее опросов мы не можем напрямую сравнивать. В данном случае они используются для выявления и определения приоритетных тенденций развития названных процессов.

Динамика моделей социальной адаптации молодежи

Вслед за рядом исследований социологов на материалах регионов Сибири [1; 16] нами рассмотрены социокультурные типы молодежи по степени их адаптации к реалиям рыночной экономики.

Анализ результатов опроса молодых людей позволил выделить модели адаптации, дифференцированные по уровню приспособленности к социально-экономическим процессам в регионе, включая неизбежность поиска работы после окончания учебы. Отнесение респондентов к последователям той или иной модели определялось по блоку вопросов на основе расчетов средневзвешенной частоты ответов о готовности адаптироваться к изменениям происходящим в России, к новым реалиям, о выборе стратегии по улучшению материального положения, приоритетности типов поведения. Нами определены три модели адаптации, условно названные «высоко адаптированные молодые люди», «выжидающие» и «мобилизующиеся представители молодежи». По сравнению с данными опроса 2010 г. в Туве увеличился с 33 (2010 г.) до 50,3% (2021 г.) удельный вес высоко адаптированных молодых людей, для которых характерны знание специфики рыночных процессов, желание быть предпринимателем, осознание зависимости уровня жизни от результатов своего труда. Определено, что по этой модели осуществляется адаптация 54,9% респондентов-тувинцев и 34,7% русских, по сравнению с 33,9% тувинцев и 35,9% русских в 2010 г. Во вторую группу – «мобилизующиеся» – отнесена молодежь, не адаптированная к изменениям (об определенной неприспособленности которой к создавшейся социально-экономической ситуации можно судить по отсутствию у них каких-либо характерных признаков адаптации), но понимающая неизбежность включения в современные реалии для роста уровня жизни, предполагающей участие в политической деятельности, профессиональное совершенствование, переезд в другой регион. В данную группу включены 32,7% опрошенных (49,8% русских и 27,4% тувинцев). Для сравнения: в 2010 г. подобные цифры составляли соответственно 46,1% (50,1% русских и 44,9% тувинцев). В группу «выжидающих» входит часть молодежи затруднившаяся определить свое отношение к преобразованиям в обществе, надеющаяся на социальную поддержку и помощь родственников. Доля молодежи, действующей в рамках этой модели адаптации, достигла в 2021 г. 17,2% респондентов (17,7% тувинцев и 15,5% русских); в 2010 г. «выжидающих» было 24,6% (21,3% тувинцев и 14,1% русских) [6, с. 180–181].

Итак, для русских молодых людей более характерен мобилизующий интерес, настороженность, беспокойство и пониженное намерение активно включиться в новые процессы, происходящие в стране, в сравнении со сверстниками-тувинцами. Различия между представителями указанных групп, дифференцированных по степени адаптации, в будущем обусловят скорость и эффективность процесса приспособления молодых специалистов к трудовой деятельности, дифференциацию возможностей реализовать свой потенциал.

Ранее нами отмечалось, что в 1990-х гг. наблюдались такие негативные явления как дезадаптация молодежи в связи с трудностями трансформационного перехода от социалистической к рыночной экономике, распада СССР, что привело к росту безработицы, криминализации и маргинализации [2, с. 74–78]. В настоящее время подобных проблем в молодежной среде Тувы стало значительно меньше, что следует из анализа данных анкетного массива. Так, на вопрос «На что Вы готовы, чтобы улучшить свое материальное положение?» вариант ответа «иногда нарушать закон, нормы морали» был выбран только одним респондентом, а на вопрос «Что Вам обычно помогает переносить жизненные трудности?» вариант «алкоголь, наркотики» не был выбран никем. Можно говорить о сохраняющемся социальном пессимизме, безразличии молодых людей, о чем свидетельствуют тот факт, что на вопрос «Значительные изменения, происходящие в нашей стране, вызывают у людей самые разные чувства. Какие чувства испытываете Вы?» указали, что «безразличие» 10,8% респондентов (15,6% тувинцев и 5% русских).

Нами анализировались оценки представителями молодежи собственного материального и социального статуса. Выявлены существенные различия в определении уровня благосостояния: позитивные оценки превышают 73%, негативные оценки (ответы: «полностью не удовлетворен» и скорее не удовлетворен») высоки: почти четверть опрошенных (24,1%) не удовлетворены своим материальным положением, среди русских респондентов этот показатель выше и составляет 28,6% (см. табл. 1). Большой позитивностью, как среди тувинцев, так и русских, отличаются оценки удовлетворенностью своим положением в обществе: свыше 81% молодежи (80,3% тувинцев и 84,0% русских) полностью удовлетворены и скорее удовлетворены социальным статусом; 9,3% (9,4% тувинцев и 9,0 русских) – выбрали вариант ответа «скорее не удовлетворен» и 9,1% (10,1% тувинцев и 5,1% русских) затруднились с определением. Только 0,5% опрошенных указали, что полностью не удовлетворены своим положением, это позволяет сделать вывод о понимании респондентами того, что статус студента, учащегося достаточно высок в современном обществе.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов опрошенных на вопрос:
«Удовлетворены ли Вы своим материальным положением?», в % по столбцу
*Distribution of respondents' answers to the question:
"Are you satisfied with your financial situation?"?, (in % by column)*

	Всего	Тувинцы	Русские
Полностью удовлетворен	35,4	31,4	46,2
Скорее удовлетворен	37,1	42,2	23,0
Скорее не удовлетворен	13,9	13,7	14,1
Полностью не удовлетворен	9,2	7,8	14,5
Затрудняюсь ответить	4,4	4,9	2,2

Примечание. Данные социологического опроса 2021 г.

Молодежь и предпринимательство

Поскольку в настоящее время в России развитие предпринимательства рассматривается как один из основных драйверов экономического роста, в ходе исследования изучалась динамика отношения молодежи региона к предпринимательству. Занятие собственным бизнесом как направление улучшения своего материального положения выбрали 47,7% респондентов. При этом, 52,9% опрошенных молодых тувинцев высказали заинтересованность этим занятием, среди русской молодежи так ответили 30,8% опрошенных, что тоже существенно, хотя и ниже, чем у ровесников-тувинцев. Полагаем, что столь заметный процент тувинцев, высказавшихся в пользу предпринимательства, объясняется, кроме всего прочего, сохраняющейся в республике на протяжении длительного времени молодежной безработицей, поэтому определенная часть молодежи видит выход из создавшейся ситуации и улучшения условий жизни в открытии своего собственного дела. Следует заметить, что привлекательность занятия предпринимательством существенно возросла: по данным опроса 2010 г., выражали желание открыть собственное дело, заняться бизнесом 22,5% молодых людей, из них 20,1% тувинцев и 36,5% русских [5, с. 61]. На наш взгляд, такая динамика является также индикатором роста осознания молодежью важности данной сферы деятельности для развития Тувы.

Ценностные ориентации молодежи

По данным нашего исследования, для молодых людей республики, как и прежде, достаточно значимы такие общечеловеческие ценности как семья, здоровье, работа. Вместе с тем, реалии сегодняшнего дня вносят определенные коррективы ценностные приоритеты не только молодежных, но и всех других возрастных групп российского социума. Фиксируемые на данном этапе трансформации, коснувшиеся практически всех сферах жизни общества, в первую очередь, были обусловлены пандемией COVID-19. В этой связи неудивительно, что по результатам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проводившего в 2020 г. мониторинговый опрос о жизненных ценностях россиян и об их изменениях в период самоизоляции и ограничительных, главной ценностью у россиян стало свое здоровье и здоровье родных, на втором месте – отношения с семьей и родственниками, на третьем – наличие работы и возможность контактировать с людьми [9].

По результатам нашего опроса, примерно две трети из числа опрошенных считают, что чувство уверенности в завтрашнем дне дает им, прежде всего, поддержка семьи, родственников и друзей (64,1%). При этом среди тувинской молодежи разделяют эту точку зрения 66,7%, среди русской – 53,8%. Эти показатели даже по сравнению с пятилетней давностью заметно возросли. В частности, по данным упомянутого опроса 2015 г. рассчитывали на помощь и поддержку близких и друзей среди тувинцев 48%, среди русских соответственно 43%. Наряду с этим, если примерно

каждый третий из числа опрошенной русской молодежи убеждены, что уверенность в завтрашнем дне дает профессия, способность заработать, то практически половина тувинской молодежи в данном случае придерживается позиции, что это зависит от собственного оптимизма (38,5 и 49% соответственно). Среди них численность тех, кто ответил, что у них нет уверенности в завтрашнем дне, составила 6,3%. При этом по сравнению с тувинцами пессимистично настроенных среди русских немного больше – соответственно 5,9 и 7,7%. Возможно, подобная установка, нередко отмечаемая исследователями в настроениях русскоязычных жителей республики, связана их беспокойством и тревогой за свое будущее обусловленного их малочисленностью, позицией этнического меньшинства в республике. Это порождает определенные сложности, в числе которых, по данным разных опросов, нередко называлось несоблюдение национальных интересов, незнание молодежью языка титульного этноса и др.

Подтверждением все возрастающей в наши дни значимости семьи служат ответы опрошенных на вопрос: «Что Вам обычно помогает переносить жизненные трудности?». Согласно данным проведенного опроса, молодые люди в большинстве своем, независимо от этнической принадлежности, признали, что для преодоления тех или иных житейских проблем они, как правило, обращаются за помощью к семье, друзьям, любимому человеку (соответственно 85,9, 86,3 и 84,6%). Весьма примечательно, что в обеих этнических группах молодежи оказалось немало считающих, что в решении сложных жизненных неурядиц им в определенной мере помогают книги, радио, музыка. Такую точку зрения разделяют 41,2% тувинцев и 46,2% русских. А вот на то, что в случае житейских трудностей они рассчитывают на коллег и работу признали менее 10% в обеих группах.

Схожести и различия в ценностных ориентациях молодежных групп

В свете нашей проблематики несомненный интерес представляют установки молодых людей на современную жизнь с учетом их этнических различий. Судя по ответам молодежи обеих этнических групп, данными ими в процессе опроса, фигурируют главным образом две оценки: 1) «все не так плохо, а скоро будет еще лучше», 2) «жить трудно, но терпеть можно». При этом более оптимистичную оценку продемонстрировали русские, которые в заметном большинстве указали на первую позицию (76,9% русских против 54,9% тувинцев). С другой стороны, подобный настрой в какой-то мере свидетельствует о некоторой выжидательной позиции, когда «все разрешится само собой», а также некой инертности и пассивности отдельных молодых людей. Подобная пассивная установка характерна в общей сложности для каждого пятого молодого человека (18,8%). Вместе с тем, численность тех, кто считает, что «терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно», также незначительна. При этом среди русских респондентов придерживаются этой позиции 15,4% опрошенных, тогда как среди тувинских респондентов лишь 1,9%.

Как видно, между тувинской и русской молодежью наблюдаются достаточно явные отличия в оценках сложившейся ситуации в Туве. Сравнение результатов названного опроса с данными более ранних исследований свидетельствует об явной активизации русской молодежи, показывающей большую активность и инициативность. Необходимо также сказать, что в данном случае подобные установки и настроения напрямую связаны с серьезными социально-экономическими проблемами этого региона, в числе которых, прежде всего, следует назвать высокий уровень безработицы. Так, в 2020 г. этот показатель, на наш взгляд, достиг рекордного уровня – 13,5%, тогда как в предыдущие годы (2016–2019 гг.) эта цифра была существенно меньше и колебалась в пределах 4%¹.

По данным опроса 2021 г., как тувинская, так и русская молодежь, придерживаются точки зрения, что улучшение их жизни зависит, в первую очередь, от них самих (табл. 2). Сопоставление этих данных с результатами опроса 2015 г. демонстрирует возрастание числа тех, кто занимает активную жизненную позицию и оптимистический настрой. Совсем недавно так считали 51% тувинцев и 62% русских. Вместе с тем, почти четверть опрошенных русских юношей и девушек свои надежды на улучшение своей жизни связывают с членами своей семьи и родственниками (23,1%), тогда как среди этой же возрастной когорты тувинцев все еще немало тех, кто надеется на региональные власти (22%). Однако, в общей доле уповающих на разрешение своих жизненных проблем с помощью «власть предержащих» снизилась. Возможно, это связано с тем, что а) в условиях рынка постепенно приходит осознание, что в этой жизни каждый должен полагаться на свои силы, знания и умения; б) не секрет, что на сегодняшний день по разнообразным причинам заметно ослабла вера в руководство региона. Об этом свидетельствуют и результаты ранее проведенных в данном регионе разных этносоциологических исследований. Следует также учитывать, что в данном случае речь идет о молодом поколении, сформировавшемся в незнакомых людям старших возрастов условиях. Данные позволяют сделать важный вывод о том, что у местных жителей прослеживается постепенный отход от иждивенческих настроений, на смену им приходит вера в собственные силы.

Наше исследование обнаружило достаточно полярные точки зрения в представлениях молодежи о хорошей жизни. Понятно, что это обусловлено не вполне сформировавшимися на этом возрастном этапе ценностными установками и приоритетами. Вместе с тем, при ответах на данный вопрос из всего числа предложенных вариантов молодые респонденты чаще указывали, что для них «хорошо жить» означает «иметь хорошую семью». Так считают 62,7% опрошенных тувинцев и 69,2% русских. В то же время среди них оказалось немало тех, кто думает, что «хорошо жить» – это «жить обеспеченно, в достатке». Разделяющих это мнение среди тувинской молодежи выявлено заметно больше, чем среди русской молодежи (соответственно 58,8 и 38,5%). Более других озабочены созда-

¹ Республика Тыва в цифрах. 2020. Статистический сборник. Красноярск: Красноярскстат, 2021. С. 31.

нием условий спокойной жизни в регионе русскоязычные жители, хотя дистанцированность в ответах тувинской и русской молодежи не столь велика – 47,1 и 61,5% соответственно. Стоит особо отметить, что и среди тувинцев, и среди русских, был достаточно незначителен процент ответивших, что для них «хорошо жить» это, в первую очередь, «иметь власть, положение в обществе» (3,1%).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов опрошенных на вопрос:
«От кого зависит улучшение Вашей жизни?»,
в % по столбцу; разрешалось выбрать несколько вариантов ответа
Distribution of respondents' answers to the question:
“Whom does the improvement of your life depend on?”
(in % by column; it was allowed to choose several answer options)

Варианты ответов	Всего	Тувинцы	Русские
От нас самих	90,6	94,0	77,0
Членов моей семьи, родственников	12,5	7,0	23,1
Городских (сельских) властей	7,8	7,0	7,7
Республиканских властей	14,1	22,0	7,7
Другое (укажите, что именно)	1,9	1,9	-
Затрудняюсь ответить	-	-	-

Примечание. Данные социологического опроса 2021 г.

Наряду с этим, половина опрошенной молодежи уверена, что их «жизнь интересна и она их полностью устраивает» (51,5%). Примерно каждый пятый из числа тувинской молодежи и каждый четвертый из русской молодежи уверены, что «надо спокойно принимать плохое и хорошее», «все в жизни устроится само собой» (соответственно 19,5 и 23,1%).

Таким образом, последний опрос показал, что предпочтения молодежи Тувы в целом несколько изменились. В отличие от предыдущих лет, молодые люди на первое место ставят семью, не отрицая материальную обеспеченность как важный маркер хорошей жизни. Сегодня для молодежи, впрочем, как и для других возрастных групп, наличие семьи является необходимым условием счастливой и достойной жизни. Следует пояснить, что в предыдущем вопросе, касающемся улучшения жизни, незначительная доля тувинцев, указавших семью, вовсе не противоречит данному выводу, поскольку в тувинских семьях традиционно был и остается высокой значимость семьи как таковой. Вместе с тем, распределение ответов опрошенных показало, что несмотря на высокий авторитет семьи, они не связывают с ней улучшение жизни. Оно скорее зависит от личностных характеристик и социальной мобильности самого человека, поскольку возможности большинства тувинских семей весьма ограничены.

Представления молодежи о Родине и этническая идентичность

Опрошенная нами русская молодежь в значительном большинстве считает, что «моя Родина – Россия» (76,9%). Эти данные практически совпадают с теми, что были получены в результате опроса русских Тувы и Хакасии в 2015 г. Тогда Россию как свою родину назвали 82% опрошенных в Туве и 78% в Хакасии [3, с. 164].

В данном вопросе заметно отличаются установки тувинцев. В частности, в числе предложенных вариантов ответов среди них было приблизительно поровну указавших, что «моя Родина – Республика Тыва» и «моя Родина – Россия» (47,1 и 45,1%)¹. Между тем, сопоставляя эти данные с материалами предыдущих исследований, видим, что среди молодых людей Тувы наблюдается рост числа тех, кто выбирает в качестве основной российскую идентичность. Из полученных данных видно, что среди молодежных групп титульного этноса растет число людей, признающих своей родиной не только то место, где он непосредственно родился, вырос и живет, но и все российское пространство, тем самым признающих свою общность со всем российским обществом. Как в свое время подчеркивал Ю. В. Арутюнян, «... чем дальше, тем больше в новых обществах обнаруживается доминанта гражданской идентичности, которая подчас в реальной жизни и в сознании людей трансформирует «родовую» этничность и соответственно создает новые этноинтегрированные образы, существенно меняющие наследуемые культуры и нормы поведения» [4, с. 434].

Республиканская молодежь, включая и тувинцев, и русских, как определяющую для них называют именно этническую идентичность. Так, например, 65,6% респондентов ответили, что этническая принадлежность для них «значима» и «очень значима». По-видимому, характерное для старших поколений явление, когда в сложных условиях жизни у человека возрастает чувство близости к своей этнической общности, присуще в настоящее время и молодежным возрастам. Хотя стоит отметить, что согласно исследованиям последних лет среди представителей титульного этноса доля разделяющих эту установку немного сократилась. Актуализация этнической идентификации, на наш взгляд, объясняется существенным численным превосходством в этом регионе титульной нации, что способствует, кроме всего прочего, тому, что в ряд актуальных и первостепенных у этой группы выдвигаются иные проблемы, нежели этнические.

Результаты нашего опроса показали заметные различия в установках и ориентациях молодежных групп республики в вопросах о том, что «роднит их с людьми своей национальности», что для них является «наиболее важным для представителей его этноса». Если тувинцы наиболее часто указывали на «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа» и «сохранение языка моей национальности» (74,5 и 70,6%), то русские более других называли «возможность спокойно работать и жить в республике» и «сохра-

¹ Вопрос закрытый.

нение культуры, традиций, обычаев моего народа» (38,5 и 30,8%). Следует также заметить, что на «возможность спокойно работать и жить в республике» указали примерно четверть тувинских респондентов (23,1%). В настоящее время межэтническая ситуация в Туве достаточно ровная и спокойная, поэтому можно предположить, что подобный расклад объясняется иными, не связанными с межэтническими факторами, например, сложной криминогенной ситуацией в республике. Как и в предыдущие годы, у тувинской молодежи акцент на возрождение национальной культуры определенно сильнее, чем у русских. Добавим, что значительный процент из числа тувинской молодежи полагает, что для благоприятного развития этноса необходимо «экономическое процветание» (43,1%).

Выводы

Улучшению социального самочувствия молодежи способствует реализация масштабных проектов по вовлечению в хозяйственный оборот месторождений полезных ископаемых. Важным результатом этих процессов стало появление новых рабочих мест и снижение безработицы. Одновременно в Республике усиливаются меры по социальной поддержке молодежи, в том числе молодых семей. Модели социальной адаптации нового поколения к современным реалиям постепенно трансформируются от пассивных форм, при существенном удельном весе неопределившихся молодых людей, к более активному типу встраивания в современную экономику со значительной долей «рыночников», что в большей степени соответствует требованиям социально-экономических процессов. Особенностью молодых респондентов-тувинцев является более высокая доля приверженцев новых технологий ведения бизнеса. Русская молодежь по-прежнему занимает в основном позицию вербальных намерений по поиску своей ниши в сфере труда, но откладывает свои активные действия на будущее, ее доля в группе «мобилизующихся» осталась на уровне 50%. То есть, скорость адаптации русской молодежи к современным условиям несколько ниже, чем тувинской. Интенсивность формирования ценностных ориентаций и приспособленности молодежи основных этнических групп к жизни в условиях действия рыночных институтов за последние 10-12 лет повысилась и отвечает вызовам развития российской экономики. Также реальной приметой современного развития Тувы является увеличение доли молодежи, стремящейся к предпринимательству. Молодые люди, в особенности этнические тувинцы, более склонны заняться своим делом и найти рыночную нишу, доходное занятие для себя и своей семьи, чем представители других возрастных категорий населения республики.

Изучение же ценностных установок молодежи Тувы, представляющих основные этнические группы республики – тувинцев и русских, прежде всего, показало, что их жизненные ориентиры и предпочтения, независимо от их этнической принадлежности, в большинстве своем достаточно схожи, а в ряде показателей идентичны. Можно говорить о снижении

рисков криминализации и маргинализации, социального пессимизма, безразличия в молодежной среде, что достигнуто, с нашей точки зрения, как за счет оживления экономического роста региона, так и в результате финансовой поддержки молодых семей из федерального и республиканского бюджетов, реализации ряда целевых программ и проектов по развитию молодежного предпринимательства.

Понятно, что переживаемые на данном этапе различные преобразования во всех сферах жизнедеятельности российского общества, не могут не отражаться и не влиять на суть и направление ценностных ориентаций населения, тем самым в определенной мере изменяя их. И в данном случае на примере молодежи Тувы мы видим, как формируется тенденция осознания и, соответственно, возрастания роли личной активности и инициативы в деле достижения успеха и благополучия.

Библиографический список

1. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с. EDN: TDWDGL.

2. Анайбан З. В. Молодежь Тувы и проблемы безработицы // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 74–78. EDN: RLJXFF.

3. Анайбан З. В. Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. Этносоциологические очерки. М.: ИВ РАН, 2017. 240 с. EDN: YNPQYP.

4. Арутюнян Ю. В. Самоидентификация столичных жителей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. М.: РУДН, 2007. С. 434–449. EDN: RAOEVN.

5. Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М. и др. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М.: Наука, 1984. 256 с. EDN: VQCBXV.

6. Балакина Г. Ф., Кылыгдай А. Ч. Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / Отв. ред. Л. В. Корель Кызыл: ТувИЖОПР СО РАН, 2015. 160 с. EDN: VUMRNV.

7. Балакина Г. Ф. Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. 2016. № 4(92). С. 176–195. DOI: 10.15372/REG20160408; EDN: XDNIFR.

8. Гаспаршвили А. Т. Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников ссузов // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2016. № 1. С. 92–110. EDN: VNVPTF.

9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602; EDN: GTXODD.

10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.

11. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. От восприятия перемен – к изменению социального поведения // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 6–24. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24; EDN: MQXZOT.

12. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030; EDN: LAYWBV.

13. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с. EDN: NQRWZV.

14. Латова Н. В. Средние специальные учебные заведения: журавль в небе или синица в руках? // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 34–46. EDN: VVIVLN.

15. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с. EDN: TLEIQL.

16. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 28–32. EDN: OTOCLT.

Получено редакцией: 27.03.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балакина Галина Федоровна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН
Анайбан Зоя Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.7

Ethno-Social Portrait of Young People in Tuva

Galina F. Balakina

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of SB RAS, Kyzyl, Russia

balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Zoya V. Anayban

Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia

anayban@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7063-2375

For citation: Balakina G. F., Anayban Z. V. Ethno-social portrait of young people in Tuva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 127–142. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.7; EDN: DHIBFM.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of social behaviour of young people of the Tuva Republic belonging to the main ethnic groups of the region (Tuvinians and Russians), challenges and risks of their adaptation to modern living conditions. The relevance of the research topic is due to the importance of youth for the

development of Russian society, including at the regional level. The aim of the work is to identify the peculiarities of the dynamics of young people's value attitudes in the sphere of professional and labour employment, as well as the peculiarities of young people's adaptation to market processes. In this regard, the authors separately consider the models of youth adaptation to new market realities, as well as the dynamics of formation of socio-cultural types of youth groups. A special place is given to the study of the specificity of value priorities of young people, the forms and content of which to a certain extent differ from the values of previous generations. The presented research was carried out using the methods of system analysis of socio-economic processes in the region, analysis of data from sociological surveys of young Tuva residents using special computer programs (SPSS). Based on the comparative retrospective analysis of the materials of the studies conducted under the authors' supervision in 2010, 2015 and 2021, the conclusion is made about the specifics of the formation of values of young people in the Republic of Tuva, which should be taken into account when designing regional social development programmes. The authors found a gradual transformation of the models of social adaptation of the new generation to modern realities, the transition from passive forms to a more active type of integration into the economy, which is more in line with its requirements. The peculiarity of adaptation processes among young Tuvian respondents is a higher proportion of those who are committed to doing their own business. Russian youth are still more passive: they mainly take the position of verbal intentions to find their niche in the labour sphere, postpone their active actions for the future, which determines the lower speed of adaptation of Russian youth to modern conditions compared to Tuvan youth.

Keywords: youth, Tuva, ethno-social processes, value attitudes, adaptation models, ethnic identity

References

1. Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Sociokul'turnye tipy molodyozhi: etnicheskij i regional'nyj aspekty [Socio-cultural types of youth: ethnic and regional aspects]. Novosibirsk, Avtograf, 2014: 179 (in Russ.). EDN: TDWDGL.
2. Anayban Z. V. Molodyozh Tuvy i problemy bezraboticy [The youth of Tuva and the problems of unemployment]. *Etnosocial'nye processy v Sibiri*, 2000: 3: 74–78 (in Russ.). EDN: RLJXFF.
3. Anayban Z. V. Youth of Tuva and Khakassia in the XXI century. Ethnosociological essays. Moscow, IV RAN, 2017: 240 (in Russ.). EDN: YNPQYP.
4. Arutyunyan Yu. V. Samoidentifikaciya stolichnyh zhitelej [Self-identification of metropolitan residents]. *Molodezh Moskvy: adaptaciya k mnogokul'turnosti* [Youth of Moscow: adaptation to multiculturalism]. Moscow, RUDN, 2007: 434–449 (in Russ.). EDN: RAOEVN.
5. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M. et al. Etnosociologiya: celi, metody i nekotorye rezul'taty issledovaniya [Ethnosociology: goals, methods and some research results]. Moscow, Nauka, 1984: 256 (in Russ.). EDN: VQCBXV.
6. Balakina G. F., Kylgydaj A. Ch. Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva. Ed. by L. V. Korel. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN, 2015: 160 (in Russ.). EDN: VUMRNV.
7. Balakina G. F. Ethnosocial features of adaptation of the population of the Republic of Tyva to the market economy. *Region: ekonomika i sociologiya*, 2016: 4(92): 176–195 (in Russ.). DOI: 10.15372/REG20160408; EDN: XDNIFR.
8. Gasparishvili A. T. Secondary specialized education in the assessments and opinions of college graduates. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya*. 2016: 1: 92–110 (in Russ.). EDN: VNVPTF.
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3: 13–41 (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602; EDN: GTXODD.
10. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. et al. Life positions of youth: semantic foundations of formation. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 3: 79–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
11. Konstantinovskij D. L., Popova E. S. From the perception of change – to a change in social behavior. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2022: 31: 1: 6–24 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24; EDN: MQXZOT.
12. Konstantinovskij D. L., Popova E. S. Russian secondary vocational education: demand and specificity of choice. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3(407): 34–44 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030030; EDN: LAYWBV.
13. Lamazhaa Ch. K. Tuva mezhdru proshlym i budushhim [Tuva between past and future]. St. Petersburg, Aletejya, 2011: 368 (in Russ.). EDN: NQRWZV.

14. Latova N. V. Secondary specialized educational institutions: a crane in the sky or a bird in the hands? *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2016: 1: 34–46 (in Russ.). EDN: VVIVLH.
15. Novye smysly v obrazovatelnyh strategiayah molodyozhi: 50 let issledovaniya [New meanings in the educational strategies of youth: 50 years of research]. Moscow, CzSP i M, 2015: 232 (in Russ.). EDN: TLEIQL.
16. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Evraziystvo kak sociokulturnyj tip [Eurasism as a socio-cultural type]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2003: 3: 28–32 (in Russ.). EDN: OTOCLT.

The article was submitted on: March 27, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina F. Balakina, Doctor of Economics, chief scientific officer, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of SB RAS

Zoya V. Anayban, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of RAS

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖАЩИЕ В МЕГАПОЛИСАХ И ЛОКАЛЬНОСТЯХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.8
EDN: HSVFRJ

Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса

Ссылка для цитирования: Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Куликова А. А. Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 143–164. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.8; EDN: HSVFRJ.

For citation: Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Kulikova A. A. Balance of work and personal life in the perception of civil servants of the metropolitan megalopolis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 143–164. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.8; EDN: HSVFRJ.

AuthorID РИНЦ: 898003

Пинчук Антонина Николаевна^{1,2}

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия;

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

antonina.pinchuk27@bk.ru

AuthorID РИНЦ: 560487

Тихомиров Дмитрий Андреевич^{1,2}

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия;

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

dat1983@yandex.ru

Куликова Анна Андреевна¹

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

akulikova53@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного выявлению особенностей восприятия баланса работы и личной жизни современными государственными служащими столичного мегаполиса. Эмпирической основой послужили материалы анкетирования и интервьюирования, осуществленных авторами в 2022 г. в федеральных министерствах (расположенных в г. Москва). Применяя современные методы анализа текстовых данных, авторы визуализируют с помощью облака слов ответы респондентов на открытый вопрос о субъективном понимании баланса работы и личной жизни. Выявлено, что в интерпретации опрошенных государственных служащих преобладают такие термины, как «время», «возможность» и «семья». Это позволяет выяснить, какой смысл вкладывают работники государственной службы в концепт баланса работы и личной жизни. Так, выступая субъективным феноменом, данный концепт прежде всего ассоциируется с пропорциональным распределением времени на семью и работу. Исходя из результатов анкетирования, авторы выделяют две группы государственных служащих, которые испытывают и не испытывают чувство баланса работы и личной жизни, и анализируют их социально-демографические характеристики, жизненные приоритеты, отношение к работе, оценки временных ресурсов и уровень удовлетворенности различными жизненными сферами. Репрезентируя субъективные оценки, авторы отмечают, что чуть более половины опрошенных работников государственной службы не ощущают баланса работы и личной жизни. Статистический анализ показал, что выделенные авторами группы не имеют существенных социально-демографических отличий. Также было установлено, что государственные служащие, по-разному оценивающие наличие баланса работы и личной жизни, значимо не отличаются в определении ведущих жизненных приоритетов, выдвигая на первый план семью и работу. Однако были выявлены статистически значимые связи между субъективными показателями баланса работы и личной жизни и особенностями разграничения рабочих и личных проблем, оценкой достаточности времени на повседневные практики и удовлетворенностью приватной жизнью. Установлено, что состояние дисбаланса в большей мере характерно для людей, которые отмечают влияние работы на личные дела, испытывают недостаток времени на повседневную частную жизнь и не удовлетворены ее основными составляющими. В рамках интервьюирования основное внимание было сосредоточено на группе внешних факторов, которые относятся к условиям занятости, что важно учитывать в вопросах кадровой политики и организации труда на государственной службе. Полученные материалы позволили рассмотреть с точки зрения государственных служащих существующий рабочий режим, обсудить инициативы по его совершенствованию, возможности и ограничения удаленной работы.

Ключевые слова: баланс работы и личной жизни, государственные служащие, субъективные показатели, объективные показатели

Введение

Выявление эффективных практик кадровой политики в сфере государственной службы представляет собой актуальную теоретическую и практическую задачу, о чем свидетельствуют научные дискуссии последних лет [3; 7] и проводимые всероссийские конкурсы¹. Обсуждая оптимальные

¹ Применение кадровых технологий на государственной гражданской службе // Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/17> (дата обращения: 21.04.2022).

кадровые реформы, эксперты обращают особое внимание на преимущества распространения гибкого рабочего времени и дистанционного (онлайн) формата работы [2]. Между тем, проектирование новых режимов и условий труда на государственной службе требует обстоятельного анализа проблем баланса работы и личной жизни, связанных с увеличением давления рабочей сферы жизни на частную, нарушением границ рабочего и личного жизненного пространства, дефицитом времени на семью, досуг, здоровье и другие составляющие полноценной жизни.

Следует заметить, проблема сохранения баланса между работой и личной жизнью приобретает все большую остроту для современных россиян, о чем свидетельствуют репрезентативные социологические исследования последних лет. Так, согласно данным всероссийского опроса ВЦИОМ, в 2016 г. 24% работающих россиян отметили, что не позволят труду мешать остальной своей работе затмить другие стороны жизни, а в 2021 г. данная их доля увеличилась до 35%. Как свидетельствуют данные, чаще всего такого мнения придерживаются жители столицы и крупных российских городов¹, что требует обратить особое внимание на сложности гармонизации основных жизненных сфер государственных служащих, проживающих в условиях большого города. Помимо этого, проблема баланса работы и личной жизни государственных служащих приобретает гендерную специфику. Согласно результатам социологического исследования О. Г. Исуповой, положение российских женщин на государственной службе отличает нарастающее напряжение между требованиями личной и рабочей сферами жизни, что приводит к распространению практик откладывания рождения детей [5].

Представленные в данной статье результаты эмпирических исследований приближают к пониманию трудностей и возможностей совмещения работы и личной жизни государственными служащими. Однако подобного рода исследования немногочисленны и фрагментарны, а имеющийся эмпирический задел недостаточно обновляется из-за слабого исследовательского внимания к данной теме. Определенный информационный вакуум порождает отсутствие данных о понимании и восприятии баланса работы и личной жизни самими государственными служащими. В результате остается непроясненным вопрос об организации труда работников, играющих особую роль в обеспечении эффективного функционирования государства.

Итак, цель настоящей статьи – выявить особенности восприятия баланса работы и личной жизни современными государственными служащими, проживающими в столичном мегаполисе. Для этого важно выделить группы государственных служащих, которые испытывают или не испытывают чувство баланса работы и личной жизни, выявить их жизненные приоритеты, отношение к работе, субъективные оценки имеющихся временных ресурсов и уровень удовлетворенности различными жизненными сферами, изучить половозрастные и социально-профессиональные особен-

¹ Труд-2021: запрос на баланс жизнь/работа // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-2021-zapros-na-balans-zhizn-rabota> (дата обращения: 21.04.2022).

ности выделенных групп. Особый интерес вызывает отношение работников государственной службы к возможностям и ограничениям удаленной (онлайн) работы, что важно для вопросов кадровой политики и организации труда на государственной службе.

Обзор литературы по проблеме

В научном дискурсе до сих пор не выработано четкого определения баланса работы и личной жизни. С одной стороны, в понятии баланса отражается поиск гармоничного сочетания трудовых и семейных обязательств, с другой, удовлетворение от найденных оптимальных решений, когда реализуются значимые жизненные цели [10]. Как пишет О. Г. Исупова, баланс работы и личной жизни – это «сочетание временных и физических затрат индивида на трудовую и внеуродовую деятельность, с учетом его или ее личных предпочтений, оптимальное для него или нее с точки зрения удовлетворенности жизнью в целом» [4, с. 104].

Рассматривая баланс между работой и остальной жизнью, современные ученые по-разному определяют области внеуродовой деятельности, артикулируя конкретные социальные практики и отношения в зависимости от исследовательского интереса. Так, повышенное внимание уделяется семейно-брачным отношениям. В такой теоретической постановке речь прежде всего идет о сочетании профессиональных и семейных ролей, то есть о балансе работы и семьи, под которым понимается отсутствие конфликта между трудовыми и семейными обязательствами [12]. Дж. Гринхаус, К. Колинз и Д. Шоу разработали трехзвенную модель баланса работы и семьи, выделяя три ключевых критерия: время, вовлеченность (в работу и личную жизнь) и удовлетворенность (от работы и личной жизни) [13]. Впрочем, в других научных трудах получили распространение теоретические модели, в которых расширяется понимание личной жизни и уделяется внимание свободному времени, не связанному с трудовыми и семейными отношениями, потраченному исключительно на себя [11]. Такой исследовательский ракурс позволяет использовать концептуально расширенное понятие баланса работы и личной жизни и рассмотреть разнообразие практик повседневного бытия: это и дружеские отношения, и досуг, и здоровье, и уход за собой, и образование.

Однако определение баланса не исчерпывается тематикой ролевых конфликтов или равного распределения времени между несколькими ролями. Эмпирическое изучение баланса работы и личной жизни возможно в рамках субъективистского подхода, когда раскрываются восприятие и критерии определения данного состояния в контексте повседневного дискурса. Иными словами, проблемы баланса работы и личной жизни относятся к вопросам восприятия того, насколько хорошо сбалансированы основные жизненные роли, а сам баланс представляет целостную концепцию, уникальную для каждого человека, зависящую от его жизненных ценностей, приоритетов и целей [15]. Как указывал Д. Гест, изучая восприятие

баланса с помощью субъективных индикаторов, необходимо артикулировать специфичные признаки данного состояния. В качестве же объективных параметров автор выделяет количество рабочих часов, свободное время и семейные роли [14].

Развивая мысль о субъективном восприятии жизненных сценариев, следует обратить особое внимание на расстановку жизненных приоритетов, что может выражаться в проблемах сочетания важных жизненных сфер и порождать чувство дисбаланса. Данная концептуальная идея находит отражение в осмыслении феномена баланса жизни и работы, когда тематизируется не только сюжет гармонизации различных социальных ролей в ситуации разрешения противоречия между значимыми жизненными задачами, но постулируется роль персонального выбора жизненных перспектив. Как замечает Е. Ю. Рождественская, в условиях ослабления институциональных норм планирование основных жизненных этапов персонализируется, выражая предпочтения и приоритеты в отношении получения образования, трудоустройства и создания семьи, что требует от современных людей компетенции «управления биографическим таймингом» [8, с. 452].

Еще одним важным направлением в изучении баланса работы и личной жизни является исследование того, как успехи или неудачи на работе отражаются на личной жизни и наоборот. Взаимодействие работы и личной жизни осмысливается в нескольких теоретических моделях. В теории побочного эффекта утверждается положительная корреляция между работой и личной жизнью, когда состояние дел в рабочей сфере зеркально отражается на семейной жизни и наоборот. В компенсаторной объяснительной модели, напротив, утверждается обратная зависимость между трудовой и частной сферами жизни, когда неудачи в одной из них компенсируются успехом в другой, и тем самым достигается баланс. Теория сегментации постулирует, что трудовая и личная сферы жизни самостоятельны и индивид может быть успешным в одной из них без какого-либо влияния на другую. Также можно выделить еще три модели, а именно: инструментальную теорию (одна из сфер жизни рассматривается как средство для достижений в другой сфере жизни), теорию конфликта (рабочая и личная жизнь несовместимы) и интегративную теорию (работа и семья настолько тесно взаимосвязаны, что практически невозможно рассматривать их по отдельности) [16].

Российские ученые подчеркивают, что полноценная профессиональная самореализация во многом связана с ощущением синергии между рабочей и личной сферами жизни, и восприятие проблем и сложностей на работе и в личной жизни могут только усугублять друг друга, что подтверждается данными эмпирических исследований в российских организациях [6]. Тем самым в изучении баланса работы и личной жизни следует учитывать корреляцию между восприятием состояния дел на работе и в личной сфере.

Стоит добавить, что социокультурные аспекты взаимосвязи между работой и личной жизнью и проблемы достижения баланса между ними имеют свою специфику в различных профессиональных сообществах.

Например, современные российские ученые изучили особенности экспликации идеи баланса работы и личной жизни в повседневном дискурсе precarious работников [9], женщин-полицейских [5], академических профессионалов [1]. Расширяя галерею социологических репрезентаций, мы предлагаем рассмотреть результаты прикладного социологического исследования, которое отразит проблемы достижения и сохранения баланса работы и личной жизни государственных служащих РФ.

Методология и эмпирическая основа исследования

В целях получения эмпирического материала по изучаемой тематике весной 2022 г. было проведено полевое социологическое исследование. На первом этапе исследования был проведен анкетный опрос. Выборка была сформирована методом «снежного кома», всего в исследовании приняли участие 105 человек. В анкетировании приняли участие сотрудники Министерства экономического развития РФ, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ.

Анализ социально-демографических характеристик выборочной совокупности показал, что в анкетировании приняло участие 43% мужчин и 57% женщин. Медианный показатель возраста достигает 32 года. Выборку составляют государственные служащие с различным семейным положением. В зависимости от семейного статуса и наличия детей респонденты были объединены в условные группы: проживающих с партнером (56%) и без партнера (44%), с детьми (36%) и без детей (64%).

Состав выборки обеспечивает представительность сотрудников, занимающих различные должностные позиции. В исследовании приняли участие руководящие работники (40%) и специалисты (60%) (советники, специалисты-эксперты, консультанты, референты). Медианный трудовой стаж респондентов составляет 7 лет.

На следующем этапе исследования было проведено полуструктурированное интервьюирование, направленное на обсуждение рабочего режима и повседневных практик государственных служащих. В интервью приняло участие 10 человек: 7 женщин и 3 мужчин¹. Принимая во внимание малочисленность исследуемой выборки, результаты интервью можно рассматривать как первое приближение к изучению проблем организации труда государственных служащих, которое позволяет отразить взгляд «изнутри», но требует дальнейших исследований.

¹ Обработка и анализ количественных данных осуществлялся с помощью языка программирования Python в среде разработки Jupyter Notebook. Тексты интервью были обработаны в рамках тематического анализа.

Результаты исследования

Баланс работы и личной жизни в определении государственных служащих

Исследование баланса работы и личной жизни прежде всего потребовало раскрыть данный феномен как социальный концепт, насыщенный субъективными смыслами, ассоциациями и обыденными представлениями. Чтобы артикулировать риторику субъективных интерпретаций, в рамках анкетирования был задан открытый вопрос: «В Вашем понимании, что означает баланс работы и личной жизни?». На основе полученных ответов было сформировано облако слов, в котором представлены ключевые слова, в зависимости от частоты встречаемости терминов в тексте (см. рис. 1).

Рис. 1. Определение баланса работы и личной жизни государственными служащими

Figure 1. Definition of work-life balance by civil servants

Как видно, в определении баланса работы и личной жизни чаще всего использовались такие понятия, как «время», «возможность», «семья», «часть», «мешать», «выходной», «самореализация». Так, в восприятии опрошенных государственных служащих баланс работы и личной жизни прежде всего ассоциируется с пропорциональным распределением времени, «когда не чувствуешь недостатка времени ни в одной из областей», «когда после работы есть время и силы на что-то другое», когда «рационально используешь время». В понимании респондентов баланс работы и личной жизни также связан с понятием «возможность»: «это возможность

сохранить себя в ресурсе между всеми обязательствами», «возможность гармонично развиваться во всех сферах жизни». По словам опрошенных, существенную роль в достижении баланса между занятостью и личной жизнью играет семья. Респонденты писали, что работа должна «обеспечивать нормальный образ жизни, предусматривающий общение с семьей»¹. Важно отметить, что в описании респондентов была аспектирована гендерная проблематика, высвечивающая конфликт между семейной и профессиональной ролями: «Женщинам соблюсти баланс сложнее, из-за декрета многие теряют свой навык и хватку, меняют приоритеты в жизни».

По мнению опрошенных, достижение баланса между трудовой сферой и приватной жизнью возможно, когда «работа становится частью личной жизни, не полностью, а частью, потому что работа в мегаполисе – это значительная часть жизни». Некоторые респонденты указывали на то, что баланс работы и личной жизни – это такое состояние, когда «одно другому не должно мешать», «личная жизнь не мешает работе», «работа не должна мешать семейным обязанностям». Кроме того, в определении баланса подчеркивается необходимость соблюдать границы между рабочими и выходными днями, когда важно «следование ритуалам, неприкосновенность выходных». В обыденном понимании баланса работы и личной жизни также артикулируется значимость самореализации, когда «личная жизнь дает вдохновение для какой-либо самореализации, работа, отнимая часть возможности (времени) на самореализацию, дает деньги, навыки и опыт для осуществления планов по самореализации».

Можно сказать, что баланс работы и личной жизни – «это ситуация, при которой исполнение рабочих обязанностей не влияет на личную жизнь и наоборот (что включает в себя наличие достаточного времени, сил, желания), а также отсутствие «перекоса» в одну из сторон в части самореализации (под перекосом понимается ситуация, когда человек достиг высоких должностей, но не женат/не замужем или наоборот счастлив в семье, но на работе перебирает бумажки)».

Стоит подчеркнуть, что в некоторых ответах использовалось понятие «дисбаланс». Как написал один из респондентов: «У меня сплошной дисбаланс». Подобные высказывания вызывают особый интерес. Действительно, как опрошенные государственные служащие, исходя из собственного понимания баланса, оценивают его наличие в своей жизни?

Кто же достиг баланса работы и личной жизни?

Отвечая на вопрос о наличии баланса работы и личной жизни, 53% опрошенных ответили отрицательно («нет» – 19% и «скорее нет, чем да» – 34%), в то время как 47% положительно («да» – 14% и «скорее да, чем нет» – 33%). С опорой на полученные данные в аналитических целях была осуществлена дифференциация респондентов на две условные группы по основанию субъективной оценки наличия баланса работы и личной жизни и проанализиро-

¹ Здесь и далее прямые цитаты респондентов приведены без указания дополнительной информации о респонденте.

ваны особенности выделенных групп. Осуществленная групповая дифференциация позволила ответить на выдвинутые исследовательские вопросы, первый из которых касался обобщенных половозрастных характеристик двух групп людей, которые, соответственно, испытывают или не испытывают состояние баланса работы и личной жизни.

Социально-демографические особенности

Среди опрошенных 63% женщин и 37% мужчин утверждают, что достигли баланса работы и личной жизни. Ощущение гармоничного сочетания жизненных сфер больше всего характерно для респондентов в возрасте от 31 до 40 лет (45%). О согласованности профессиональной деятельности и личной жизни чаще всего говорят респонденты, которые имеют трудовой стаж до 5 лет (43%). На наличие баланса между трудовой и приватной сферами жизни указали 41% руководителей и 59% специалистов. В группе тех, кто смог успешно интегрировать работу и частную жизнь, 57% проживают с партнером и 33% имеют детей.

Важно отметить, что результаты статистического анализа не позволяют утверждать, что такие переменные, как пол, возраст, трудовой стаж, должность, семейное положение и наличие детей на данной выборке имеют статистически значимые различия на данной выборке. Безусловно, здесь следует учитывать специфику имеющейся выборки, которая является неслучайной и малочисленной, что не позволяет генерализировать полученные данные и сделать сопутствующие выводы с определенным уровнем доверительной вероятности. Тем не менее были обнаружены особенности ответов мужчин и женщин разных возрастов и семейного положения на вопросы о разграничении трудовой и личной жизни, об уровне удовлетворенности приватной жизнью, о нехватке времени, что подпитывает концепт баланса новыми коннотациями.

Определение жизненных приоритетов

Эмпирические данные свидетельствуют, что респонденты, которые имеют и не имеют баланс работы и личной жизни, существенно не отличаются в определении ведущих жизненных приоритетов. В таблице 1 отражено ранжирование жизненных сфер в зависимости от степени значимости для респондентов.

Как видно, первые позиции в двух группах занимают семья и работа, последние – здоровье и спорт, красота и уход за собой. Проверка U-критерия Манна-Уитни не показала наличие статистически значимых различий средних в двух подвыборках. Можно сказать, что ощущение баланса не сопряжено с постановкой первоочередных жизненных задач.

Однако в ранжировании жизненных приоритетов проявились гендерные отличия. Женщины чаще, чем мужчины, отмечали более высокую позицию такой сферы жизни, как красота и уход за собой: средний ранг у женщин – 5,5, у мужчин – 6,5 (U-критерий Манна-Уитни = 1909, $p < 0,000$).

Таблица 1 (Table 1)

Ранжирование жизненных приоритетов, средний ранг
Ranking of life priorities (average rank)

Расположите в порядке значимости свои жизненные приоритеты	Баланс работы и личной жизни	
	Да	Нет
Семья	1,65	1,68
Работа	2,49	2,32
Дружеские отношения	4,00	3,95
Образование, саморазвитие	4,39	4,57
Досуг и отдых	4,47	4,66
Здоровье и спорт	4,92	4,93
Красота и уход за собой	6,08	5,89

***Работа и личная жизнь:
вовлеченность, время и удовлетворенность***

В рамках анкетирования респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие с утверждениями, характеризующими различное отношение к работе и проблемам, возникающим как в трудовой, так и в личной (частной) сферах жизни. Так, чаще всего респонденты отмечали, что дома они стараются отдыхать и не думать о работе (63% полностью и скорее согласны). Чуть более трети опрошенных признали, что работа не оставляет времени для увлечений и интересных занятий (32% полностью и скорее согласны) и дома достаточно трудно отвлечься от мыслей о работе (31% полностью и скорее согласны). Между тем, в ответах респондентов прослеживается неоднозначная позиция в отношении разграничения личных и рабочих проблем. С одной стороны, значимая доля опрошенных (46%) не согласилась с утверждением о том, что трудности на работе неизбежно отражаются на состоянии дел в личной жизни, с другой стороны, 34% респондентов все же испытывают данное влияние. В то же время практически половина опрошенных подтвердила, что обычно глубже погружается в работу, когда возникают трудности в личной жизни, а треть респондентов признали, что личные проблемы усугубляют восприятие дел на работе и им трудно сосредоточиться на рабочих вопросах (см. табл. 2).

Исследование показало также, что респонденты, которые не имеют баланса работы и личной жизни в отличие от тех, кто достиг жизненного баланса, значимо чаще соглашались с двумя высказываниями из предложенного перечня, а именно: «работа не оставляет мне времени для личной жизни» и «возникающие на работе трудности в итоге отражаются на состоянии дел в моей личной жизни» (см. табл. 3).

Таблица 2 (Table 2)

Отношение к проблемам на работе и в личной жизни, %
Attitude to problems at work and in personal life, %

Степень согласия с утверждениями о работе и личной жизни	Полностью и скорее согласен	Частично согласен, частично не согласен	Полностью и скорее не согласен
Дома я отдыхаю от работы	63	21	16
Когда у меня проблемы в личной жизни, уделяю больше внимания работе, так как работа позволяет отвлечься от мыслей о личной жизни	49	25	26
Возникающие на работе трудности в итоге отражаются на состоянии дел в моей личной жизни	34	20	46
Работа не оставляет мне времени для личной жизни	32	37	31
Дома мне трудно отвлечься от мыслей о работе	31	31	38
Когда у меня проблемы в личной жизни, мне сложнее сосредоточиться на работе	30	23	47
Личная жизнь не позволяет уделять достаточно сил и внимания моей работе	2	8	90

Таблица 3 (Table 3)

Восприятие работы и личной жизни, %
Perception of work and personal life, %

Степень согласия с утверждениями о работе и личной жизни	Баланс работы и личной жизни	
	Да	Нет
Работа не оставляет мне времени для личной жизни*		
Согласен	14	48
Частично согласен, частично не согласен	35	39
Не согласен	51	13
Возникающие на работе трудности в итоге отражаются на состоянии дел в моей личной жизни**		
Согласен	18	48
Частично согласен, частично не согласен	17	23
Не согласен	65	29

Примечания. * $\chi^2 = 22,163$, $df = 2$, $p < 0,000$.

** $\chi^2 = 15,124$, $df = 2$, $p < 0,001$.

В рамках анализа социально-демографических отличий было выявлено, что мужчинам сложнее сосредоточиться на работе, когда возникают трудности в личной жизни. С данным утверждением согласилось 40% мужчин и 22% женщин ($\chi^2 = 6,067$, $df = 2$, $p = 0,04$).

Следует отметить, что для абсолютного большинства опрошенных государственных служащих актуальна проблема переработок. Практически 90% респондентов сталкивались с необходимостью задерживаться на работе после окончания рабочего дня. Как показывают данные, переработки в основном опосредованы институциональными причинами. По словам большинства участников опроса, вечером часто появляются задачи, которые необходимо оперативно выполнить к завтрашнему дню (57%). Более трети респондентов (36%) остаются после окончания рабочего дня, так как в течение дня есть время для решения срочных задач и только вечером появляется возможность выполнения текущих (плановых) задач. Среди опрошенных 3% остаются после завершения рабочего дня, потому что не успевают сделать всю работу за день, еще реже встречался ответ, что нет желания идти домой (1%).

Учитывая, что задержки на работе довольно распространены, следует обратить внимание на субъективную оценку имеющихся временных ресурсов, выделенных на повседневную личную жизнь. Уточним, что в данном исследовании личная жизнь была сегментирована на следующие сферы: семья, дружеские отношения, досуг и отдых, здоровье и спорт, образование и саморазвитие, красота и уход за собой. Выделенные области репрезентируют многоаспектность трудовых и личностных требований и обязанностей человека, который вовлечен в широкомасштабный спектр повседневных практик: труд, семья, досуг, спорт, здоровье, уход за своей внешностью и т. д.

Полученные материалы демонстрируют, что во всех аспектах личной жизни более половины опрошенных государственных гражданских служащих испытывают нехватку времени. Причем наиболее остро ощущается дефицит времени на досуг и отдых (74% недостаточно и скорее недостаточно времени), здоровье и спорт (73% недостаточно и скорее недостаточно времени), образование и саморазвитие (71% недостаточно и скорее недостаточно). Чуть в меньшей мере проблема нехватки временных ресурсов выражена в таких сферах, как отношения с друзьями (57% недостаточно и скорее недостаточно времени), уход за собой и семья (соответственно, 56 и 55% недостаточно и скорее недостаточно времени).

Следует отметить, что в группе государственных служащих, испытывающих отсутствие баланса работы и личной жизни, особенно выражена проблема ограниченности временных ресурсов на все сферы жизни, которые относятся к личным (см. табл. 4).

Анализ половозрастных и социально-профессиональных характеристик выявил статистически значимые отличия в ответах респондентов в зависимости от семейного положения и наличия детей. Сотрудники, у которых есть семья и дети чаще подчеркивали, что нуждаются в дополнительном времени на личную жизнь. В частности, среди людей, которые

состоят в зарегистрированном или гражданском браке, 87% ответили, что времени недостаточно и скорее недостаточно на отдых, в то время как в когорте, одиноких (проживающих без партнера), данная доля составила 58% ($\chi^2 = 9,77$, $df = 1$, $p = 0,001$). Перекос в бюджете времени семейных пар также не позволяет уделять достаточно времени для дружеских отношений и поддержания красоты. Так, 73% респондентов, проживающих с партнером, признали, что им не хватает времени на общение с друзьями, а среди тех, кто проживает без партнера, данный показатель достиг 36% ($\chi^2 = 13,48$, $df = 1$, $p < 0,000$). На то, что не хватает времени на уход за собой указали 65% респондентов, имеющих партнера, и 42%, проживающих самостоятельно в одиночестве ($\chi^2 = 4,51$, $df = 1$, $p = 0,033$).

Таблица 4 (Table 4)

Субъективная оценка временных ресурсов, %
Subjective assessment of time resources, %

Испытываете ли Вы недостаток времени в следующих сферах жизни?	Баланс работы и личной жизни	
	Да	Нет
Семья*		
Времени достаточно\скорее достаточно	71	20
Времени недостаточно\скорее недостаточно	29	80
Дружеские отношения**		
Времени достаточно\скорее достаточно	65	23
Времени недостаточно\ скорее недостаточно	35	77
Досуг и отдых***		
Времени достаточно\скорее достаточно	41	13
Времени недостаточно\ скорее недостаточно	59	87
Образование, саморазвитие****		
Времени достаточно\скорее достаточно	41	18
Времени недостаточно\ скорее недостаточно	59	82
Здоровье и спорт****		
Времени достаточно\скорее достаточно	37	18
Времени недостаточно\ скорее недостаточно	63	82
Красота и уход за собой*****		
Времени достаточно\скорее достаточно	59	32
Времени недостаточно\ скорее недостаточно	41	68

Примечания. * $\chi^2 = 26,4$, $df = 1$, $p < 0,000$.

** $\chi^2 = 17,22$, $df = 1$, $p < 0,000$.

*** $\chi^2 = 9,53$, $df = 1$, $p = 0,002$.

**** $\chi^2 = 3,84$, $df = 1$, $p = 0,017$.

***** $\chi^2 = 4,762$, $df = 1$, $p = 0,049$.

***** $\chi^2 = 6,67$, $df = 1$, $p = 0,009$.

Мужчины и женщины, у которых есть дети, чаще, чем бездетные, указывали на то, что не располагают достаточным временем на досуг и отдых (87 и 67%, соответственно) ($\chi^2 = 3,93$, $df = 1$, $p = 0,047$), семью (76 и 45%) ($\chi^2 = 8,56$, $df = 1$, $p = 0,003$), встречи с друзьями (74 и 48%) ($\chi^2 = 5,63$, $df = 1$, $p = 0,017$), красоту и уход за собой (71 и 46%) ($\chi^2 = 5,06$, $df = 1$, $p = 0,024$).

Важным индикатором баланса работы и личной жизни является уровень удовлетворенности различными аспектами частной жизни. В ходе исследования было выявлено, что респонденты больше всего удовлетворены отношениями в семье (61% полностью или скорее удовлетворены) и работой (53%). В меньшей мере опрошенные удовлетворены общением с друзьями (45%), возможностью поддерживать красоту (40%), заниматься образованием и саморазвитием (34%). Самый низкий уровень удовлетворенности фиксируется в оценке таких сфер жизни, как спорт и здоровье (25%), досуг и отдых (21%).

Анализ статистически значимых отличий в выделенных когортах респондентов показал, что уровень удовлетворенности варьируется в группах, дифференцируемых по показателям баланса работы и личной жизни. Сотрудники, которые отмечают наличие баланса работы и личной жизни, имеют более высокий уровень удовлетворенности различными сторонами частной жизни, чем представители другой группы. Среди тех, кто не достиг баланса работы и личной жизни, нет даже половины опрошенных, которые удовлетворены хотя бы одной из составляющей личной жизни (табл. 5). Стоит также отметить, что оценки уровня удовлетворенности статистически значимо не отличаются только в одном случае – это здоровье и спорт.

В результате анализа социально-демографических кластеров было выявлено, что мужчины гораздо больше, чем женщины, не удовлетворены возможностью заниматься уходом за собой (47 и 18%) ($\chi^2 = 10,5$, $df = 2$, $p = 0,005$). Респонденты без партнера чаще, чем проживающие в паре, отвечали, что не удовлетворены семьей (29 и 5%) ($\chi^2 = 11,6$, $df = 2$, $p = 0,003$). Напротив, те, кто проживает с партнером больше, чем одинокие, не удовлетворены дружескими отношениями (28 и 11%) ($\chi^2 = 12,7$, $df = 2$, $p = 0,001$). Вполне предсказуемы и другие результаты. В частности, респонденты без детей, чаще, чем их коллеги с детьми, отмечали, что удовлетворены отдыхом (28 и 8%) ($\chi^2 = 6,62$, $df = 2$, $p = 0,03$), дружескими отношениями (61 и 16%) ($\chi^2 = 20,26$, $df = 2$, $p < 0,000$), возможностью заниматься красотой (46 и 28%) ($\chi^2 = 6,76$, $df = 2$, $p = 0,03$).

Итак, эмпирически подтверждается, что чувство несбалансированности жизненных сфер чаще сопряжено с чувством неудовлетворенности различными аспектами повседневной жизни. Но смогут ли решить проблемы дисбаланса изменение режима труда и распространение практик удаленной работы? Рефлексию респондентов над этими вопросами раскрывают данные интервьюирования.

Таблица 5 (Table 5)

Удовлетворенность различными сферами жизни, %
Satisfaction with different spheres of life, %

Насколько Вы удовлетворены положением дел в каждой сфере?	Баланс работы и личной жизни	
	Да	Нет
Семья*		
Полностью/ скорее удовлетворены	82	43
Частично удовлетворены, частично не удовлетворены	8	37
Полностью/ скорее не удовлетворены	10	20
Работа**		
Удовлетворен	67	41
Частично удовлетворен, частично не удовлетворен	21	43
Не удовлетворен	12	16
Досуг и отдых ***		
Удовлетворен	39	5
Частично удовлетворен, частично не удовлетворен	47	50
Не удовлетворен	14	45
Дружеские отношения****		
Удовлетворен	61	30
Частично удовлетворен, частично не удовлетворен	27	41
Не удовлетворен	12	29
Образование и саморазвитие*****		
Удовлетворен	47	23
Частично удовлетворен, частично не удовлетворен	33	27
Не удовлетворен	20	50
Красота и уход за собой*****		
Удовлетворен	49	32
Частично удовлетворен, частично не удовлетворен	33	27
Не удовлетворен	18	41

Примечания. * $\chi^2 = 17,42$, $df = 2$, $p < 0,000$.

** $\chi^2 = 7,71$, $df = 2$, $p = 0,021$.

*** $\chi^2 = 21,88$, $df = 2$, $p < 0,000$.

**** $\chi^2 = 10,49$, $df = 2$, $p = 0,005$.

***** $\chi^2 = 10,92$, $df = 2$, $p = 0,004$.

***** $\chi^2 = 6,58$, $df = 2$, $p = 0,037$.

Как достичь баланса работы и личной жизни?

Принимая во внимание распространенность переработок на государственной службе, мы попросили респондентов определить наиболее оптимальное, с их точки зрения, количество рабочих часов в день и рабочих дней в неделю. Интересно то, что все участники интервью поддерживают стандартный режим рабочего дня и никто не предложил его сокращение: *«Существует норма восемь часов, в принципе было бы идеально приходить на работу в девять утра и уходить в шесть вечера»* (жен., 49 лет, замужем, начальник отдела)¹.

В рамках интервью обсуждались возможные инициативы по изменению режима рабочего графика в целях решения проблем баланса работы и личной жизни. Выяснялось мнение респондентов о концепции четырехдневной рабочей недели, которая получила неоднозначный отклик. С одной стороны, в ходе интервью встречались положительные отношения: *«Очень позитивно оцениваю данную инициативу, мне кажется это значительно может помочь решить проблему баланса работы и личной жизни, и это возможно реализовать на государственной службе»* (жен., 35 лет, замужем, заместитель начальника отдела). С другой стороны, проявилось сомнение в целесообразности данной идеи. Опасения прежде всего вызывают сокращение зарплат, либо фактическое превращение выходных дней в рабочие: *«Нет, потому что сокращение рабочей недели, значит сокращение зарплат. Чудес не бывает. Тогда времени на личную жизнь будет завалиться, но при этом средств на нее не будет, и баланса также не будет»* (жен., 49 лет, замужем, начальник отдела); *«Я считаю, что инициатива нерабочая, потому что, как правило, объем работы достаточно большой даже для пяти дней. Если перейти на четырехдневную рабочую неделю, это не будет означать, что будет три выходных, это будет означать, что придется в какой-то из дней выходить на работу, что, соответственно, потребует дополнительной оплаты труда со стороны работодателя»* (муж., 38 лет, холост, советник).

Многие респонденты признавали, что это достаточно спорное решение, потому что важно учитывать особенности распределения рабочей нагрузки и возможные негативные эффекты для экономики: *«С точки зрения самого работника, это супер, когда у тебя четыре рабочих, три выходных, ты реально успеваешь отдохнуть от работы. С точки зрения работодателя, скорее, это неправильно, потому что все-таки бюрократия на госслужбе присутствует, несмотря на перевод в электронный вид. И бывает, что какие-то решения принимаются достаточно долго. В выходные мало кто из руководителей смотрит документы, поэтому принятие решений растянется по времени еще больше. Плюс во многом это зависит от работоспособности сотрудника, от степени его нагрузки. Поэтому переход на четырехдневную рабочую неделю, скорее всего, негативно скажется на экономике»* (жен., 28 лет, не замужем, ведущий советник).

¹ Цитаты из интервью приведены с указанием обезличенных сведений о респонденте.

Материалы интервью репрезентируют неоднородность мнений респондентов об эффективности внедрения практик удаленной работы как меры, способной решить проблемы баланса работы и личной жизни. Респонденты, которые имели опыт дистанционной (онлайн) работы говорили о размывании границ рабочего и личного времени, что усугубляет конфликт между разными областями жизни: *«Наша работа – оперативная, не стратегическая, поэтому нужно определенное реагирование. То есть ты там открыл компьютер и закрыл его ближе к 24:00. Поэтому удаленно ты работаешь намного больше. У тебя намного меньше возможностей для каких-то привычных вещей. Удаленно достигать баланса работы и личной жизни нереально»* (жен., 33 года, не замужем, референт).

Сложности удаленной работы связаны не только с нарушением временных интервалов, но и с размыванием рабочего пространства: *«Сложно ориентироваться, когда ты сидишь на удаленке, потому что не понимаешь, сидя дома, что происходит в офисе: обстановку не чувствуешь, что-то нужно срочно, что-то важное»* (жен., 33 года, не замужем, заместитель начальника отдела).

Одна из участниц интервью поддержала гибридный формат, *«... потому что все коллеги рядом, все под рукой. Ты всегда можешь посмотреть на месте они или не на месте, спросить совета. Тебе не нужно вспоминать, кто, что, зачем, почему? Но при этом, когда какие-нибудь, например, проблемы со здоровьем, плохо себя чувствуешь, и ты понимаешь, что пока ты будешь ехать в общественном транспорте, мало того, что ты заразишь остальных, но вместе с тем симптомов недостаточно для того, чтобы пойти на больничный, во-первых. Во-вторых, выходить на больничный крайне невыгодно. И при гибридном в формате ты мог бы остаться дома и работать из дома, делать какие-то функции»* (жен., 34 года, не замужем, главный эксперт).

Следует отметить, что услышанные в ходе интервью мнения подталкивают к выводу о сложности разработки мер по решению проблем дисбаланса между работой и личной жизнью. Довольно неоднозначный отклик вызывают инициативы по изменению институциональных условий труда, что показывает необходимость дополнительных исследований и экспертных обсуждений.

Заключение

На основе проведенного социологического исследования были сделаны определенные выводы об особенностях и сложностях сбалансированного сочетания занятости и личной жизни государственных гражданских служащих. Как показало исследование, в определении опрошенных работников государственной службы концепт баланса работы и личной жизни чаще всего раскрывается через такие понятия, как «время», «возможность», «семья», «часть», «мешать», «выходной», «самореализация». В некоторых случаях для описания баланса использовалась метафора дисбаланса, что симптоматично отражает жизнь в резонансе важнейших ее составляющих.

Трудности гармонизации основных сфер повседневной жизни осознаются большинством опрошенных. Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины опрошенных государственных служащих не ощущают баланса работы и личной жизни. Следует отметить, что дифференциация респондентов по признаку наличия баланса не показала значимых социально-демографических отличий выделенных групп. Надо признать, что выводы об однородности социально-демографического портрета выделенных нами когорт актуальны только для имеющейся выборочной совокупности. Тем не менее в рамках данной выборки было выявлено, что показатели баланса тесно сопряжены с отношением к профессиональному труду, удовлетворенностью различными сферами личной жизни и восприятием бюджета времени. Собственно, ответы респондентов свидетельствуют об определенном давлении рабочей сферы на личную жизнь. Чуть более трети опрошенных государственных служащих признают, что им довольно трудно в домашних условиях отвлечься от рабочих вопросов и возникающие на работе проблемы отражаются на состоянии дел в личной жизни. Сквозь призму субъективных оценок также высвечиваются перекосы в распределении времени на различные жизненные потребности. Ни в одной из выделенных сфер частной жизни респонденты не располагают достаточным временем. Нарушение границ рабочего и личного во многом связано с тем, что государственные гражданские служащие вынуждены перерабатывать. Основные причины переработок связаны со спецификой организации рабочего процесса, что требует обратить внимание на институциональные факторы. Проблему нехватки времени дополняет низкий уровень удовлетворенности такими сферами жизни, как образование, здоровье и отдых.

Результаты интервью показали, что изменение рабочего режима и введение дистанционного формата труда воспринимается неоднозначно. Это связано с опасениями неформального нарушения рамок рабочего времени, когда придется работать после окончания рабочего дня и в выходные. Тревогу также вызывают сложности соблюдения границ личного и рабочего времени вне институциональных организационных условий.

Следует отметить, что перевод работников на дистанционный формат работы может иметь экономические и социально-психологические эффекты. С одной стороны, работодателю экономически выгодно переводить работников на дистанционный формат работы. Особенно в условиях непрекращающегося экономического кризиса, роста цен и беспрецедентного санкционного давления. Многие госструктуры арендуют офисные помещения, а если даже не арендуют, то расходуют огромные средства на их содержание и эксплуатацию. Временно свободные площади можно было бы сдавать с целью пополнения бюджета и сокращения его дефицита. С другой стороны, внимательный анализ проведенных нами интервью наводит на мысли о том, что нововведения, направленные на реорганизацию рабочего режима, могут иметь противоположный эффект, связанный с размыванием границ рабочего и личного времени и пространства, поэтому предварительно следует разобраться в процессуальных особенностях работы. В каче-

стве возможных мер, направленных на решение проблем баланса работы и частной жизни у сотрудников ведомств, можно предложить предоставить им право выбора режима работы и обеспечить эффективную организацию коммуникаций и контроля в дистанционном формате рабочего процесса.

Полученные результаты могут послужить полезным материалом для исследовательской практики в области изучения баланса работы и личной жизни как самостоятельного феномена, а также для решения прикладных задач кадровой политики в сфере государственной гражданской службы. Представляя для ознакомления заинтересованных специалистов полученные данные и выводы, стоит отметить, что вопросы теории и практики государственной службы на общероссийском уровне могут потребовать более обширных и масштабных исследований. С опорой на апробированный инструментарий возможно расширить зону исследовательского внимания и охватить не только государственных служащих, проживающих в условиях столичного региона, но и их коллег в малых городах. Помимо этого, материалы исследования открыли следующие направления для дальнейших разработок. В частности, не хватает дополнительных интервью, которые позволили бы узнать мнение людей с разным семейным положением, представителей старшего и младшего поколения, занимающих как руководящие, так и исполнительные должности на государственной службе, и это служит стимулом для будущих изысканий в данной предметной области.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Баланс работы и личной жизни и источники стресса научно-педагогических работников российских исследовательских университетов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 8–26. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.02; EDN: GCGIOW.
2. Байтеряков С. В., Барышникова А. В. и др. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / Под ред. М. С. Шклярчук. М.: СП РФ, ЦПУР, 2021. 118 с.
3. Зверева И. А. Что необходимо для развития российской государственной службы? Круглый стол. 24.03.2022 // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 7–33. EDN: KJNMZE.
4. Исупова О. Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 103–121. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.07; EDN: UXSZJX.
5. Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 69–88. DOI: 10.14515/monitoring.2016.6.05; EDN: YORVMB.

6. Моспан А. Н., Осин Е. Н. и др. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 8–29. EDN: XCHDQD.
7. Панова Е. А., Опарина Н. Н. Российская государственная гражданская служба: достижения и тенденции развития кадровой политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 305–324. EDN: DLELIS.
8. Рождественская Е. Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454. EDN: OOWZRH.
9. Тартаковская И. Н. Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 163–167 DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.10; EDN: DQKKJV.
10. Штроо В. А., Кольцова Е. А. Work Life Balance, или есть ли жизнь после работы // Психология в экономике и управлении. 2012. № 2. С. 30–37. EDN: SFBUZP.
11. Brown P. Promoting Work/Life Balance in a «Hurry Culture»: Issues and Challenges. Professorial Lecture. Griffith University. 2004. URL: <https://research-repository.griffith.edu.au/handle/10072/368662> (дата обращения: 12.01.2022).
12. Frone M. R. Work-Family Balance // Quick J. C., Tetrick L. E. (eds) Handbook of Occupational Health Psychology. Washington, DC: American Psychological Association, 2003. P. 162–143. DOI: 10.1037/10474-007.
13. Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. The relation between work-family balance and quality of life // Journal of Vocational Behavior. 2003. Vol. 63 (3). P. 510-531 DOI: 10.1016/S0001-8791(02)00042-8.
14. Guest D. E. Perspectives on the study of work-life balance // Social Science Information. 2002. Vol. 41(2). P. 255–279. DOI: 10.1177/0539018402041002005.
15. Haar J. M., Russo M. et al. Outcomes of work–life balance on job satisfaction, life satisfaction and mental health: a study across seven cultures // Journal of Vocational Behavior. 2014. No. 85. P. 361–373. DOI: 10.1016/j.jvb.2014.08.010.
16. Zedeck S., Mosier K. L. Work in the family and employing organization // American Psychologist. 1990. Vol. 45(2). P. 240–251. DOI: 10.1037//0003-066x.45.2.240.

Получено редакцией: 07.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пинчук Антонина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Тихомиров Дмитрий Андреевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Куликова Анна Андреевна, студент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.8

Balance of Work and Personal Life in the Perception of Civil Servants of the Metropolitan MeGalopolis

Antonina N. Pinchuk

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

antonina.pinchuk27@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7842-7141

Dmitry A. Tikhomirov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

dat1983@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-1872-6788

Anna A. Kulikova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
akulikova53@gmail.com

For citation: Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Kulikova A. A. Balance of work and personal life in the perception of civil servants of the metropolitan megalopolis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 143–164. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.8; EDN: HSVFRJ.

Abstract. The article presents the results of a sociological study to identify the peculiarities of the perception of work-life balance by modern civil servants of the metropolitan megalopolis. As the empirical basis the materials of questionnaires and interviewing carried out by the authors in 2022 in several ministries of the city of Moscow were used. Using modern methods of textual data analysis, the authors visualise with the help of a word cloud the answers of respondents to an open-ended question about their subjective understanding of work-life balance. Such terms as “time”, “opportunity” and “family” prevail in the interpretation of the interviewed civil servants, that allows to find out what meaning civil servants put into the concept of work-life balance. Thus, being a subjective phenomenon, this concept is primarily associated with the proportional distribution of time for family and work. Based on the results of the questionnaire survey, the authors distinguish two groups of civil servants who do and do not experience a sense of work-life balance and analyse their socio-demographic characteristics, life priorities, attitude to work, assessments of time resources and level of satisfaction with various life spheres. Representing subjective assessments, the authors note that just over half of the civil service employees surveyed do not experience work-life balance. Statistical analysis showed that the selected groups do not have significant socio-demographic differences. It was also found that civil servants, who differently assess the presence of work-life balance, do not differ significantly in determining the leading life priorities, putting family and work in the foreground. However, statistically significant links were found between subjective indicators of work-life balance and peculiarities of differentiation of work and personal problems, assessment of sufficiency of time for everyday practices and satisfaction with private life. It was found that the state of imbalance is more characteristic of people who note the influence of work on personal affairs, experience a lack of time for everyday private life and are not satisfied with its main components. The interviewing focused on a group of external factors that relate to the conditions of employment, which is important to consider in matters of personnel policy and work organisation in the public service. The obtained materials allowed to consider the existing working regime from the point of view of civil servants, to discuss initiatives for its improvement, opportunities and limitations of remote work.

Keywords: work-life balance, civil servants, subjective indicators, objective indicators

References

1. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentiev E. A. Work-life balance and sources of stress for the academic staff in Russian research universities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019: 3: 8–26 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.02; EDN: GCGIOW.
2. Bayteryakovo S. V., Baryshnikova A. V. et al. Personnel Policy in Public Service: Current Problems and Required Changes. Ed. by M. S. Shklyaruk. Moscow, SP RF, CPUR, 2021: 118 (in Russ.).
3. Zvereva I. A. What is Necessary for the Development of the Russian Public Service? Round Table. 24.03.2022. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 2022: 2: 7–33 (in Russ.). EDN: KJNMZE.
4. Isupova O. G. Work-life balance among police women in Vologda oblast. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019: 3: 103–121 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.07; EDN: UXSZXJ.
5. Isupova O. G., Utkina V. V. Women in the civil service in Russia: career, family, reproductive intentions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2016: 6: 69–88 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2016.6.05; EDN: YORVMB.
6. Mospan A. N., Osin E. N. et al. Work–life balance in Russian production enterprise employees. *Organizacionnaya psixologiya*, 2016: 6: 2: 8–29 (in Russ.). EDN: XCHDQD.
7. Panova E. A., Oparina N. N. Russian State Civil Service: Achievements and Trends in Human Resources Policy. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 2019: 73: 305–324 (in Russ.). EDN: DLELIS.
8. Rozhdestvenskaya E. YU. Konceptiya balansa zhizni i truda: uroki evropejskoj social'noj politiki i rossijskie perspektivy [The Concept of Work-life balance: Lessons from European Social Policy and Russian Perspectives]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2011: 9: 4: 439–454 (in Russ.). EDN: OOWZRH.
9. Tartakovskaya I. N. Precarious employment and worklife balance: gender aspects. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019: 3: 163–167 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.10; EDN: DQKKJV.
10. Stroh V. A., Koltsova E. A. Work Life Balance, or is there life after work? *Psihologiya v ekonomike i upravlenii*, 2012: 2: 30–37 (in Russ.). EDN: SFBUZP.
11. Brown P. Promoting Work/Life Balance in a «Hurry Culture»: Issues and Challenges. Professorial Lecture. Griffith University. 2004. Accessed 12.01.2022. URL: <https://research-repository.griffith.edu.au/handle/10072/368662>
12. Frone M. R. Work-Family Balance. In Quick J. C., Tetrick L. E. (eds) Handbook of Occupational Health Psychology. Washington, DC, American Psychological Association, 2003: 162–143. DOI: 10.1037/10474-007.
13. Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*, 2003: 63(3): 510–531. DOI: 10.1016/S0001-8791(02)00042-8.
14. Guest D. E. Perspectives on the study of work-life balance. *Social Science Information*, 2002: 41(2): 255–279. DOI: 10.1177/0539018402041002005.
15. Haar J. M., Russo M. et al. Outcomes of work–life balance on job satisfaction, life satisfaction and mental health: a study across seven cultures. *Journal of Vocational Behavior*, 2014: 85: 361–373. DOI: 10.1016/j.jvb.2014.08.010.
16. Zedeck S., Mosier K. L. Work in the family and employing organization. *American Psychologist*, 1990: 45(2): 240–251. DOI: 10.1037//0003-066x.45.2.240.

The article was submitted on: June 7, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonina N. Pinchuk, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS
Dmitry A. Tikhomirov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS
Anna A. Kulikova, student, Plekhanov Russian University of Economics

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖАЩИЕ В МЕГАПОЛИСАХ И ЛОКАЛЬНОСТЯХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9
EDN: KXGAVF

Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов

Ссылка для цитирования: *Чирикова А. Е.* Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

For citation: Chirikova A. E. Power in small Russian cities: managerial problems and motivation of actors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

Чирикова Алла Евгеньевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

chirikova_a@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 474352

Аннотация. В данной статье представлен анализ российской муниципальной власти на примере малых российских городов. Анализ опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного при участии автора в шести малых городах в Пермского края, Ивановской и Тамбовской областей. Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе было проведено 69 глубинных интервью с представителями локальных и региональных элит и экспертами (2012–2015 гг.). На втором этапе в 2018–2020 гг. было проведено 64 интервью, в том числе с теми же респондентами, кто был проинтервьюирован на первом этапе. В 2023 г. были проведены дополнительно несколько интервью с экспертами в городе Пермского края в связи с резко изменившейся ситуацией.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что проблемное поле малых городов за прошедшие годы изменилось не столь значительно. До сих пор проблемы концентрируются вокруг темы ухудшающегося социально-экономического положения, налогов и кадрового дефицита. В тоже время управленческие проблемы власти нарастают в связи с дефицитом кадров в малых городах, управленческой слабостью некоторых глав малых городов. Среди новых проблем – пандемия, недостаточное число лидеров в корпусе муниципальных руководителей, последствия СВО. Анализ мотивационного профиля глав муниципальных образований и их команд показал, что за последние годы у глав городов повысился уровень мотивации и эффективность управления. Запрос элит и населения к власти значительно усилился, что не могло не отразиться на внутренней мотивации акторов. Эмпирическое исследование на примере одного моногорода позволило убедиться в том,

что малый город при всех ресурсных и иных ограничениях вполне может развиваться, если сформирована партнерская модель взаимодействия между местной властью и стратегическими лидерами крупной компании. Однако и она не всегда гарантирует, что достигнутая эффективность взаимодействия власти и бизнеса останется без изменений, если в систему отношений двух акторов вмешивается федеральная власть.

Ключевые слова: власть, Россия, малые города, мотивация акторов, лидерство

Введение

Муниципальная власть в России, ее структура и ключевые акторы уже на протяжении как минимум двух десятилетий являются предметом анализа и академических дискуссий, в которых участвуют экономисты, социологи, политологи, географы. Анализ опирается на результаты теоретических и эмпирических исследований по широкому кругу проблем социальных наук.

Впервые вопросы исследования власти в локальных сообществах были поставлены в работах западных исследователей более 30 лет назад. Наиболее известными исследователями в этой области являются Р. Даль, Ф. Нантер, К. Стоун и др. [23; 25; 26; 27; 28; 29].

В России исследования власти в городах и других муниципальных образованиях начались значительно позднее. В центре внимания российских исследователей находились теоретические подходы к изучению власти, представленные в работах таких известных исследователей как А. В. Дахин, В. Г. Ледяев, Р. Ф. Туровский, [6; 8; 9; 10; 11; 13; 16; 20] и др. Отдельно в работах российских исследователей рассматривались проблемы городских сообществ, в том числе малых городов. Достаточно вспомнить широко известные работы по изучению властных практик в малых российских городах таких исследователей как Т. Б. Витковская и О. В. Рябова, А. Е. Чирикова и В. Г. Ледяев [20; 21] и др. Часть работ российских авторов посвящена формированию городских режимов в локальных сообществах и представлена работами В. Я. Гельмана и С. И. Рыженкова, Р. Ф. Туровского, Ю. А. Пустовойта, Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой [3; 15; 18; 20] и др. Особое внимание исследователями уделено реформам местного самоуправления. Достаточно вспомнить широко известные работы санкт-петербургских и пермских исследователей В. С. Гельмана, С. И. Рыженкова, Е. В. Белокуровой и Н. В. Борисовой [4; 5] и др. Также в работах Р. Ф. Туровского и О. С. Васеленко [17], О. А. Моляренко [12], М. Ф. Черныша, В. В. Маркина [10; 11] подробно рассматривается общее проблемное поле, в том числе управленческое, малых городов [17] и др.

Однако уровень изученности темы остается явно недостаточным: исследования редко опираются на интервью с наиболее влиятельными акторами (которые резонно считаются наиболее важным каналом получения

информации о властных практиках) и обычно не охватывают пространство малых городов. Представленное нами исследование призвано восполнить этот пробел.

При описании, анализе и объяснении властных практик мы используем традиционную концепцию власти как способности и возможности субъекта навязать волю объекту («власть над», которая подробно рассматривается в работах В. Г. Ледяева [9]). В качестве субъектов власти в нашем исследовании рассматриваются ключевые индивидуальные и коллективные акторы локальной политики, понимаемой нами как местная политика, или политика на уровне мест. Субъекты власти имеют различный потенциал влияния друг на друга и на других акторов. Осознаваемые ими проблемы власти, как и взаимоотношения с другими ключевыми акторами, в том числе управленческие, представляют собой открытый список и во многом зависят от их внутренней мотивации. Поэтому в данном случае резонно говорить о «субъективной картине проблем», как она представляется ключевым субъектам, а не об объективном существовании таковых. Хотя нельзя не признать, что конструирование проблемного поля ключевыми субъектами властной и экономической политики во многих случаях совпадает с их объективным присутствием в малых городах.

Характер взаимоотношений между акторами во многом определяется тем набором ресурсов власти, которыми они обладают и используют для позиционирования в отношениях друг с другом. Отношения власти и влияния вариативны и репрезентируются через широкий спектр паттернов – от грубой силы и открытого принуждения, до мягких форм влияния и тонких манипуляций, не осознаваемых объектом [9].

Наличие значительного количества трудов, посвященных муниципальной власти в России, не означает, что тема исчерпана и все ее проблемные вопросы решены. Происходящие в социуме изменения и новые факторы, существенно влияющие на деятельность муниципальных властей, требуют постоянной коррекции наших представлений о том, как работает институт местного самоуправления и какие тенденции наблюдаются в данной сфере. В настоящей статье, посвященной проблемам муниципальной власти и мотивации акторов, представлены два основных сюжета, связанных с происходящими в муниципальной власти изменениями, восприятием проблемной ситуации локальными элитами и мотивациями глав муниципальных образований и их команд как ресурсами для развития малых городов. Основной вопрос, на который мы попытаемся дать ответ: возможны ли в существующих условиях позитивные перемены в деятельности муниципальных властей.

Эмпирическая база и методы исследования

Наш анализ опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного в шести малых городах в Пермском крае (X, Y, G), Ивановской (Z, C) и Тамбовской (A) областях, названия которых не раскрываются по просьбе респондентов. Исследование проводилось в два этапа.

Выбор конкретных городов для исследования был во многом обусловлен их относительной доступностью для проведения исследования. Все города – административные центры, имеют сравнительно сопоставимую численность населения (41–80 тыс. жителей) и зависят от региональных и федеральных трансфертов, то есть, являются городами-реципиентами, за исключением города G, что типично для малых российских городов. Два из исследованных городов (Y и G) – моногорода. Город Y ко второму этапу исследования резко снизил свой социально-экономический потенциал, фактически стал неинтересен региональной власти и лишился поддержки своих проектов на региональном уровне. Город G напротив, ко второму этапу исследования, нарастил свой экономический потенциал, а градообразующая компания и местная власть сформировали к этому времени партнерскую модель взаимодействия, ее ключевые фигуры продвинулись в состав областной Думы и периодически получали поддержку своих проектов на региональном уровне.

Всего нами было проведено 133 глубинных интервью с деятелями локальной политики и экономики. Интервьюируемыми были ключевые фигуры городской политики и бизнеса: региональные руководители (10), действующие и бывшие главы городов (14), заместители глав малых городов (12), руководители управлений исполнительной власти, включая пресс-секретарей (16), председатели городских дум и советов (9), депутаты (16), бизнесмены и директора предприятий (26), главные редакторы местных газет и телевидения, журналисты (8), лидеры местных партийных организаций (12), эксперты (10)¹.

Методы исследования

Для выявления наиболее влиятельных акторов в малых российских городах мы использовали некоторую упрощенную комбинацию классических методов.

С помощью позиционного метода определялся приблизительный круг потенциально влиятельных лиц и список будущих респондентов. Как правило, нам удавалось получить к ним доступ с помощью наших связей в руководстве субъектов РФ, в которых проводилось исследование. В ходе интервью с очевидными позиционными лидерами сообществ выяснялась информация и о властной репутации акторов, и об их роли в принятии политических решений.

Репутационный индикатор, пожалуй, оказался наиболее весомым при объяснении структуры власти в малых городах, тем более что практически все упоминаемые в интервью персонажи и выступали в качестве респондентов (экспертов).

¹ При выборе фигур для интервью мы ориентировались на наиболее влиятельных акторов, представляющих структуры публичной власти и бизнеса. Остальные участники исследования, например, эксперты и журналисты привлекались как лица, способные оценить ситуацию «извне». Руководители партий были включены в выборку по той простой причине, что весьма часто тонкие вопросы власти обсуждаются именно на партийных заседаниях, на которых, нередко, присутствуют главы городов.

Метод интервью, с помощью которого было проведено данное исследование, оказался наиболее эффективным для получения интересующей нас информации для последующих аналитических выводов. Получение информации через глубинные интервью – доминирующий тренд в изучении локальной политики, а изучение кейсов – наиболее популярный метод исследования [22; 30]. Изучение кейсов не может рассматриваться как «репрезентативное» для анализа властных отношений в российских городах, но оно дает материал, позволяющий делать более широкие обобщения. Материалы, полученные в ходе интервью, на последующих этапах подвергались нами тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки, в зависимости от полученной от респондентов информации и целей исследования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально-одобряемых ответов респондентов, за счет уточняющих и углубленных вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных эспектаций.

Управленческие проблемы муниципальной власти вчера и сегодня: оценки локальных акторов

Результаты исследования показали, что комплекс проблем малых городов 5–8 лет назад и сегодня остался практически неизменным, за исключением пандемии и СВО. Самое главное, что подчеркивают представители городских элит, – это отсутствие у муниципальных властей ресурсов развития, финансовых и кадровых.

Среди наиболее часто формулируемых респондентами проблем во всех городах как вчера, так и сегодня остается проблема перераспределения налоговых источников пополнения бюджета. Сегодня муниципалитеты большую часть собираемых средств отдают наверх, тратя оставшиеся ресурсы на выполнение соцобязательств и лишаясь возможности развиваться. Именно поэтому одного НДФЛ, по их мнению, явно недостаточно для реализации стратегии развития муниципалитетов: *«Муниципалитеты находятся сейчас на грани без субсидий из вышестоящего бюджета. Они не то, что не могут развиваться, они уже и жить не могут. В результате идет раскардаш»*, – убежден респондент из города А.

Помимо налоговых проблем, респонденты, принявшие участие в исследовании, отмечают психологические и управленческие ограничения местной власти. Чаще всего среди них называют следующие проблемы:

- Слабый кадровый потенциал, низкая работоспособность некоторых глав городов и их команд;

- Слабая мотивация глав городов и их команд;
- Инертность института муниципальной власти, бюрократизация, низкая скорость принятия решений;
- Развитость неформальных практик (коррупционность) во взаимодействии с бизнесом и населением;
- Эффект эмоционального выгорания сотрудников;
- Напряженность в отношениях с властями региона неудовлетворенность действиями федерального центра¹.

Наибольшую неудовлетворенность среди респондентов вызывает уровень квалификации членов команд глав городов. Также городские элиты становятся все более требовательными к персоналиям, возглавляющим города. На первый план в оценках интервьюируемых выходят их лидерские качества [13]. В то же время далеко не всех глав можно отнести к эффективным менеджерам. По крайней мере, именно так всего лишь 5–7 лет назад считали высокопоставленные регионалы.

Один из вице-губернаторов Тамбовской области в 2015 г. открыто выражал свое недовольство корпусом глав местного самоуправления: *«Мне говорят: надо дать полную самостоятельность муниципалитетам. Но муниципалитеты к этому абсолютно не готовы. Они жили при прежнем губернаторе в состоянии жесточайшего контроля. Контролировался каждый их чих. Они воспринимают новую модель управления не как возможность реализоваться, возможность нормально поработать, а как слабость. Приходится с большой регулярностью устраивать порки, выгонять наиболее отличившихся... Уровень глав, к сожалению, очень разный».*

Другой вице-губернатор в своем интервью в 2013 г. также невысоко оценивает глав городов: *«Есть либо кормленщики, которые думают о том, как бы пожить, а вы потом думайте, как из этой ситуации выбраться, либо иждивенцы, которые думают, что они могут делать что угодно, а мы потом их должны вытаскивать».*

Результаты второго этапа исследования, проведенного в 2018–2020 гг. позволяют говорить об оценках, свидетельствующих о некотором росте профессионализма глав городов. В четырех из шести изученных нами городов респонденты в целом удовлетворены работой своих глав, хотя и отмечают проблемы с формированием их команд.

Напряженными в ряде городов (в четырех из шести) остаются и отношения с региональными властями. Прежде всего, управленцы муниципального уровня недовольны требованием беспрекословного подчинения руководству субъектов РФ, которые часто не знают ситуацию на местах: *«Сплошной формализм, много ненужной отчетности. Шаг в сторону и начинается... Но как без риска?»* – замечает один из представителей муниципальной власти.

¹ В 2022 году произошли расширение поля проблем муниципальной власти и резкое возрастание управленческих нагрузок в условиях СВО.

Опрошенные эксперты, в свою очередь, убеждены, что *«чаще всего причиной конфликтов между регионалами и муниципалитетами является личное отчуждение и борьба за распределение доходов»*.

Руководители региональной власти, со своей стороны, также не удовлетворены существующими отношениями, полагая, что муниципальная власть могла бы отказаться от излишней самостоятельности и продемонстрировать больший пиетет перед государственной властью. Тем более, что жесткий контроль чаще всего вызван неэффективностью решений, принимаемых органами местного самоуправления на фоне низкого уровня дисциплины в муниципальных структурах.

Процесс взаимного недовольства сохраняется на протяжении как минимум двух десятилетий, и вряд ли может быть сегодня преодолен хотя бы потому, что полностью формализовать отношения акторов в иерархической системе невозможно.

Серьезнейшей проблемой для муниципальной власти в 2020–2021 гг. являлась ситуация с ковидом. Она отчетливо показала, что муниципалитеты в условиях форс-мажора не имеют должных финансовых, человеческих и организационных ресурсов для преодоления неординарных ситуаций. Тем не менее, как полагают наши респонденты, большинство глав городов *«действует по возможности»*, благодаря чему ситуация в городах напряженная, но не катастрофическая.

В сложных условиях пандемии управленцы из изученных городов возлагают надежды на региональных руководителей, но большинство из их считает, что со стороны властей субъекта РФ *«контроля много, а помощи мало»*.

Можно было предположить, что в условиях порожденного пандемией кризиса произойдут мобилизация глав городов и их команд, а также поиск новых возможностей для выживания и наращивания управленческого потенциала муниципальных управленцев. Однако вопрос о том, сумеют ли муниципальные власти мобилизоваться в сложных условиях, остается открытым. При этом следует учесть масштаб проблем, которые существовали до пандемии и также требовали решения¹. Они никуда не исчезли, а к ним добавились новые вызовы, связанные с СВО и масштабными рестрикциями со стороны США и их союзников.

Некоторые наши респонденты отметили позитивные перемены между двумя этапами исследования. Причина – изменение запроса со стороны населения к власти. Именно так видит ситуацию региональный социолог из Тамбовской области: *«Раньше приезжаешь в малый город, там одна разруха. Сейчас приезжаешь, – все иначе. Спрос с власти со стороны населения стал больше»*.

¹ Начало СВО в большой степени, как показал 2022 год, усложнило управленческую ситуацию в малых городах. Оказавшись в условиях санкционного режима, акторы власти и бизнеса были вынуждены перестраивать свою деятельность. Элита власти оказалась вынуждена исполнять федеральные предписания, располагая ограниченной ресурсной базой. Поначалу власть допускала ошибки, которые жестко наказывались Центром, но со временем власть и бизнес приспособились к санкционному режиму, хотя произошло это несколько позже того времени, когда проводился второй этап исследования.

Изменение запроса граждан к власти привело к тому, что в некоторых городах местную власть возглавили новые сильные фигуры, которые смогли изменить ситуацию к лучшему. Наиболее очевидный пример – город G. Позитивные перемены произошли и в некоторых других городах.

Необходимость жить и работать в условиях санкционного режима еще более усложнила управленческую ситуацию в малых городах, о чем свидетельствуют отдельные оценки экспертов и ключевых фигур бизнеса и власти, однако системного исследования проблемного поля в условиях санкционного режима и практики мобилизации нами пока не проведено. Поэтому все полученные оценки носят предварительный характер, но их направленность отчетливо указывает с одной стороны, на резкое возрастание сложности управления малыми городами, с другой – на повышенный контроль со стороны властей субъекта РФ, который не всегда позитивно сказывается на ситуации в малых городах.

Мотивация глав как ресурс для развития малых городов

Результаты первого этапа исследования показали, что 8 лет назад мотивация глав муниципальных образований была слабой. Наши респонденты указывали на многие факторы своей «нерешительности – «отсутствие денег»», «привычка не высовываться», «нежелание рисковать».

Один из глав городов 8 лет назад замечал: *«Да, мы живем в удивительном пространстве, от этого никуда не деться. Но наш подход – решать вопросы по мере поступления. И не высовываться. Зачем суетиться, рваться, если результата все равно не будет. Когда денег нет, то надежд что-то изменить не остается совсем».*

О рискованности любых совершаемых действий на муниципальном уровне говорили и другие главы: *«Когда по любому поводу приходит «черная палата», а потом прокурор, а потом уголовное дело, все это заставляет триста раз подумать, а надо ли что-то делать?».*

Сниженной мотивацией отличались не только главы городов, но и члены их команд. В основе нежелания действовать лежали «страх ошибки», «боязнь потери работы», а иногда «несогласие с действиями первого лица», которые могли привести к массовому уходу из команды ее ключевых игроков. Например, в городе X команда потеряла мотивацию к работе, перестала доверять своему главе и фактически распалась: *«Когда глава избирался на второй срок, я смогла проработать с ним только год. Я не смогла мириться с теми условиями, в которые мы были поставлены. Я не могу работать с кривыми и черными схемами. Во второй срок серые схемы стали процветать. Глава старался окружить себя людьми, надежными, но он не смог выстроить с ними отношения. Он не был с ними до конца честным... люди стали играть свои игры. Это и разрушило всю команду... Доверие было подорвано»,* – замечает бывшая соратница главы, недавно ставшая заместителем по социальным вопросам нового главы.

Действенный способ борьбы с низким уровнем мотивации – смена глав городов и членов их команд.

Это хорошо было продемонстрировано на примере города G в 2012 г.: *«Пришел новый глава, и захотел сделать власть результативной. Ему пришлось пойти не на очень популярные меры. Он перетряхнул администрацию. Очень хорошо их тряханул. Его девиз: или вы работаете, если не можете – учитесь, если учиться не можете – тогда уходите»*, – вспоминает главный редактор местной газеты.

Приведенный пример – свидетельство того, что первое лицо во власти может существенно повлиять на состав команды и мотивацию ее членов.

Исследования 2018–2020 гг. дали несколько более обнадеживающую картину.

В городах A, Y, Z, G локальные элиты или вполне, или частично удовлетворены своими главами, полагая, что они действуют вполне заинтересованно и в целом успешно.

В городе A пришедший к власти глава, тратит много усилий для борьбы со сложной социально–экономической ситуацией. Хотя эти усилия еще не дали должных результатов, респонденты признают, что *«он держит руку на пульсе»*.

В городе Z вернувшаяся на свой пост женщина-глава, через три года после снятия с должности и назначенная вновь новым губернатором [10], имеет высочайшую мотивацию – доказать губернатору и своему городу, что ее новое назначение не было ошибкой: *«Я люблю свой город, и я сделаю все, чтобы его снова поднять, исправив ошибки прежнего главы»*.

Город Y еще несколько лет назад возглавлял опытный и авантюрный глава, который был замешан в серых схемах. Пришедший ему на смену предприниматель сначала возглавил город, потом район, а всего год назад стал главой городского округа, т. е. муниципального образования первого уровня, в которое вошли и город, и район. Возглавив объединенную территорию, за управление которой он открыто боролся, глава активно приступил к работе, демонстрируя высочайшую мотивацию: *«Я хочу попробовать себя в управлении слитой территорией. Материальных мотивов у меня нет. Деньги я заработал в бизнесе. Мне просто хочется сказать себе – я это сделал»*.

В городах X и C мотивация действующих глав слабая, а ее изменения не заметны, что впоследствии стало причиной оных снятия со своих должностей.

Таким образом, в 2018–2020 гг. ситуация меняется к лучшему, однако сказать, что во всех во всех исследованных городах сегодня мы имеем мотивированных политических лидеров все же нельзя.

Особенно далеки от идеала, по оценкам наших респондентов, нынешние главы городов X и C, впоследствии ушедших со своих постов. Их собственные оценки своей деятельности также свидетельствуют о том, что недовольство городских элит во многих случаях вполне оправданно: *«Мне тоже сложно... Хочу ли я работать с энтузиазмом? Мне вам трудно*

ответить. Давайте я подумаю... В 60 лет гореть на работе не стоит. У меня нет здесь амбиций», – убежден глава города X, который был снят со своей должности через четыре месяца после исследования.

Близкая ситуация сложилась и в городе С. Там глава города был практически насильно поставлен на должность главы города и признает, что у него не получилось: *«Первое время по уровню договоренностей с губернатором, я, действительно, не собирался работать в городе... Я знал, что это за чудо такое... Мне губернатор, то туда пойдешь, то туда пойдешь... Я ему раз пять отказывал. Мне было неудобно. Я не понимал, что дальше произойдет. И согласился. Поработаю, посмотрим, а там будем определяться... Ведь не до смерти, наверное... Я не рассматривал эту территорию как место работы и жизни на постоянной основе. Прошло определенное время. Я как-то втянулся профессионально. Но без задора... У меня рейтинг невысокий. Были интервью... о недострое, граждане очень переживают, и второе, – я мало общаюсь с населением... И с элитами. Я не политик, а хозяйственник, мне нравится строить. Создается впечатление у людей, что мне город безразличен».* Не получилось у него и формирование эффективной команды. Ключевые фигуры в ней были набраны из территории, которой он раньше руководил. Местные элиты ему этого так и не простили: *«Здесь инфраструктура другая, чем на селе. Это город... Здесь люди себе цену знают... У главы нет той поддержки, которая нужна. Он город не чувствует, у него нет энтузиазма... А здесь нужна системная и планомерная работа... Надо думать о новом главе. На 90% все зависит от того, кто рулит»*, – убежден уважаемый всеми опытный директор местного завода.

Итак, анализ мотивационного уровня глав городов показывает, что в последние годы главы городов, хоть и не везде, стали более мотивированными к осуществлению лидерских функций. Это, означает, что отбор претендентов на пост главы города становится более строгим, но пока рано говорить об устойчивости данного тренда. Хотя вскрытая тенденция убедительно свидетельствует о том, что запрос элит и населения к власти значительно возрастает, что не может не отражаться на их работе.

Город G, в котором все верили в будущее...

Город G, его глава и общая ситуация в городе кардинально отличаются от всего того, что мы наблюдали во всех изученных нами городах. Пытаясь ответить на вопрос о том, возможны ли сегодня перемены в малом российском городе, мы обращаемся к примеру города G, который убедительно показывает, что такие перемены – это не миф, а вполне осязаемая реальность, плод совместных усилий ключевых локальных акторов.

Город G – моногород, хотя официально не входит в список моногородов Пермского края. В нем работают два крупных предприятия, на которых занято 1200 и 2500 человек. Меньшее по численности предприятие участвует в городской политике *«по возможности»* из-за сложного социально-экономического положения. Второе предприятие (М) является лидером в производстве метанола в России и занимает лидирующие позиции в мире. Именно поэтому компанию называют «Метаноловой империей».

Еще 10 лет назад ситуация в городе была весьма сложной. Отношения между местной властью и компанией М не складывались. Причина – неприятие компанией главы города.

После его смены, ситуация существенно изменилась. Предприятие М в лице своих руководителей стало принимать активное участие в городской политике, во многом определяя стратегию города. Председатель Совета директоров сегодня является депутатом законодательного собрания Края, обладает высоким авторитетом и пользуется уважением губернатора. Предприятие в последние годы активно развивается. Большинство наших респондентов убеждено, что *«город живет благодаря заводу»*.

Стратегические руководители компании, в лице Председателя Совета директоров и генерального директора, не просто помогают городу, выделяя деньги на реализацию городских социальных проектов, но и непосредственно принимают участие в планировании, обсуждении и реализации крупных городских проектов. И это не благотворительность, а твердый расчет: *«квалифицированные кадры должны жить в приемлемых условиях»*.

Огромную роль в выстраивании партнерских отношений играют лидерские качества главы и его способность идти на компромиссы. Сам глава города не сомневается в том, что взаимодействие у него получается: *«Здесь очень сильная команда, и в ней нельзя работать безответственно, неэффективно, не создавая рычагов для взаимодействия, не беря просчитанную ответственность на себя»*

Имея такого сильного партнера, муниципальная власть, тем не менее, играет важнейшую роль в развитии города, активно стремясь к сотрудничеству. Не пытаясь *«мериться силами друг с другом»*, два ключевых субъекта локального пространства успешно работают на развитие города.

Размышляя о взаимодействии власти и компании М, глава городского округа замечает: *«Председатель совета директоров влияет на принятие каких-то решений, но он влияет на них в рамках наших совместных договоренностей. Мы под ковром не бьемся. Он старается не вмешиваться в мою деятельность, а я в его. Мы всегда ищем компромиссные пути»*.

Оценивая ситуацию в городе G, можно утверждать – муниципальная власть способна меняться в лучшую сторону. Условием для такого изменения является наличие сильного лидера, эффективная команда последователей и стратегические партнеры, способные действовать в унисон с местной властью, а не противостоять ей.

После проведения исследования по 6 малым городам в 2018–2020 гг. мы проследили ситуацию в городе G дополнительно в 2022 г. Введение санкционного режима несколько усложнило ситуацию в городе. Теперь уже вряд ли можно сказать, что все жители, сама муниципальная власть и работники предприятия исключительно с оптимизмом смотрят в будущее.

Санкционный режим, который значительно усилился после проведения СВО, в начале 2022 г. не мог не сказаться на экономической, социальной и политической ситуации в городе G. Компания М была вынуждена

искать и находить новые стратегии выживания в усложнившихся условиях. Благополучие жителей, как и деятельность компании М оказались под угрозой. Однако это не привело к резкому сокращению производства, как следует из интернет-материалов и СМИ.

В интервью в СМИ в декабре 2022 г. технический директор компании рассказал о новом крупном инвестиционном проекте, который будет реализован в 2023 г. и позволит компании М значительно расширить свою линейку выпускаемых химических продуктов. Это масштабный проект, который, несмотря на санкционный кризис, позволит компании предположительно нарастить свою экономическую мощь и привлечь к работе новые кадры.

Одновременно, именно в этих сложных условиях, стратегическими лидерами компании было принято решение перейти к завершению формирования целевой модели управления, которая разрабатывалась ими с 2020 г. По замыслу в апреле 2023 г. холдинг должен был передать полномочия единоличного исполнительного органа вновь созданной управляющей организации. Целевая модель управления подразумевала, что за операционную деятельность будут отвечать предприятия, сгруппированные в три дивизиона: дивизион крупно- и среднетоннажной химии, дивизион смол в России, а также зарубежный дивизион смол и тонкой химии. Управляющая компания возьмет на себя функции стратегического контроля и оперативной координации их деятельности. Состав Совета директоров также обновился, в него вновь вошли генеральный директор компании М и прежний Председатель Совета директоров. Это свидетельствует о том, что работа стратегических лидеров компании М удовлетворяет собственников, и они доверяют им управление в сложных экономических условиях.

Продолжает ли компания М быть стратегическим поставщиком химической продукции за рубеж? Из материалов СМИ следует, что компания М отчиталась работникам и населению, что заняла второе место по объему экспорта одного из химических продуктов в России. Это косвенно свидетельствует о том, что им или удалось не попасть под санкции, или удастся их обойти. Вероятно, как считает один из экспертов, в том числе за счет того, что компания М является холдингом, и у нее есть юрлица в Европе, то быстрого негативного эффекта от вводимых санкций ожидать не стоит. Не исключено, что в любом случае *«проблемы с логистикой серьезные и их невозможно решить быстро»*, – замечает один из бывших руководителей завода.

Но это только предположения. Как считают респонденты, информации о том, что происходит с компанией М, в условиях санкционного режима, в СМИ проникает мало, что может свидетельствовать о наличии серьезных проблем, которые не озвучиваются публично. Но верным может быть и другой вывод – идет активная перестройка деятельности компании, которая не завершена, а потому результаты ее деятельности пока не предъясняются местному сообществу.

Население в городе, благодаря отсутствию информации, испытывает социальное напряжение, но протестной активности не выявлено. По отдельным поводам там вспыхивают недовольства. Как пример: резонансная

авария при перевозке в больницу, несколько женщин, погибли, оптимизация медицинских учреждений, плохие дороги, излив шахтных вод и пр., но они быстро гаснут. Таким образом, в целом, можно говорить о том, что социальный фон в городе относительно сбалансирован. Как заметил один из респондентов: *«Все стабильно у компании. Ничего особо интересного»*.

Муниципальная власть в городе в 2022 г. также претерпела серьезные изменения. Глава городского округа G, в результате присоединения к G близлежащего депрессивного района, был избран единогласно главой нового муниципального округа. В городском округе G в результате объединения стало преобладать сельское население, поэтому он получил статус муниципального. Смысл присоединения экономически сильной территории к депрессивному городу, эксперты комментируют коротко: *«Есть надежда, что город G вытащит эту депрессивную территорию из ямы»*.

Также в ноябре 2022 г. был переизбран Председатель городской думы. Им стал помощник заместителя Председателя Совета директоров, советник по взаимодействию с органами власти управления компании М.

Приведут ли эти перемены во власти к изменению партнерской модели взаимодействия между двумя ключевыми акторами, предсказать сложно. С большой вероятностью можно предположить, что в усложнившихся условиях компания М будет стремиться не усложнять свое взаимодействие с местной властью, а постарается сохранить статус-кво или даже нарастить потенциал взаимодействия. Придание статуса муниципального округа G в сложных экономических условиях свидетельствует о том, что компания не намерена покидать поле взаимодействия с муниципальной властью, а, значит, и в дальнейшем она будет контролировать все процессы, происходящие в муниципальном округе, и по необходимости продолжит финансирование всех важных социальных проектов.

Однако 2023 г. принес значительные и неожиданные изменения. Ситуация осложнилась еще больше, а неопределенность выросла многократно. В момент подготовки статьи к печати в СМИ появилась важная новость: Генпрокуратура РФ подала в суд иск в связи с незаконной приватизацией в 1990–х гг. градообразующей компании и потребовала изъять акции у нынешних владельцев, так как после приватизации завод контролируют лица из США. Завод производит опасную продукцию, поэтому его приватизация была запрещена, а государство в свое время незаконно было выведено из числа собственников, владельцы компании «противоправно» получили контроль над предприятием. Иск прокуратуры был удовлетворен¹. Из этого следует – судьба города и его жителей теперь находится в руках государства, и как будут развиваться события, покажет только время.

¹ Пермский «Метафракс» по производству метанола переходит в собственность России. URL: <https://runews24.ru/economy/08/09/2023/b00750f268a69243b27aa2e4a67a9cc7> (дата обращения: 10.11.2023).

Заключение: на пороге перемен

Ситуацию, складывающуюся сегодня в малых городах России, как в политическом, так и в экономическом контекстах, нельзя признать удовлетворительной. Несмотря на то, что последние годы принесли некоторые позитивные перемены, нельзя сказать, что в муниципалитетах теперь наступила эра благополучия. Пандемия усугубила ситуацию и сделала ее еще менее предсказуемой. Не говоря уже о санкционном режиме. Можно ли эту сложную ситуацию изменить к лучшему?

Полученные оценки респондентов позволяют утверждать, что позитивные перемены возможны, однако для их реализации необходимы определенные условия. Прежде всего, вышестоящие уровни власти как федерального, так и регионального уровней должны отказаться «от нисходящей слепоты». Это позволит направить информационные потоки не только сверху вниз, но и снизу вверх скорректировать принимаемые решения.

Муниципальной власти, по мнению респондентов (ключевых фигур локальной политики), нужны лидеры, а не исполнители. Это понимают и на региональных этажах власти, но пока инерция велика. Изменения идут, но не так быстро, как этого требует текущая ситуация в стране, особенно в условиях СВО и высокой геополитической конфликтности.

Наше исследование показало, что за последние 8–10 лет корпус глав муниципалитетов вместе с командами существенно изменился, к власти пришли более мотивированные люди, однако пока обновление чиновничьего корпуса происходит не так быстро, как этого требует современная ситуация. Среди глав муниципалитетов малых городов до сих пор встречаются «убежденные исполнители», которые не хотят рисковать своим местом, а потому не стремятся действовать инициативно.

Важным выводом данного исследования является тот факт, что малый город, как показывает приведенный выше пример, при всех ресурсных и иных ограничениях, вполне может развиваться. Основной залог успеха – партнерская модель взаимодействия, сложившаяся между местной властью и экономически сильным предприятием, когда крупный бизнес не просто помогает городу финансово (в решении социальных проблем), но и с помощью стратегических лидеров, – руководителей компании, выстраивает согласованную с местной властью стратегию развития города. По мнению респондентов, стратегический союз власти и бизнеса обеспечивает возможность позитивных перемен в таких городах, при условии, что ресурсная база градообразующего предприятия со временем не истощается, а имеет тенденцию к росту на фоне доверия со стороны местных элит и населения к стратегическим лидерам компании. Однако передача компании «в государственные руки» пока сделала ситуацию неопределенной и как будет развиваться ситуация в рассмотренном городе, покажет только время. Будем надеяться, что в перспективе удастся вернуться в этот город, чтобы увидеть, как он развивается в новых условиях. Можно предположить, что ключевые изменения коснутся, в первую очередь, высшего состава топ-менеджмента компании, но и новые фигуры вряд ли кардинально изменят взаимоотношения с местной властью.

Библиографический список

1. Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011. 259 с. EDN: QONDUD.
2. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Отв. ред. Н. Петров, А. Титков. М.: РОССПЭН, 2010. 437 с. EDN: QOLMZY.
3. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. № 4. С. 130–151. EDN: NTWCIP.
4. Гельман В., Рыженков С. И др. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России. 1991–2001. СПб.: Летний сад, 2002. 380 с.
5. Гельман В., Рыженков С. И др. Реформа местной власти в городах России. 1991-2006. СПб.: Норма 2008. 368 с. EDN: YVCFNV.
6. Дахин А. В., Солонченко Е. И. Городская политика: критический анализ теоретических подходов // Власть. 2019. № 6. С. 216–224. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6855; EDN: CPUPEW.
7. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999. 192 с. EDN: VKDFUF.
8. Ледяев В. Г. Социология власти. М.: НИУ ВШЭ. 2012. 472 с. EDN: SDSRBH.
9. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с. EDN: NLOLLT.
10. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН. 2019. 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019; EDN: YCUHFD.
11. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы / Отв. Ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН 2021. 598 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021; EDN: AOXBJP.
12. Моляренко О. Местное самоуправление в России или Хроники крайней власти // Мир России. Социология. Этнология. 2021. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28; EDN: XVTIYE.
13. Олейник А. Н. Власть и рынок. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.
14. Пустовойт Ю. Городские политические режимы: типология, причины формирования, возможности акторов // Вестник Бурятского госун-та. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 9–16. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-9-16; EDN: ZRBPRT.
15. Туровский Р. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro nunc. 2015. № 1. С. 82–98. EDN: VHWOAF.

16. Туровский Р. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30. DOI: 10.31249/poln/2019.02.01; EDN: WXXSAC.
17. Туровский Р., Васеленко Е. Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления. в больших городах // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 1. С. 13–30. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121; EDN: YZUBNR.
18. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256. EDN: UMAZMP.
19. Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. EDN: RAZOXF.
20. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: НИУ-ВШЭ, 2017. 414 с. EDN: XTHYDB.
21. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления // Мир России. Социология. Этнология. 2021. № 1. С. 29–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48; EDN: ARGXCN.
22. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites // Environment and Planning A. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2121–2132. DOI: <https://doi.org/10.1068/a302121>.
23. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.
24. Gel'man V., Ryzhenkov S. Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 449–465. DOI: 10.1080/09668136.2011.557538.
25. Glinka K. The Urban Regime Theory in Political Science Research – The Possibilities and Limitations of Implementation // Polish Political Science Review. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 1–21. DOI:10.2478/ppsr-2020-0012.
26. Harding A. The History of Community Power // Theories of Urban Politics / Ed. by J. S. Davies, D. L. Imbroscio. L.: Sage, 2009. P. 27–39.
27. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1953. 297 p.
28. Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
29. Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53 No. 1. P. 3–39. DOI: 10.1177/1078087416674328.
30. Wanna J. Regional Political Leadership // The Oxford Handbook of Political Leadership / Ed. by R. A. W. Rhodes, P. Hart. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 564–579.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9

Power in Small Russian Cities: Managerial Problems and Motivation of Actors

Alla E. Chirikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

chirikova_a@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7980-3150

For citation: Chirikova A. E. Power in small Russian cities: managerial problems and motivation of actors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

Abstract. The paper analyses Russian municipal power on the example of small Russian cities. The analysis is based on the results of an empirical study conducted with the author's participation in six small towns in Perm Krai, Ivanovo and Tambov regions. The research was conducted in two stages. The first stage consisted of 69 in-depth interviews with representatives of local and regional elites and experts conducted in 2012–2015. At the second stage in 2018–2020, 64 interviews were conducted, including as well the same respondents who were interviewed at the first stage. In 2023, several additional interviews were conducted with experts in the city G of Perm Krai due to the dramatically changed situation.

The conducted research allows us to say that the problem field of small towns has not changed so significantly over the years. The problems are still concentrated around the theme of deteriorating socio-economic situation, taxes and personnel deficit. At the same time, managerial problems of the authorities are growing due to the deficit of personnel in small towns, managerial weakness of some heads of small towns. Among the new problems are pandemic, insufficient number of leaders in the corps of municipal managers, and the consequences of SWO. The analysis of the motivational profile of the heads of municipal entities and their teams has shown that in recent years the level of motivation and management efficiency have increased among the heads of cities. The elites' and population's demand for power has significantly increased, which could not but affect the internal motivation of actors. The empirical study on the example of one single-industry town demonstrated that a small town despite all resource and other constraints can continue to develop if a partnership model of interaction between local authorities and strategic leaders of a large company is formed. However, it does not always guarantee that the achieved efficiency of interaction between government and business will remain unchanged if the federal government interferes in the system of relations between the two actors.

Keywords: power, Russia, small towns, motivation of actors, leadership

References

1. Vitkovskaya T. B., Ryabova O. A. Monogoroda Srednego Urala: Lokal'nye eliti i politicheskiye protsessy [Monotowns of the Middle Urals: local elites and political processes]. Yekaterinburg, RIO URO RAN, 2011: 259 (in Russ.). EDN: QONDUD.
2. Vlast', biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyi treugol'nik [Power, business, society in regions: irregular triangle]. Ed. by N. Petrov, A. Titkov. Moscow, ROSSPEN, 2010: 437 (in Russ.). EDN: QOLMZV.
3. Gel'man V. Ya., Ryzhenkov S. I. Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i "vertikal' vlasti" v sovremennoi Rossii [Local regimes, city government and "power vertical" in modern Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, 2010: 4: 130–151 (in Russ.). EDN: NTCWIP.
4. Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Avtonomiya ili kontrol? Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii [Autonomy or control? Reform of local government in modern Russia. 1991–2001]. St. Petersburg, Letnii sad, 2002: 380 (in Russ.).

5. Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii. 1991-2006 [Reform of local government in modern Russia. 1991-2006]. St. Petersburg, Norma, 2008: 368 (in Russ.).
6. Dakhin A. V., Solonchenko E. I. Urban politics: critical analysis of theoretical approaches. *Vlast'*, 2019: 6: 216–224 (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6855; EDN: CPUPEW.
7. Lapina N. Yu., Chirikova A. E. Regional'nye elity v RF: modeli povedeniia i politicheskie orientatsii [Regional elites in Russia: models of behavior and political orientations]. Moscow, INION, 1999: 192 (In Russ.).
8. Ledyayev V. G. Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]. Moscow, NIU VShE, 2012: 472 (in Russ.). EDN: SDSRBH.
9. Ledyayev V. G. Vlast': kontseptual'nyi analiz [Power: A conceptual analysis]. Moscow, ROSSPEN, 2001: 384 (in Russ.).
10. Small towns in social space. Ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh. Moscow, FNISTS RAN, 2019: 545 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
11. Russian small towns: new challenges, social problems and perspectives. Ed. By M. F. Chernysh, V. V. Markin. Moscow, FNISC RAN, 2021: 598 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021.
12. Moliarenko O. Local government in Russia or chronicles of distant power. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2021: 1: 8–28 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28; EDN: XBTIYE.
13. Oleinik A. N. Vlast' i rynek [Power and market]. Moscow, ROSSPEN, 2011: 437 (in Russ.).
14. Pustovoit Yu. Urban political regimes: typology, reasons for formation, possibilities of actors. *Vestnik Buriatskogo gosun-ta. Ekonomika i menedzhment*, 2017: 3: 9–16 (in Russ.). DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-9-16; EDN: ZRBPRT.
15. Turovskiy R. Local government in Russia and the evolution of political regime in Russia. *Pro nunc*, 2015: 1: 82–98 (in Russ.). EDN: VHWOAF.
16. Turovskiy R. Settlement as a subject of local politics: theoretical bases of research. *Politicheskaya nauka*, 2019: 2: 13–30 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2019.02.01; EDN: WXXSAC.
17. Turovskiy R., Vaselenko E. Current condition and perspectives of the development of intra-city local government. *Regionologiya*, 2019: 27: 1: 13–30 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121; EDN: YZUBNR.
18. Tykanova E. V., Khokhlova A. M. Urban political regime in Saint Petersburg: the role of real and imaginary “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2015: 2: 241–256 (in Russ.). EDN: UMAZMP.
19. Chirikova A. E. Regional elites of Russia. Moscow, Aspekt Press, 2010 (in Russ.). EDN: RAZOXF.
20. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. Power in a small Russian town. Moscow, NIU VShE, 2017: 414 (in Russ.). EDN: XTHYDB.
21. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. Heads of small Russian towns: leadership and effectiveness of government. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2021: 1: 29–48 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48 EDN: ARGXCN.
22. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites. *Environment and Planning A*, 1998: 30: 12: 2121–2132.
23. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven, Yale University Press, 1961: 355.
24. Gel'man V., Ryzhenkov S. Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, 2011: 63: 3: 449–465. DOI: 10.1080/09668136.2011.557538.
25. Glinka K. The Urban Regime Theory in Political Science Research – The Possibilities and Limitations of Implementation. *Polish Political Science Review*, 2020: 8: 2: 1–21. DOI: 10.2478/ppsr-2020-0012.
26. Harding A. The History of Community Power. In Theories of Urban Politics. Ed. by J. S. Davies, D. L. Imbroscio. London, Sage, 2009: 27–39.
27. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill, NC, University of North Carolina Press, 1953: 297.

28. Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence, University Press of Kansas, 1989: 314.

29. Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View. *Urban Affairs Review*, 2017: 53: 1: 3–39. DOI: 10.1177/1078087416674328.

30. Wanna J. Regional Political Leadership. In *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Ed. by R. A. W. Rhodes, P. Hart. Oxford, Oxford University Press, 2014: 564–579.

The article was submitted on: January 23, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla E. Chirikova, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher at the Center for Theoretical and Historical-Sociological Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.10

EDN: ХНККВВ

Трансформации системы образования в контексте пространственного развития региона (на примере Республики Крым)¹

Ссылка для цитирования: Жаворонкова О. Р., Короленко Ю. Н. Трансформации системы образования в контексте пространственного развития региона (на примере Республики Крым) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 184–214. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.10; EDN: ХНККВВ.

For citation Zhavoronkova O. R., Korolenko Ju. N. Transformation of the education system in the context of spatial development of the region (on the example of the Republic of Crimea). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 184–214. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.10; EDN: ХНККВВ.

AuthorID ПИНЦ: 828522

Жаворонкова Ольга Ростиславовна¹

¹Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

olga-zhavor@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 832482

Короленко Юлия Николаевна¹

¹Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

korolenko_simf@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития системы образования в Республике Крым как основного фактора социопространственного развития региона. Авторами проведен анализ динамики основных показателей системы образования на трех уровнях: общее образование, среднее профессиональное и высшее образование. В качестве основных показателей рассмотрены такие как: географическая доступность образовательных учреждений для населения, обеспеченность их информационно-техническими средствами учебного процесса и кадровыми ресурсами. Анализ кадрового ресурса проведен в разрезе тех категорий персонала, которые непосредственно реализуют и обеспечивают учебный процесс. В ходе исследования было выявлено наличие в образовательных учреждениях руководителей и педагогических работников, не имеющих выс-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, программа «Приоритет – 2030» № 075–15–2021–1323.

шего образования. В статье проведено сравнение численности внешних совместителей и штатных работников по исследуемым категориям, выполнено сопоставление полученных результатов с численностью обучающихся. Показано, что в условиях тенденции роста числа внешних совместителей и сокращения штатных сотрудников в системе высшего образования растет число обучающихся, добровольно оставивших обучение. В статье рассмотрена также динамика роста фонда заработной платы по указанным категориям сотрудников и проведено сравнение средней заработной платы на одного человека по виду деятельности (образование) в Южном федеральном округе по отношению к другим федеральным округам. Выявлено, что уровень оплаты труда работников образования в Южном федеральном округе в 2021 г. находится на уровне 2016 г. в сравнении с другими округами. Согласно показателям структуры персонала по соотношению штатных сотрудников и внешних совместителей построены линии трендов, позволяющие выявить тенденции изменений их численности. По некоторым категориям сотрудников выполнен прогноз на два года для выявления вероятностных количественных изменений в кадровом обеспечении системы образования. Обосновано, что решение кадровых вопросов приведет к сохранению и увеличению численности обучающихся, повышению качества образования и развитию человеческого потенциала в регионе. В заключении представлены выводы по результатам проведенного исследования. На основе построенных трендов и сделанных выводов авторами сформулированы конкретные рекомендации по устранению выявленных проблем в системе образования.

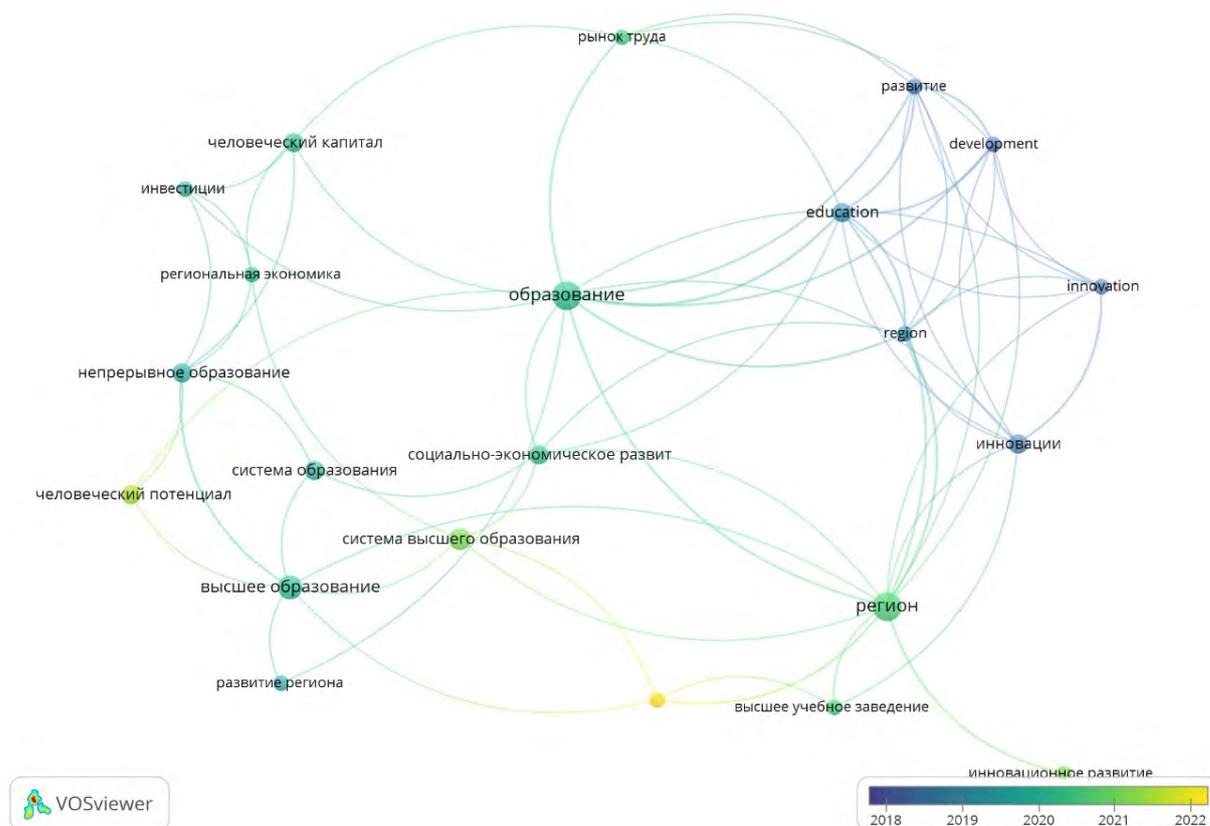
Ключевые слова: социология, система образования, общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование, человеческий потенциал, кадры, тренды

Система образования выступает одним из базовых компонентов развития государства путем подготовки не просто квалифицированных специалистов, носителей профессионального мастерства, но и граждан с развитыми моральными и культурными качествами [5; 7; 11; 13]. Кроме того, система образования направлена на повышение социально-экономического развития общества и формирование человеческого потенциала.

Вместе с тем к числу основополагающих принципов государственной политики в сфере образования относятся именно обеспечение единства образовательного пространства на территории страны, а также государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения, которые обеспечивают федеральные государственные образовательные стандарты. Уровень территориальной доступности и качества образования во многом определяет результаты реализации стратегических программ развития страны.

В современных условиях конкурентные преимущества экономических систем в значительной степени достигаются не за счет природных ресурсов, а человеческих – знаний, информации и инноваций [4, с. 3], что во многом обеспечивается развитием сферы образования. В связи с этим растет интерес ученых к этому направлению как драйверу развития регионов, что иллюстрирует возрастающая публикационная актив-

ность. Визуализация наиболее часто встречаемых ключевых слов в рамках научных трудов по исследуемой тематике реализована на базе платформы VOSviewer (см. рис. 1).

Рис. 1. Граф облака тегов, посвященных развитию системы образования, извлеченной из базы РИНЦ

Figure 1. Graph of tag cloud on education system development extracted from RSCI database

Анализ выбранных публикаций показал единомыслие ученых в том, что концепция эффективного развития образования выступает источником формирования человеческого потенциала и инструментом социально-экономического развития территорий [1; 2; 7; 10]. Это, в свою очередь, обосновывает необходимость определения трендов в образовании на примере Республике Крым с учетом целей и задач Государственной программы РФ «Развитие образования», что и послужило целью исследования. Задачами исследования стали анализ динамики показателей доступности, информационно-технического и кадрового обеспечения на уровнях общего образования (ОО), среднего профессионального (СПО) и высшего (ВО), а также формирование практических рекомендаций по развитию системы образования в Республике Крым.

Эмпирическую базу исследования составляют данные Министерства просвещения Российской Федерации по деятельности организаций ОО¹, СПО, представленное сводными отчетами по форме федерального статисти-

¹ Министерство просвещения РФ // Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации» за 2015–2021 гг. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 18.07.2022).

стического наблюдения № СПО-1¹ и № СПО-2², а также высшего образования, представленного статистическими отчетами по форме № ВПО-1³ и ВПО-2⁴ в Республике Крым.

Для анализа выбраны государственные бюджетные образовательные учреждения, поскольку они занимают ключевую долю рынка и задают тренд в регионе.

Географическая доступность образования будет рассматриваться через расположение образовательных учреждений в регионе, по степени отдаленности населения от учебных заведений (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Обеспечение географической доступности населения к учреждениям образования в Республике Крым за 2015–2021 гг

Ensuring geographical accessibility of the population to educational institutions in the Republic of Crimea for 2015-2021

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Уровень общего образования							
Численность обучающихся СОШ, нуждающихся в подвозе в организацию и (или) обратно (чел)	Нет данных	19 428	19 903	21 291	23 089	23 556	23 385
Охвачено подвозом (чел)	Нет данных	18 313	19 295	20 609	21 657	21 890	22590
Не обеспечено подвозом	Нет данных	1115	608	682	1432	1666	795
Уровень среднего профессионального образования							
Численность обучающихся СПО, нуждающихся в проживании в общежитии (чел)	4656	5634	5802	5790	6296	7534	Нет данных
Обеспеченность обучающихся СПО общежитием (чел)	4394	5315	5140	5101	5725	6312	Нет данных
Не обеспечено общежитием	262	319	662	689	571	1222	Нет данных

¹ Министерство просвещения РФ // Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» государственной формы собственности на начало 2015–2021 учебного года. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 18.07.2022).

² Министерство просвещения РФ // Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации» за 2015–2021 гг. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 23.07.2022).

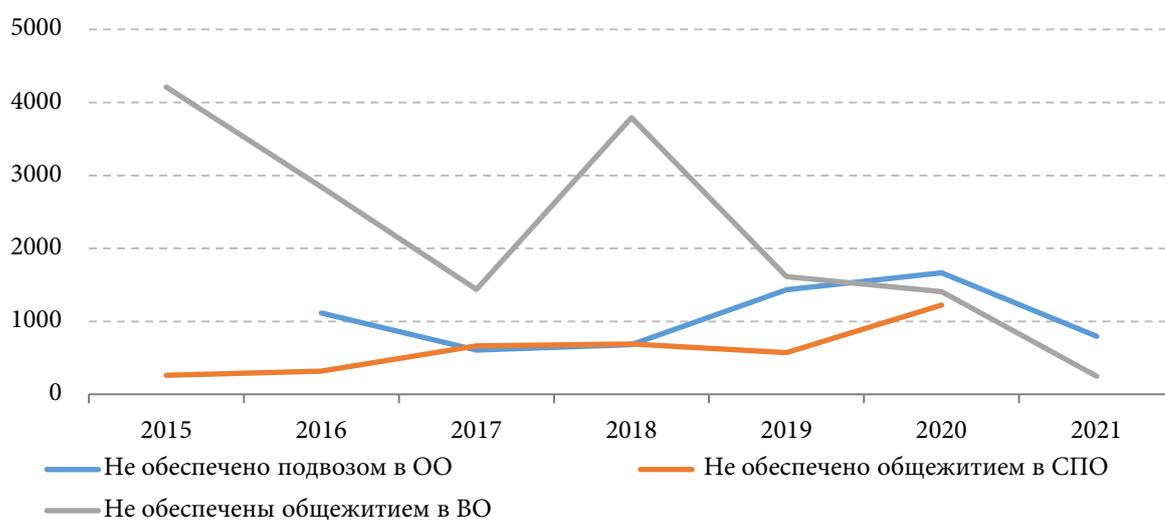
³ Министерство просвещения РФ // Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» за 2016–2021 гг. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 23.07.2022).

⁴ Министерство просвещения РФ // Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 23.07.2022).

Продолжение таблицы 1

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Уровень высшего профессионального образования							
Численность обучающихся ВО, нуждающихся в проживании в общежитии (чел)	12 350	10 845	8591	10 342	7808	7116	5836
Обеспеченность обучающихся ВО общежитием (чел)	8139	8004	7154	6550	6193	5710	5587
Не обеспечены общежитием	4211	2841	1437	3792	1615	1406	249

На рис. 2 наглядно показана численность не обеспеченных подвозом и проживанием в динамике (см. рис. 2).

Рис. 2 Доступность образования по критерию обеспеченности обучающихся подвозом и проживанием в общежитиях, чел

Figure 2. Accessibility of education according to the criterion of provision of students with transportation and accommodation in dormitories

Оценивая доступность населению образовательных организаций в Республике Крым, следует отметить, что по данным 2021 г. покрытие потребностей максимальное, это в целом приводит к выравниванию ситуации. Наибольший разрыв в обеспеченности наблюдается на уровне СПО. Подобная ситуация указывает на неравномерное распределение образовательных организаций в регионе и отсутствие равной географической доступности к ним. Низкий уровень доступности к образовательным организациям оказывает существенное влияние как на выборе учебного заведения, так и на успеваемости обучающихся, а также снижает конкурентоспособность учебного заведения.

В условиях цифровизации всех отраслей экономики претерпевают изменения как содержательное наполнение образовательных программ, так и формы преподавания. Создаются новые образовательные технологии, способные подготовить квалифицированных специалистов нового уровня с требуемыми компетенциями. «Формирование актуальных компетенций новых специалистов происходит посредством широкого применения

электронно-цифровых технологий проведения лекционно-теоретических и практических занятий, что позволяет повысить уровень эффективности функционирования образовательных организаций» [8].

Согласно статистическим данным с 2019 г. осуществляются затраты на внедрение и использование цифровых технологий на различных уровнях образования:

- по ОО за 2021 г. – 116731,4 тыс. руб., 2020 г. – 9679270,4 тыс. руб., 2019 г. – 10243702,7 тыс. руб.;
- по СПО: за 2021 г. – 41631,3 тыс. руб., 2020 г. – 42776,2 тыс. руб., 2019 г. – 31628 тыс. руб.

В связи с чем был проведен анализ информационно-технической базы образовательных организаций, который показал, что в количественном выражении наблюдается положительная динамика по наращиванию основных информационно-технических средств (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Информационно-техническая база организаций за 2015–2021 гг.

Information and technical base of organizations

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Уровень ОО							
Всего персональных компьютеров используются в учебном процессе	Нет данных	13 043	14 572	15 175	16 386	20 436	24 813
Из них имеющие доступ к сети интернет (ед)	Нет данных	8878	9523	14 497	11 066	14 136	18 042
Мультимедийные проекторы (ед)	Нет данных	3590	4415	4802	5288	5694	5980
Интерактивные доски (ед)	Нет данных	2819	3152	3336	3568	3867	4053
Уровень СПО							
Всего персональных компьютеров используются в учебном процессе (ед)	Нет данных	1987	2429	2451	2591	3151	Нет данных
Из них имеют доступ к сети интернет (ед)	Нет данных	1670	2026	1765	2180	2660	Нет данных
Мультимедийные проекторы (ед)	Нет данных	269	406	442	485	560	Нет данных
Интерактивные доски (ед)	Нет данных	63	138	146	155	180	Нет данных
Уровень ВО							
Всего персональных компьютеров используются в учебном процессе (ед)	2548	3350	3636	3830	4645	3796	6969
Из них имеют доступ к сети интернет (ед)	2435	3250	3394	2705	3062	3232	4601
Мультимедийные проекторы (ед)	138	397	532	348	443	482	514
Интерактивные доски (ед)	55	60	79	70	78	93	89

Несмотря на динамичный рост количественных показателей информационно-технического обеспечения на всех уровнях образования, следует отметить, что вновь приобретенные мультимедийные проекторы и интерактивные доски не задействованы в образовательном процессе. Это указывает на номинальное улучшение информационно-технического обеспечения образовательного процесса, причинами которого могут быть: низкий уровень менеджмента, провоцирующий бюрократические преграды в использовании новых технических средств; компетентность кадрового состава, реализующих и обеспечивающих учебный процесс. Прогрессивного улучшения образовательной деятельности путем информационно-технического обеспечения не происходит. «Поскольку способности сотрудников являются одним из базовых элементов потенциала организаций в разработке, синтезировании и интегрировании компетенций в условиях стремительно изменяющейся внешней среды» [9]. В этой связи был проведен анализ структуры кадрового состава, непосредственно задействованного в реализации и обеспечении образовательного процесса. Данные по кадровому составу и расходам на оплату труда в организациях общего образования показаны в табл. 3, 4.

Таблица 3 (Table 3)

Сведения о численности сотрудников в государственных организациях ОО
Information on the number of employees in public organizations of the GS

Наименование показателя		Средняя численность работников, чел						Темп роста, %
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Руководящие работники	Списочный состав	2078,3	2072,7	1958,0	1945,4	1954,0	1972,6	94,9
	Внешние совместители	1,2	4,2	189,6	2,0	2,1	3,1	258,3
Учителя	Списочный состав	14 849,8	14 398,4	14 363,2	14 641,3	14 597,3	15 354,5	103,4
	Внешние совместители	414,0	298,8	554,9	263,9	235,2	253,6	61,3
Учебно-вспомогательный персонал	Списочный состав	1394,3	1404,3	1294,0	1359,7	1333,4	1403,5	100,7
	Внешние совместители	28,7	34,2	214,5	57,7	38,9	53,9	187,8

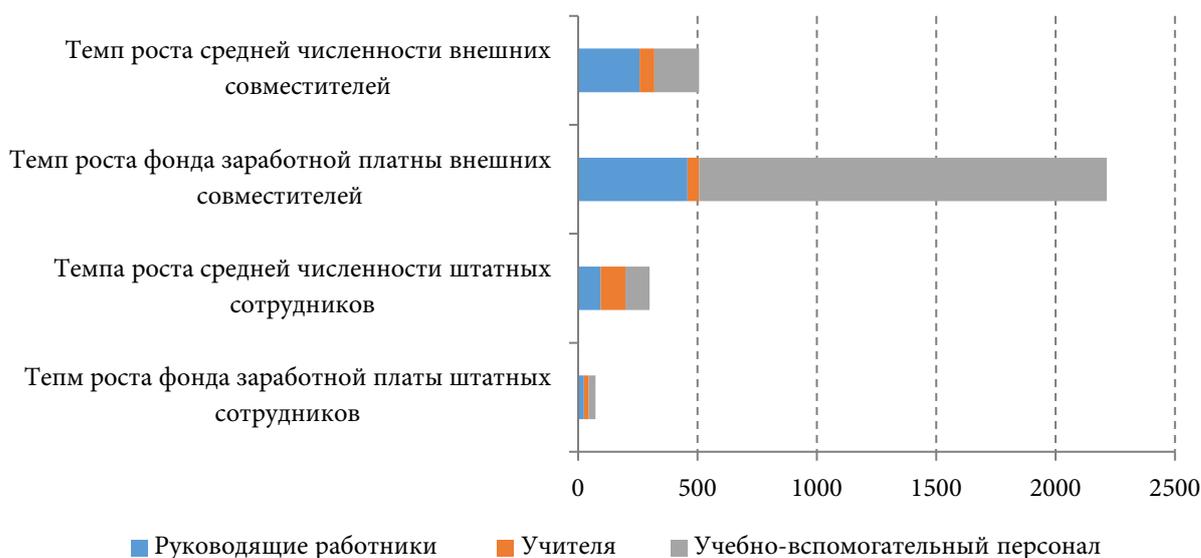
Таблица 4 (Table 4)

Расходы на оплату труда в государственных организациях ОО

Labor costs in state organizations of general education

Наименование показателя	Фонд начисленной заработной платы работников, тыс. руб.							Темп роста, % 2021 / 2016
	2016	2017	2018	2019	2020	2021		
Руководящие работники	Всего списочного состава без внешнего совместительства	5 070 208,4	1 048 868,1	1 092 035,9	1 155 813,3	1 225 965,4	1 244 304,9	24,5
	В т. ч. по внутреннему совместительству	545 862,3	106 689,8	121 637,1	129 163,9	135 311,2	127 678,7	23,3
	По внешнему совместительству	264,7	1222,4	1045,8	773,7	825,9	1212,5	458,1
	Всего списочного состава без внешнего совместительства	30 176 730,2	4 819 300,4	4 941 960,3	5 464 633,4	5 783 699,4	6 221 990,1	20,6
Учителя	В т. ч. по внутреннему совместительству	396 389,8	124 196,3	1 149 726,6	162 897,4	193 827,8	186 148,9	47,0
	По внешнему совместительству	129 699,4	51 868,7	59 754,4	63 683,1	61 567,9	63 859,3	49,2
Учебно-вспомогательный персонал	Всего списочного состава без внешнего совместительства	1 259 282,2	257 560,2	276 707,8	314 573,3	324 271,2	355 972,6	28,3
	В т. ч. по внутреннему совместительству	37 879,3	10 836,7	22 870,4	20 031,5	24 618,0	28 444,8	75,1
	По внешнему совместительству	577,4	3582,3	5829,5	9130,7	7665,2	9853,4	1706,5

Темпы роста среднесписочной численности сотрудников и фонда заработной платы (ФЗП) показаны на рис. 3.

Рис. 3. Темпы роста среднесписочной численности различных категорий сотрудников учреждений ОО и ФЗП, %

Figure 3. The growth rate of the average number of different categories of employees of general education institutions and the payroll

Анализ данных рис. 3 показывает рост числа руководителей и учебно-вспомогательного персонала среди внешних совместителей. Подобная тенденция указывает на дефицит в штатных кадрах, приведший к необходимости привлечения сторонних специалистов.

Качество системы школьного образования базируется на трех основных элементах, необходимых в любой организации: человеческие ресурсы (профессиональные кадры, специалисты с соответствующими компетенциями), качественная инфраструктура (наличие современного оборудования) и знания организации (центры с информацией, программы, личные и научные разработки) [12, с. 67]. Когда потребность в основном и вспомогательном персонале покрывается за счет внешних совместителей, есть основание утверждать о слабой устойчивости организации как системы, ее необеспеченности в кадрах, а также низкой мотивации сотрудников в освоении и внедрении технических средств в образовательный процесс. Парадоксален рост внешних совместителей среди управленческого персонала. Учитывая законодательные ограничения на продолжительность рабочего дня для внешнего совмещения должностей – не более 4 часов, 0,5 ставок¹, можно предположить, что кадровый дефицит по другим категориям персонала является результатом низкого качества менеджмента.

По мнению А. Г. Айрапетовой и В. В. Корелина, проблема школы и образования в целом кроется в самом педагогическом процессе, его организации, технологии обучения [3, с. 177–178]. Несмотря на то, что мы в целом не согласны с общими выводами авторов, следует отметить, что данное утверждение во многом является следствием не укомплектованности школ штатными сотрудниками.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 26.12.2001 г. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 30.07.2022).

Результаты анализа сведений о персонале в учреждениях СПО показаны в табл. 5.

Таблица 5 (Table 5)

Сведения о персонале СПО
Information about the staff of secondary vocational education

Наименование показателя, чел.	На начало учебного года						Темп роста, %
	2016–2017	2017–2018	2018–2019	2019–2020	2020–2021	2021–2022	2021/2016
Всего работников	4934	4892	4660	4439	4429	4323	87,6
Численность внешних совместителей	152	152	179	192	202	225	148,0
Руководящие работники	348	337	329	334	341	323	92,8
– с высшим образованием	322	319	310	312	323	308	95,7
– с педагогическим	145	156	163	164	192	173	119,3
Численность руководителей (внешних совместителей)	-	-	1	-	-	-	-
– с высшим образованием	-	-	1	-	-	-	-
– с педагогическим	-	-	-	-	-	-	-
Количество преподавателей	1452	1499	1568	1492	1579	1593	109,7
– с высшим образованием	1425	1464	1513	1464	1546	1545	108,4
– с педагогическим	933	1004	1163	1157	1274	1191	127,7
Количество преподавателей (внешних совместителей)	103	110	128	134	151	174	168,9
– с высшим образованием	101	108	128	109	140	157	155,4
– с педагогическим	54	52	51	49	58	67	124,1
Мастера производственного обучения	421	387	340	318	337	316	75,1
– с высшим образованием	196	165	156	149	166	155	79,1
– с педагогическим	60	80	102	121	138	120	200
Мастера производственного обучения (внешние совместители)	-	1	2	3	2	1	100
– с высшим образованием	-	-	1	1	1	1	100
– с педагогическим	-	-	-	-	1	-	-
Учебно-вспомогательный персонал	507	520	467	457	484	454	89,5
Учебно-вспомогательный персонал (внешние совместители)	16	15	12	19	17	12	75,0

Таблица 6 (Table 6)

Расходы на оплату труда персонала в СПО
Expenses for staff remuneration in secondary vocational education

Наименование показателя	Фонд начисленной заработной платы работников, тыс. руб.							Темп роста, % 2021 / 2016
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 / 2016	
Руководящие работники	Всего списочного состава без внешнего совместительства	212 940,7	202 048,0	213 118,1	204 094,1	234 244,8	232 468,0	109,2
	В т. ч. по внутреннему совместительству	6819,8	8454,6	8225,3	6720,4	7128,4	6452,3	94,6
	По внешнему совместительству	148,4	252,7	689,3	859,9	945,7	0	0
Преподаватели	Всего списочного состава без внешнего совместительства	486 315,4	502 072,3	514 409,3	503 524,8	581 157,2	561 900,6	115,5
	В т. ч. по внутреннему совместительству	11 428	24 699,4	13272	14 122,2	19 920,2	19 971,2	174,8
	По внешнему совместительству	10 806,3	10 937,5	12 407,7	15 882,5	20 142,9	13 466,1	124,6
Мастера производственного обучения	Всего списочного состава без внешнего совместительства	143 330,3	128 132,5	119 761,0	111 018,4	116 220,6	119 429,4	83,3
	В т. ч. по внутреннему совместительству	4802,4	9648,9	6012,8	5303,4	5846,3	6826,3	142,1
	По внешнему совместительству	515,4	321,4	803,4	231,1	444,1	325,3	63,1
Учебно-вспомогательный персонал (УВП)	Всего списочного состава без внешнего совместительства	110 108,9	102 405,7	93159	78 039,3	118 254,9	104 200,1	94,6
	В т. ч. по внутреннему совместительству	11 013,3	5410,4	4193,3	3203,1	4906,1	5021,7	45,6
	По внешнему совместительству	1010,6	1298,1	1189,2	765,3	1624,6	1595,7	157,9

Специфика формирования сводных отчетов по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 согласно вышеуказанным данным, позволяет определить численность категорий персонала, осуществляющих образовательную деятельность только на начало учебного года. В этой связи целесообразно проведение анализа расходов на оплату труда за календарный год из сводных отчетов по форме федерального статистического наблюдения № СПО-2, что позволит более точно выявить наличие сотрудников по исследуемым категориям (см. табл. 6).

Наличие кадровых проблем в СПО подтверждается увеличением количества внешних совместителей, в том числе и в руководящем составе. Несмотря на то что в 2021 г. удалось обеспечить образовательные учреждения руководителями – штатными сотрудниками, предыдущие пять лет управление организациями осуществлялось и внешними совместителями, о чем свидетельствует наличие и рост фонда заработной платы по указанной категории работников (см. табл. 6).

В современных условиях уровень образования сотрудников различных организаций является одним из основных факторов, оказывающем решающее влияние на выполнение поставленных задач [6], однако реальная кадровая ситуация в СПО идентична послевоенному периоду (с 1947 г.), когда остро ощущалась нехватка людей во всех отраслях и были существенные послабления в отборе персонала на руководящие должности, в том числе и по уровню образования. Так в СПО не все руководящие работники имеют высшее образование (рис. 4).

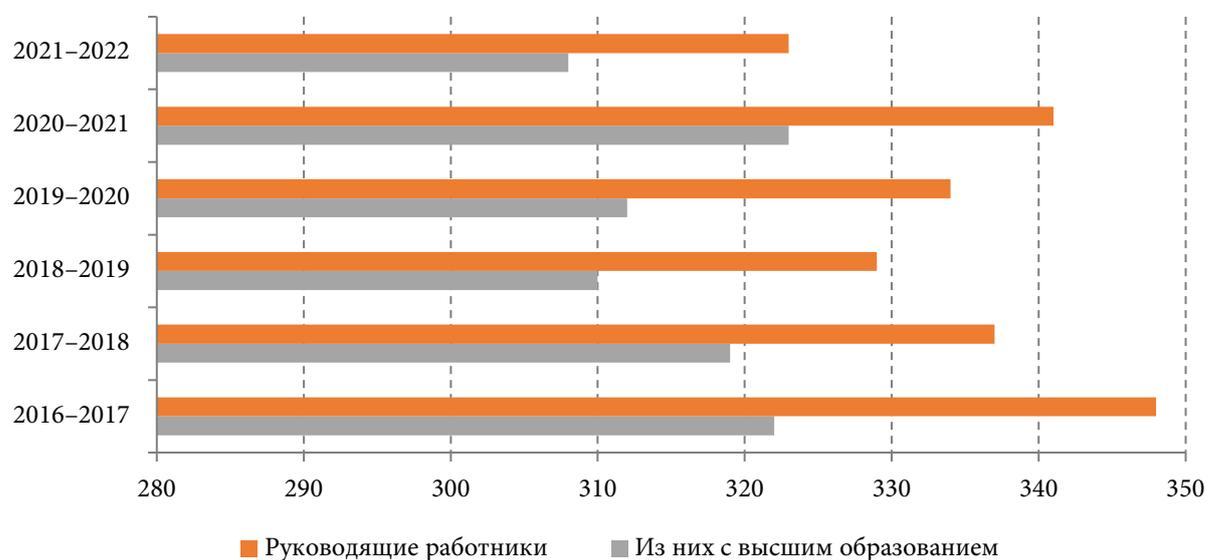

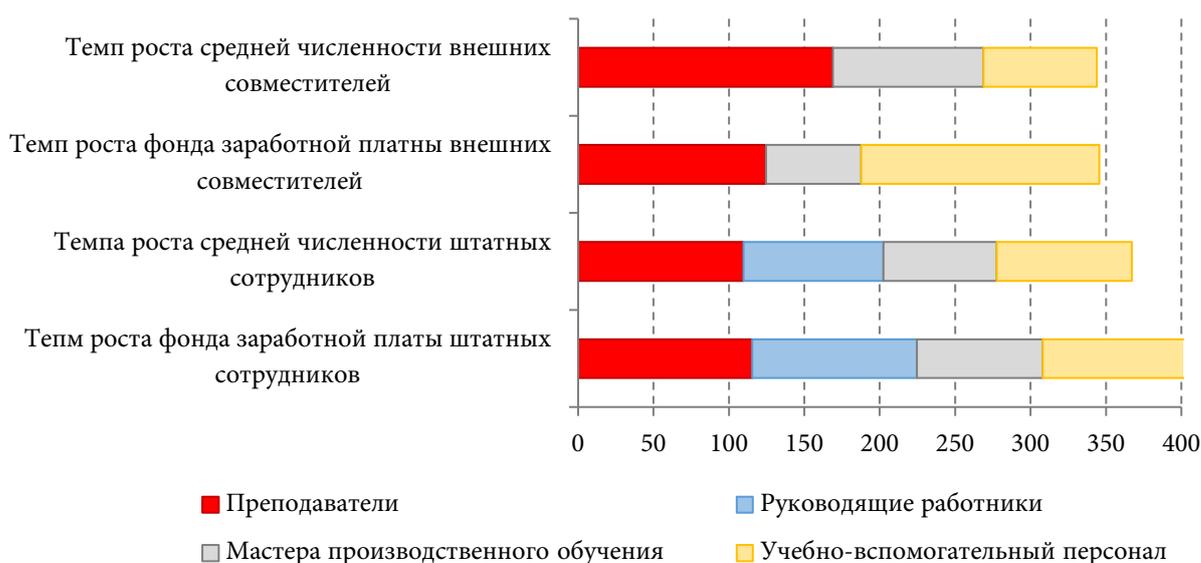
Рис. 4. Количество руководящего состава СПО по уровню образования, чел.
(данные на начало учебного года)

Figure 4. Number of senior staffs of secondary vocational education by level of education

Поскольку руководство образовательных учреждений утверждается вышестоящей организацией, то подобный выбор управленческих кадров, при отсутствии их дефицита в регионе, представляет собой низкий уровень развития управленческого аппарата. Если подобная ситуа-

ция является следствием устаревших квалификационных требований, то в условиях реализации стратегических задач в сфере образования по формированию специалистов нового поколения – они нуждаются в серьезных корректировках.

Следствием данной ситуации стал набор педагогов по общеобразовательным и специальным дисциплинам, не имеющих высшего образования, а также рост числа внешних совместителей на фоне сокращения числа штатных работников (см. рис. 5).

Рис. 5. Темпы роста численности и ФЗП различных категорий сотрудников СПО, %
Figure 5. Growth rates of the number and salary fund of various categories of employees SVE, %

Отрицательным фактором также является сокращение общего количества сотрудников СПО в условиях увеличения контингента обучающихся (табл. 7).

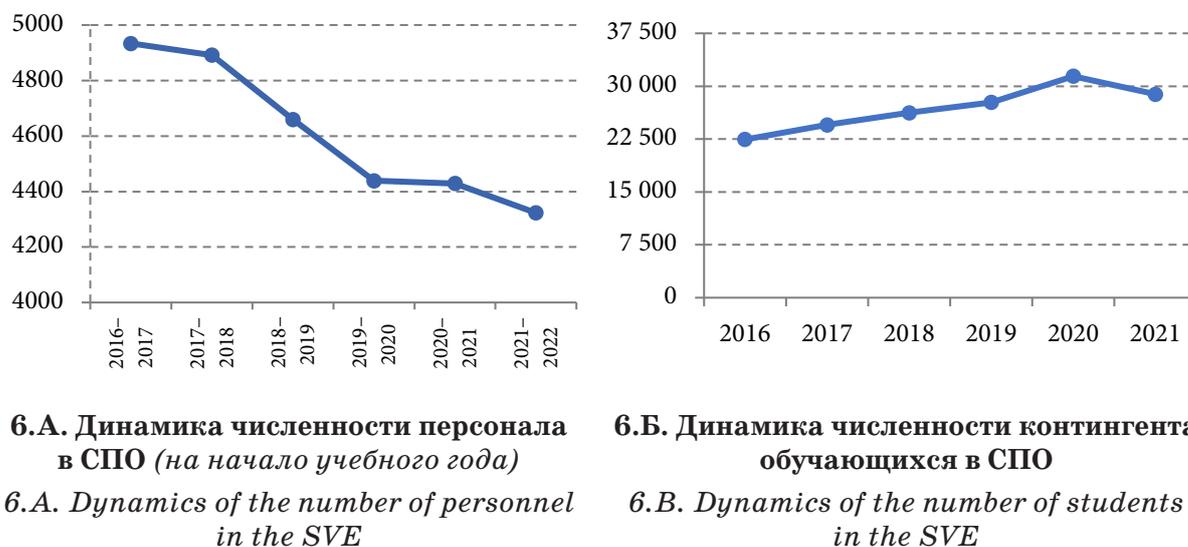
Таблица 7 (Table 7)

Контингент обучающихся по программам СПО, чел.

The contingent of students enrolled in secondary vocational education programs

Период	Всего	Из них подготовка квалифицированных рабочих, служащих	Из них специалистов среднего звена
2016	22 449	7991	14 458
2017	24 528	9048	15 480
2018	26 242	9375	16 867
2019	27 706	9607	18 099
2020	31 424	10 059	21 365
2021	28 874	10 127	18 747

Негативная динамика в количественном составе персонала по отношению к росту контингента обучающихся показана на рис. 6.

Рис. 6. Динамика численности персонала и контингента обучающихся СПО в Республике Крым, чел.

Figure 6. Dynamics of the number of personnel and contingent of students of secondary vocational education in the Republic of Crimea

Так, в период с 2016 до 2020 г. наблюдается обратная зависимость численности сотрудников и обучающихся: с ростом количества последних происходило сокращение первых. В 2020 г. контингент обучающихся резко возрос – на 3718 человек по отношению к 2019 г. В то же время наблюдается продолжение сокращения численности персонала, преимущественно за счет мастеров производственного обучения и учебно-вспомогательного персонала. Данный период также характеризуется ростом числа преподавателей как штатных сотрудников, так и внешних совместителей с различным уровнем образования. В результате, за 2021–2022 уч. г. численность обучающихся сократилась на 2550 человек. Наблюдается сокращение общей численности персонала за счет уменьшения штатных преподавателей и мастеров производственного обучения на фоне роста общего количества внешних совместителей.

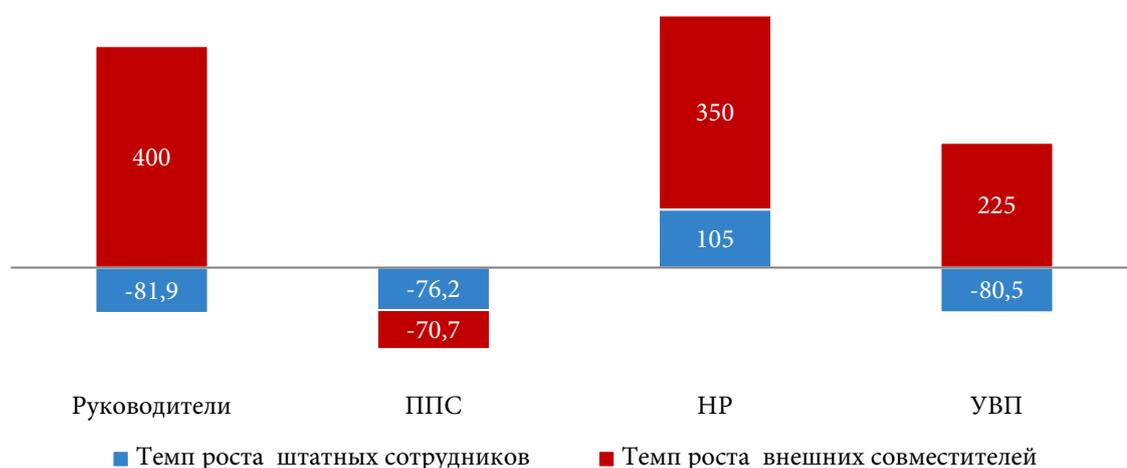
Результаты анализа кадрового состава в организациях ВО показаны в табл. 8–9.

Таблица 8 (Table 8)

Сведения о численности работников в ВО
Information about the number of employees in higher education

Наименование показателя, чел.	Период						Темп роста, % 2021 / 2016
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Всего работников	7041	6734	6527	6211	5954	5938	84,3
Численность внешних совместителей	318	243	354	284	380	308	96,9
Численность работников, осуществляющие образовательную деятельность по программам ВО по договорам гражданско-правового характера	-	308	151	43	191	210	100
Руководящие работники	248	330	290	304	281	203	81,9
Из них с высшим образованием:	248	327	288	296	278	203	81,9
Численность руководителей (внешних совместителей)	1	1	-	284	1	4	400
Из них с высшим образованием	1	1	-	263	1	4	400
Профессорско-преподавательский состав (ППС)	2912	2769	2792	2618	2458	2218	76,2
Из них с высшим образованием	2912	2769	2792	2618	2458	2218	76,2
Численность ППС (внешних совместителей)	287	181	293	226	293	203	70,7
Из них с высшим образованием	287	181	293	226	292	202	70,4
Количество научных работников (НР)	60	53	42	38	35	63	105
Из них с высшим образованием	59	53	42	38	35	63	105
Количество НР (внешних совместителей)	8	5	3	4	22	28	350
Из них с высшим образованием	8	5	3	4	22	28	350
Количество УВП	1209	1150	1119	1042	1051	973	80,5
Из них с высшим образованием	1209	968	1040	898	658	812	67,2
УВП (внешние совместители)	12	31	29	25	31	27	225
Из них с высшим образованием	9	31	26	11	6	23	255,6

В сфере ВО наблюдается идентичная ситуация по кадрам, как и на других уровнях образования (см. рис. 7).

Рис. 7. Темпы роста численности штатных сотрудников организаций ВО и внешних совместителей, чел.

Figure 7. The growth rate of the number of full-time employees of higher education organizations and external part-timers

Таблица 9 (Table 9)

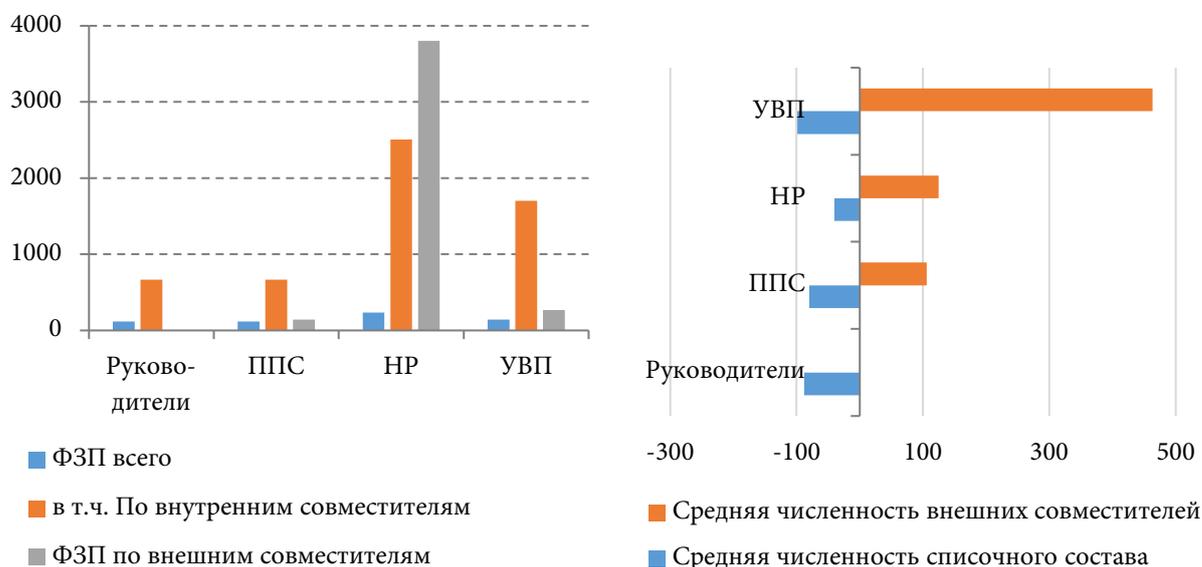
Расходы на оплату труда в сфере ВО
Labor costs in higher education

Наименование показателя	Фонд начисленной заработной платы работников, тыс. руб.						Темп роста, % 2021 / 2016	
	2016	2017	2018	2019	2020	2021		
Руководящие работники	Всего списочного состава без внешнего совместительства	182 742	27 4807,1	310469,5	180648,6	185383,8	210692,9	115,3
	В т. ч. по внутреннему совместительству	756	4784,7	5272,3	3839,9	4731,6	5045	667,3
Средняя численность руководителей, чел.	По внешнему совместительству	175,4	670,2	-	-	-	-	0
	Списочного состава	222,8	298,2	485,3	174,7	186,6	195,7	87,8
Профессорско-преподавательский состав	Внешних совместителей	1	1	-	-	-	-	0
	Всего списочного состава без внешнего совместительства	1 368 816,4	1 364 754,4	1 549 372,9	1 581 367,1	1 594 192,5	1 565 643,8	114,4
Средняя численность ППС, чел.	В т. ч. по внутреннему совместительству	23 412,6	161 060,1	171 639,1	142 922,4	150 222,5	155 359	663,6
	По внешнему совместительству	31 897,4	38 371,8	44 195,8	39062,7	40471,8	45 476,9	142,6
Научные работники	Списочного состава	2612,2	2627,7	2551,2	2412,9	2270,2	2082,2	79,7
	Внешних совместителей	104,6	124,5	131,2	103,9	106,8	111,1	106,2
	Всего списочного состава без внешнего совместительства	27758,4	28403,3	23271,1	77599,7	84700,4	64285	231,6
	В т. ч. по внутреннему совместительству	1203	9712,7	2164,7	33 024,8	32 220,6	30 152,4	2506
	По внешнему совместительству	423,2	323,1	403	11 220,7	13 110,2	16 083,8	3800,5

Продолжение таблицы 9

Наименование показателя	Фонд начисленной заработной платы работников, тыс. руб.						Темп роста, % 2021 / 2016	
	2016	2017	2018	2019	2020	2021		
Средняя численность НР, чел.	Списочного состава	124	47	46	122,4	169,2	50	40,3
	Внешних совместителей	7,2	2,1	2	3,1	8,5	9	125
Учебно- вспомогательный персонал	Всего списочного состава без внешнего совместительства	192 841,8	208 604,2	247 232,8	253 043,5	255 979	270 404,5	140,2
	В т. ч. по внутреннему совместительству	1087,7	18 329,2	21 372,1	23 415,3	22 145	18 497,7	1700,6
	По внешнему совместительству	2057,5	2693,1	2459,9	4551,6	5299	5515,8	268,1
Средняя численность УВП, чел.	Списочного состава	864,8	906,9	962,7	943,71	928,1	856,1	98,9
	Внешних совместителей	4,1	13	20	11,6	14,2	19	463,4

Темпы роста среднесписочной численности и ФЗП в разрезе различных категорий сотрудников ВО демонстрируют возрастающую роль внешних совместителей в кадровом обеспечении высшего образования (см. рис. 8).

8.A. Динамика темпа роста фонда заработной платы

8.A. Dynamics of the growth rate of the wage fund

8.B. Динамика темпа роста средней численности сотрудников

8.B. Dynamics of the growth rate of the average number of employees

Рис. 8. Динамика темпов роста средней численности сотрудников и фонда заработной платы, %

Figure 8. Dynamics of growth rates of the average number of employees and the salary fund

Динамика темпов роста показателей кадрового состава демонстрирует растущую тенденцию к различным формам совместительства и, как следствие, ФЗП внутренних и внешних совместителей значительно превышает в сравнении со штатными работниками. Сокращение среднесписочной численности штатных сотрудников в категориях «учебно-вспомогательный персонал» и «научные работники» и рост численности этих категорий во внешнем совместительстве, при котором максимально возможная продолжительность рабочего времени составляет четыре часа, приводят к перераспределению функционала указанных категорий за счет профессорско-преподавательского состава, в отношении которого увеличивается бюрократическая нагрузка и объем научно-исследовательской деятельности.

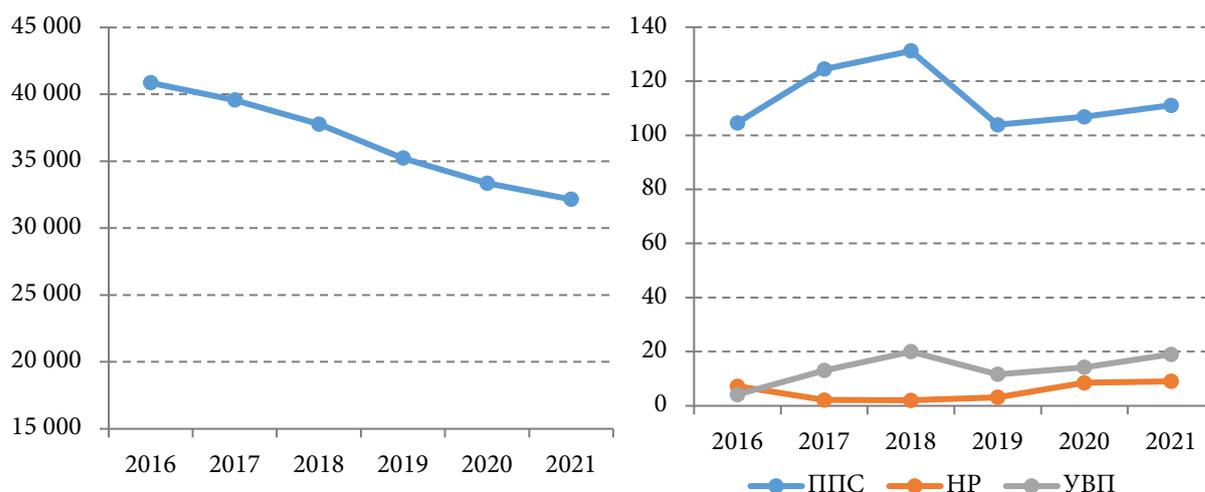
Кадровая составляющая имеет ключевое значение в образовательной сфере и напрямую влияет на количество обучающихся (табл. 10).

Таблица 10 (Table 10)

Число образовательных программ, реализуемых организацией в 2016–2021 гг.
Number of educational programs implemented by the organization

Период	Бакалавриат		Специалитет		Магистратура	
	Образовательные программы, ед.	Обучающихся, чел.	Образовательные программы, ед.	Обучающихся, чел.	Образовательные программы, ед.	Обучающихся, чел.
2016	185	27335	14	6586	176	6938
2017	191	26266	16	6903	201	6393
2018	195	24350	16	6948	196	6466
2019	194	21901	16	6871	185	6450
2020	187	19988	17	7073	154	6288
2021	221	18886	18	7628	146	5625

Рост внешних совместителей и сокращение штатных работников, сопровождается снижением численности обучающихся (см. рис. 9).

9.А. Динамика численности контингента обучающихся ВО

9.А. Dynamics of the number of students of HE

9.Б. Динамика численности внешних совместителей ВО

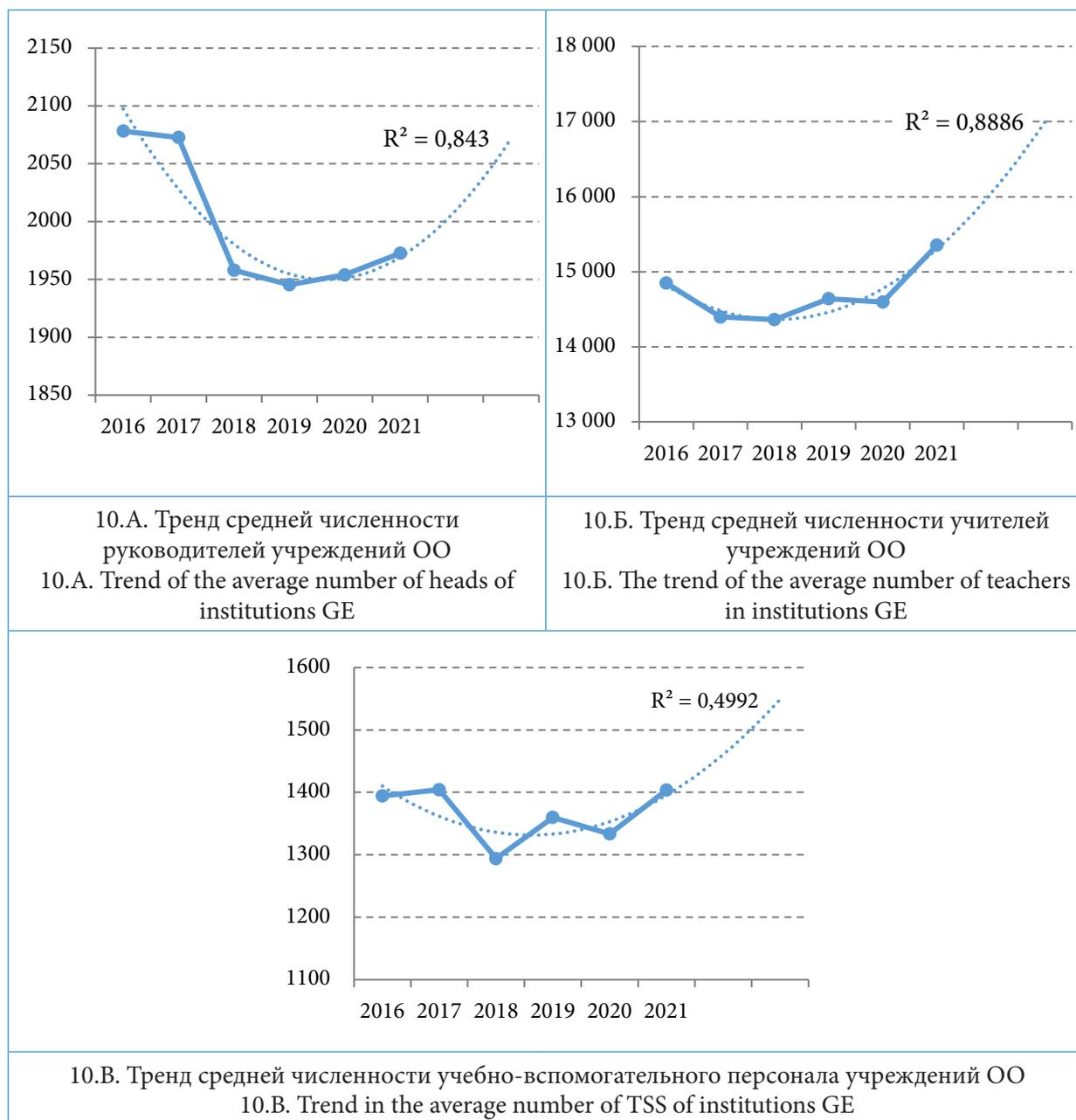
9.Б. Dynamics of the number of external part-timers of HE

Рис. 9. Численность контингента обучающихся и внешних совместителей по различным категориям работников, чел.

Figure 9. The number of students and external part-timers in various categories of employees

Таким образом можно определить единую проблему на всех уровнях образования – замещение штатного персонала внешними совместителями и связанные с этим перераспределение функционала между различными категориями работников, снижение численности обучающихся, неэффективное использование информационно-технических средств обучения. На

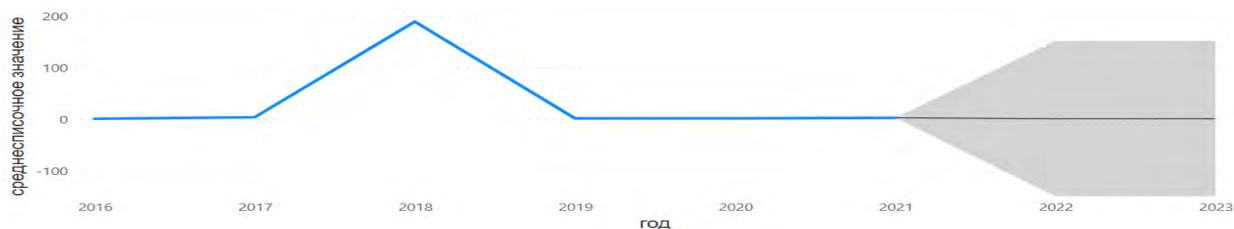
основе динамики численности внешних совместителей и штатных сотрудников были построены тренды и прогнозы численности сотрудников общеобразовательных учреждений (рис. 10–11).

Рис. 10. Тренды средней численности категорий работников учреждений общего образования, чел.

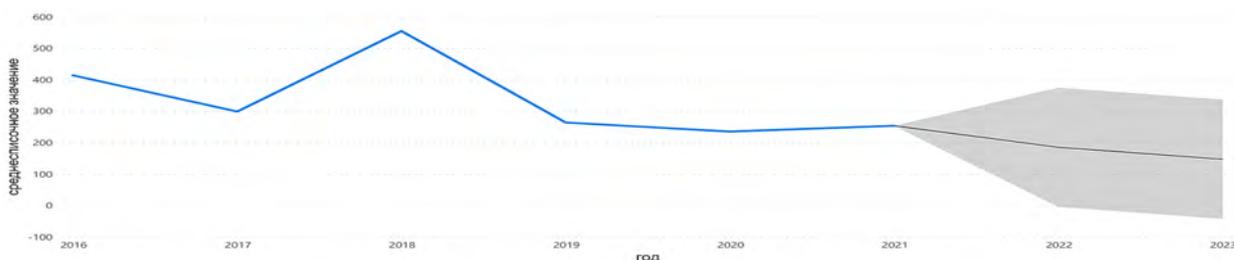
Figure 10. Trends in the average number of categories of employees of general education institutions

Поскольку коэффициент детерминации при построении трендов по внешним совместителям оказался значительно ниже значения 0,5 (низкий уровень достоверности), то в отношении них целесообразнее использовать ВІ – аналитику для построения прогноза (рис. 11). Данный принцип был соблюден и при построении линии трендов по другим уровням системы образования.

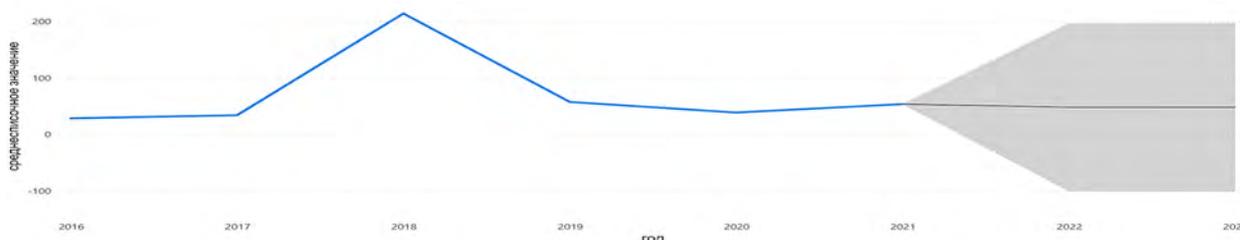
11.А. Прогноз средней численности руководителей – внешних совместителей учреждений ОО

11.А.. Forecast of the average number of managers – external part-timers of institutions GE

11.Б. Прогноз средней численности учителей – внешних совместителей учреждений ОО

11.Б. Forecast of the average number of teachers – external part-timers of institutions GE

11.В. Прогноз средней численности УВП – внешних совместителей учреждений ОО

11.В. Forecast of the average number of TSS – time employees of institutions GE

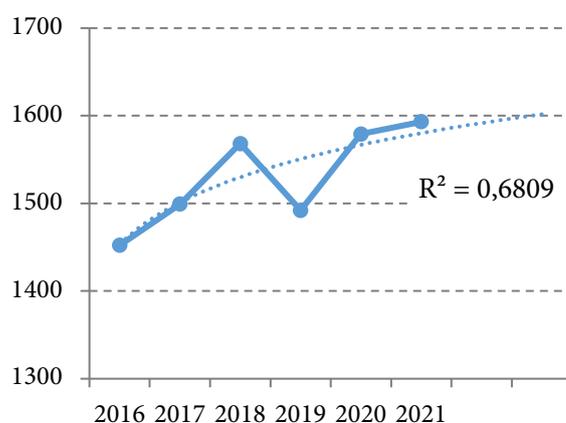
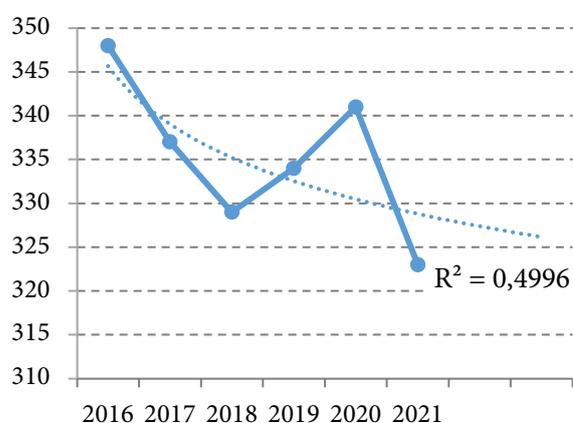
Рис. 11. Прогноз средней численности внешних совместителей общего образования, чел.

Figure 11. Forecast of the average number of external part-timers of general education

Линии тренда по штатным сотрудникам демонстрируют рост численности персонала как в настоящий момент, так и в прогнозном периоде.

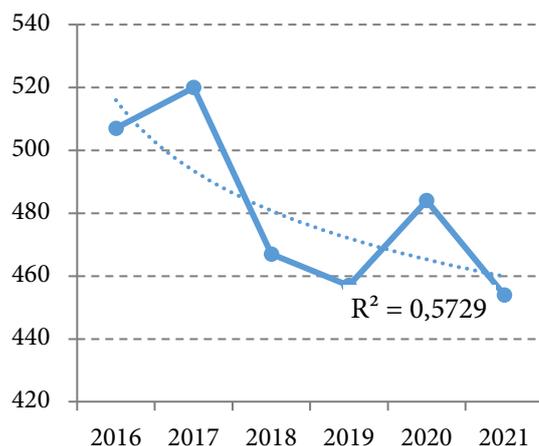
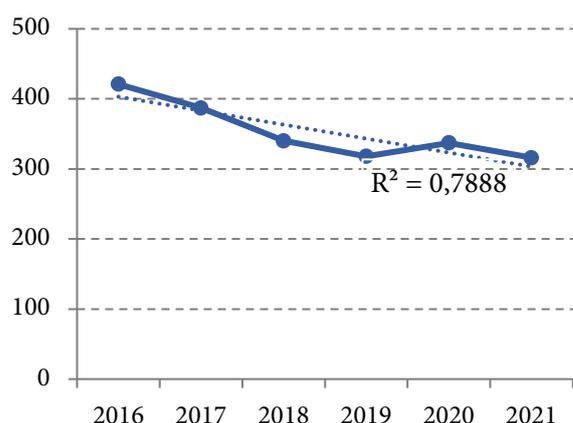
Прогноз по внешним совместителям показывает сохранения средней численности по таким категориям как «руководители», «учебно-вспомогательный персонал». В отношении категории «учителя» прогнозируется сокращение внешних совместителей, что является положительной динамикой.

Аналогичным методом построены линии тренда и прогноз по сотрудникам СПО (рис. 12–13).

12.А. Численность руководителей СПО
12.A. Number of SVE managers

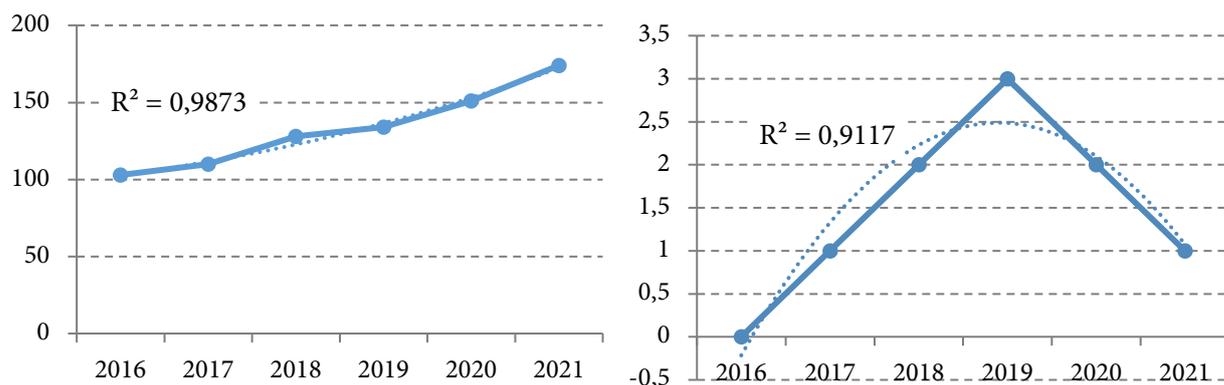
12.Б. Численность преподавателей СПО
12.B. Number of SVE teachers

**12.В. Численность мастеров
производственного обучения СПО**
12.B. The number of masters
of industrial training SVE

**12.Г. Численность учебно-
вспомогательного персонала СПО**
12.G. The number of training
and support personnel of the SVE

Рис. 12. Линии трендов и прогноз численности штатных сотрудников СПО, чел.
Figure 12. Trend lines and forecast of the number of full-time employees of the SVE

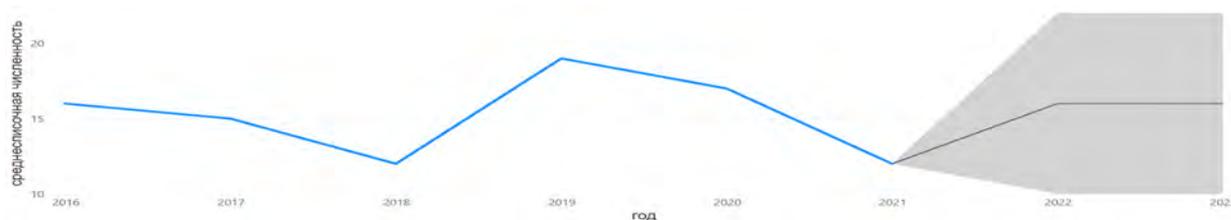

13.A. Численность преподавателей-внешних совместителей СПО

13.A. Number of teachers-external part-time SVE

13.B. Численности мастеров производственного обучения-внешних совместителей СПО

13.B. The number of masters of industrial training-external part-time SVE

13.B. Прогноз численности учебно-вспомогательного персонала-внешних совместителей СПО

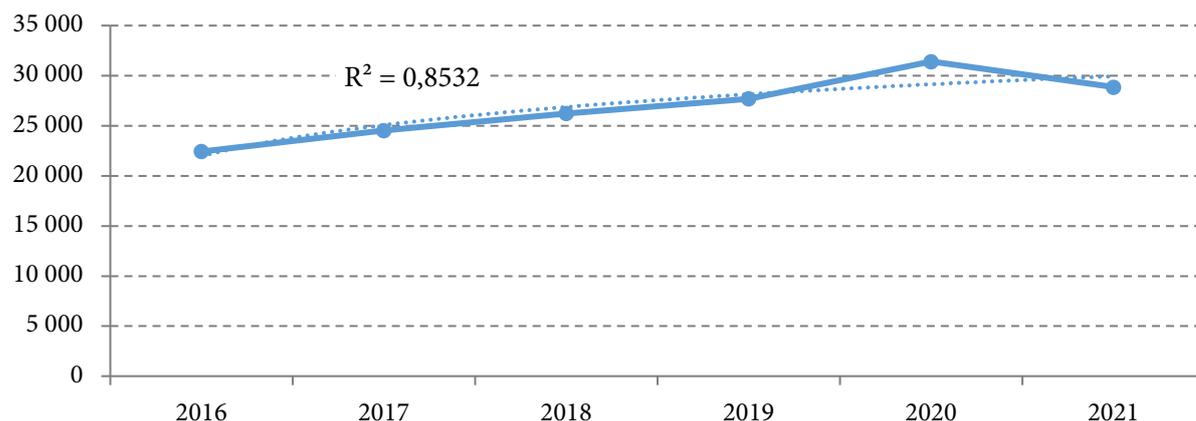
13.B. Forecast of the number of training and support personnel-external part-time SVE

Рис. 13. Линии трендов и прогноз численности внешних совместителей СПО, чел.

Figure 13. Trend lines and the forecast of the number of external part-time SVE

По среднему профессиональному образованию линии трендов показывают рост преподавателей как штатных сотрудников, так и внешних совместителей, сокращение мастеров производственного обучения и возрастающую диспропорцию между учебно-вспомогательным персоналом по штату и внешнему совместительству. Численность руководящих сотрудников также продолжает сокращаться, однако отсутствие данных в данной категории по внешним совместителям делает невозможным построение тренда. В целом построенные тренды указывают на проблему в обеспечении учебного процесса штатными сотрудниками.

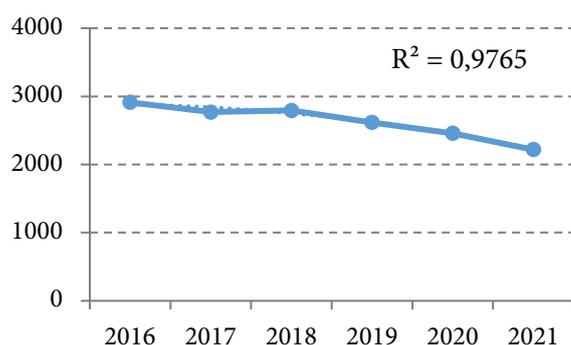
Несмотря на существенное сокращение в 2021–2022 уч. г. численности обучающихся, линия тренда и прогноз указывают на рост данного показателя (см. рис. 14).

Рис. 14. Линия тренда и прогноз численности контингента обучающихся в СПО, чел.
Figure 14. Trend line and forecast of the number of students enrolled in the SVE

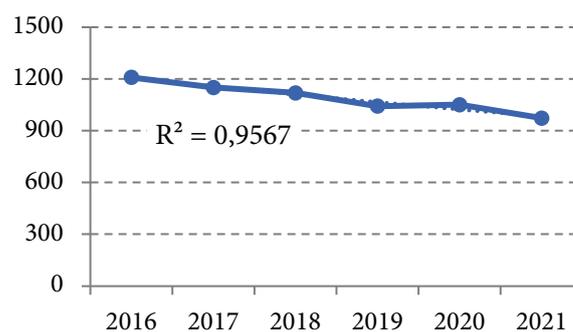
Данное обстоятельство требует системного решения кадрового дефицита для обеспечения качественных результатов образовательной деятельности и сохранения численности контингента обучающихся.

Аналогично были построены линии трендов и прогнозы по организациям высшего образования (рис. 15–16).

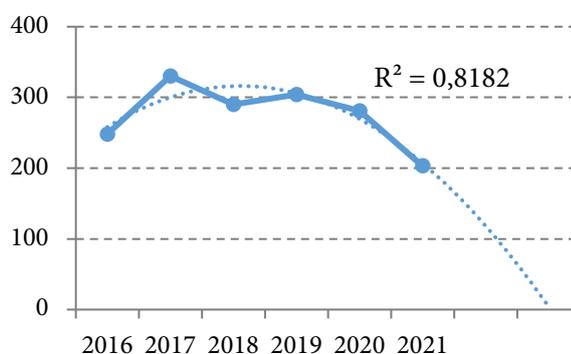
15.А. Численность ППС в ВО

15.А. The number of teaching staff in the HE

15.Б. Численность УВП в ВО

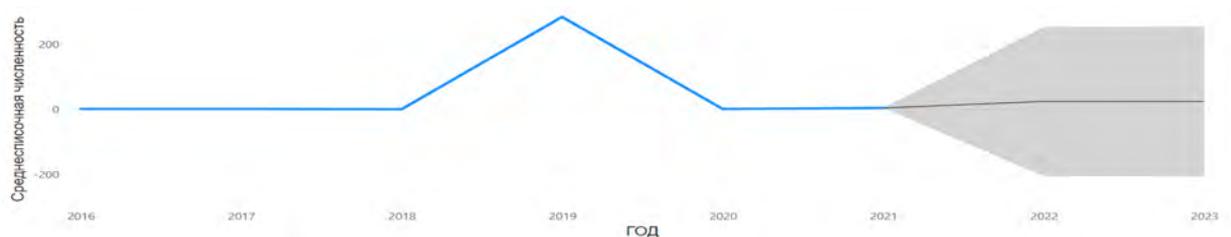
15.Б. The number of TSS in the HE

15.В. Численность руководящих работников в ВО

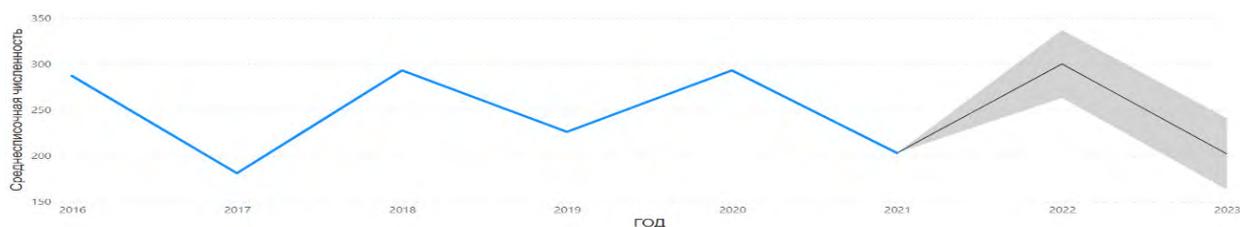
15.В. Number of managers in the HE

Рис. 15. Линии тренда и прогноз численности штатных сотрудников ВО, чел.
Figure 15. Trend lines and the forecast of the number of full-time employees in HE

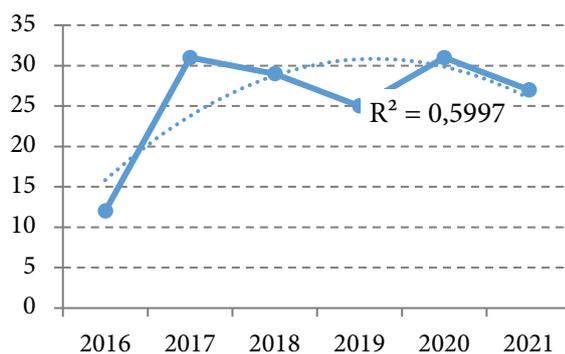
16.A. Прогноз численности руководителей-внешних совместителей учреждений ВО

16.A. Forecast of the number of managers-external part-timers of institutions in HE

16.B. Прогноз численности ППС-внешних совместителей учреждений ВО

16.B. Forecast of the number of teaching staff-external part-timers of institutions HE

16.B. Тренд численности УВП-внешних совместителей учреждений ВО

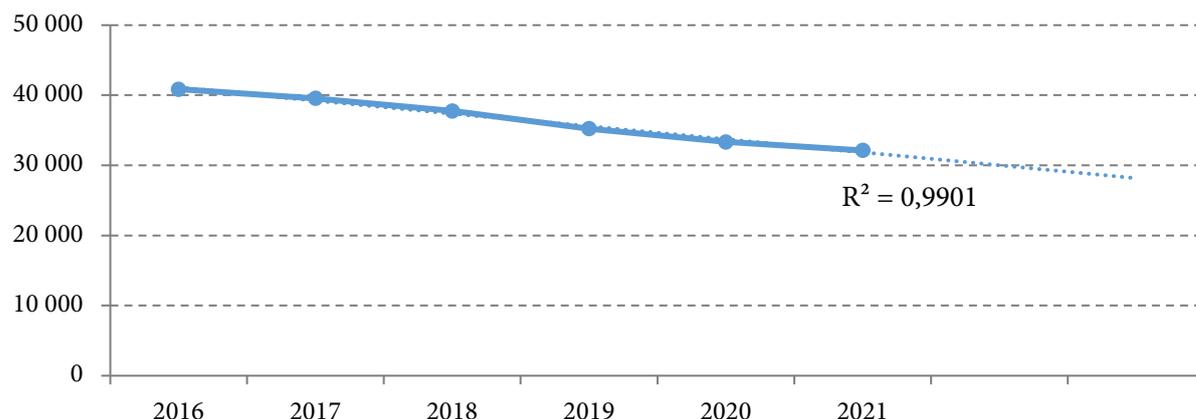
16.B. The trend in the number of ATC-external part-timers of institutions in HE

Рис. 16. Линии трендов и прогноз численности внешних совместителей организаций ВО, чел.

Figure 16. Trend lines and forecast of the number of external part-timers of organizations in HE

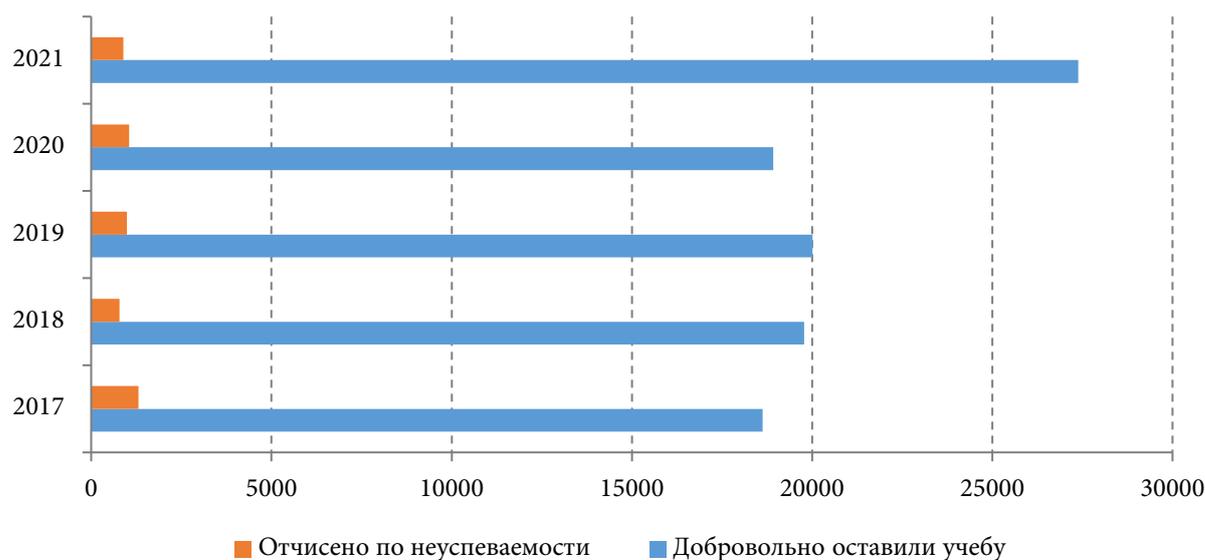
В организациях высшего образования также наблюдается тренд сокращения численности штатных сотрудников по исследуемым категориям, рост наблюдается только в категории «руководящие работники» из числа внешних совместителей.

Наряду с трендами, демонстрирующими сокращение персонала, наблюдается динамичное сокращение численности обучающихся (см. рис. 17).

Рис. 17. Линия тренда и прогноз численности обучающихся в организациях ВО, чел.
Figure 17. Trend line and forecast of the number of students enrolled in organizations in HE

Отметим, что на фоне уменьшения количества обучающихся, с 2017 г. наблюдается рост численности обучающихся, добровольно оставивших учебное заведение¹ (см. рис. 18).

Рис. 18. Динамика обучающихся, оставивших учебу и отчисленных за неуспеваемость, чел.

Figure 18. Dynamics of students who left school and did not pass certification

Подводя итоги, следует отметить наличие общей проблемы в сфере образования – не укомплектованность кадрами, а именно нехватка штатных сотрудников, реализующих и обеспечивающих образовательный процесс. Построенные тренды и прогнозы показывают, что на современном этапе развития сферы образования в регионе не в полной мере задействован имеющийся человеческий потенциал как в комплектовании категории «руководящие работники», так и в «учебно-вспомогательном персонале».

¹ Министерство образования и науки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 17.05.2022).

Это ведет к повышению нагрузки на другие категории работников, в том числе педагогических, что затрудняет достижение качественных результатов образовательной деятельности.

Кроме того, сравнительно низкий уровень заработной платы в системе образования характерен в целом для Южного федерального округа (ЮФО)¹ (табл. 11).

Таблица 11 (Table 11)

Среднемесячная заработная плата на одного работника по классификации отраслей ОКВЭД 85 – Образование

Average monthly salary per employee according to the classification of ATEA industries 85 – Education

Наименование округа	Среднемесячная заработная плата на одного работника, руб.					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Центральный федеральный округ	36 153,0	39 670,6	45 903,9	49 396,2	52 703,2	57 684,2
Северо-Западный федеральный округ	33 974,0	37 439,4	41 946,9	45 406,8	48 195,1	52 888,3
Дальневосточный федеральный округ	36 678,8	38 495,5	40 848,9	44 482,7	47 144,4	51 532,2
Уральский федеральный округ	31 336,1	32 714,3	36 326,1	39 098,8	41 809,1	45 758,2
Сибирский федеральный округ	24 273,4	25 824,7	29 813,8	32 320,9	34 674,2	38 289,3
Приволжский федеральный округ	21 766,7	23 449,3	26 230,5	28 172,7	30 010,3	33 302,8
Южный федеральный округ	22 031,3	23 275,5	25 703,9	27 798,1	29 595,2	32 083,1
Северо-Кавказский федеральный округ	17 700,1	18 584,4	20 743,1	22 191,9	23 941,3	25 946,4

Из данных табл. 12 видно, что среднемесячная заработная плата по ЮФО за 2021 г. сравнима с уровнем 2016 г. по другим округам. При единых задачах, возложенных на систему образования в стране и равных требований к уровню квалификации и результатам труда, в т. ч. публикационной активности педагогических работников, наблюдается экономическое неравенство, что снижает привлекательность сферы образования для профессиональной деятельности молодых специалистов в регионе.

При наличии достаточно высоких квалификационных требований к сотрудникам в сфере образования, подобная тенденция может повлечь за собой негативные последствия, поскольку способствует оттоку профессиональных кадров в другие отрасли или федеральные округа, а также росту совмещений по должностям, что частично нивелирует проблему уровня заработной платы, но потенциально представляет угрозу потери качества образовательной деятельности. Это ведет к сокращению численности обучающихся, потере качества обучения, что в свою очередь тормозит социально-экономическое развитие Республики Крым.

¹ Средняя заработная плата по отраслям и регионам России // Бухгалтерский учет. Налоги. Аудит. URL: <https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/> (дата обращения: 05.08.2022).

Относительно численности обучающихся наблюдается восходящий тренд в СПО и нисходящий в ВО. Сохранение данных трендов приведет к проблемам воспроизводства кадров высшей квалификации, росту их дефицита во всех отраслях экономики региона. Вместе с тем, следует учитывать, что развитие человеческого потенциала представляет собой объективную необходимость для перехода к инновационной экономике. Анализ пространственного развития системы образования как источника развития человеческого потенциала в регионе, может лишь фиксировать специфические проблемы в регионе, предлагать способы и методы их решения для повышения качества образования до уровня, требуемого государством. Построенные тренды и прогнозы позволяют выделить ряд изменений, необходимых для эффективного развития образования в Республике Крым, среди которых: 1) внесение изменений в квалификационные требования к руководящим и педагогическим работникам на соответствие их уровня образования занимаемым должностям, что позволит привлечь в организации сотрудников с высшим образованием и сформировать более качественный кадровый потенциал; 2) создание условий для взаимодействия педагогических и научных работников и оптимальной корреляции научной и педагогической деятельности. Кросс-парные пересечения научной и педагогической деятельности возможны, но отсутствие регламентированных границ стирает осознание работником своих функций и приводит к внутреннему противоречию относительно профессиональных задач: кто осуществляет образовательный процесс – исследователи, занимающиеся преподаванием или преподаватели, занимающиеся наукой. Это в свою очередь позволит профессорско-преподавательскому составу ориентироваться на потребности обучающихся и эффективно реализовывать задачи по подготовке квалифицированных специалистов в регионе; 3) повышение экономической привлекательности системы образования, что позволит сохранить имеющийся кадровый потенциал и привлечь молодых высококвалифицированных специалистов.

Каким бы термином ни обозначали формат экономики в конкретный исторический период (инновационная, креативная, цифровая, индустрия 4.0 и т. п.), человеческий потенциал остается ключевым, а образование – основным источником его развития.

Библиографический список

1. Авилкина С. В. Теоретико-методологические аспекты анализа влияния системы высшего образования на социально-экономическое развитие регионов // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 8(190). С. 640–653. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-8-640-653; EDN: PZHVSU.

2. Акимова И. В., Артюхин В. В. О роли системы образования в устойчивости развития региона // Научное обозрение. Экономические науки. 2022. № 4. С. 5–10. DOI: 10.17513/sres.1106. EDN: KJBXUU.

3. Айрапетова А. Г., Корелин В. В. Проблема современной системы среднего и высшего образования в России – свобода выбора или проблема государственной системы образования // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2018. Т. 1. С. 176–178. EDN: YTGLSX.
4. Арутюнова А. Е. Инвестиции в человеческий капитал как основа формирования креативного потенциала // Российский экономический интернет-журнал: Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка. 2019. № 3. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Arutyunova.pdf> (дата обращения: 05.08.2022). EDN: NSNZZK.
5. Васильева Ю. С., Смирнова В. Р. О роли организаций высшего образования в инновационном развитии регионов России // Инновации. 2021. № 10(276). С. 26–34. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.276.10.005; EDN: SWWRFQ
6. Ковкова В. О. Национальный проект «Образование» в системе стратегического планирования муниципальной системы общего образования // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 2 (130). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/02/9774> (дата обращения: 05.08.2022). EDN: JUQOQL.
7. Котомина О. В. Оценка функционирования системы высшего образования в интересах устойчивого развития региона // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 321–337. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-321-337; EDN: SOGDQU.
8. Ламзин Р. М. Технология развития человеческого капитала как подход к повышению эффективности деятельности образовательной организации // Профессионально-технологическая и экономическая подготовка обучающихся в условиях модернизации и стандартизации образования: сб. ст. II Всеросс. конф. преп., студ., асп. и докт. Волгоград: Сфера, 2021. С. 420–424. EDN: DPEQHK.
9. Матраева А. Д. Роль высшего образования в управлении креативным человеческим капиталом // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 32–35. DOI: 10.24158/spp.2017.10.5; EDN: ZQLHYB.
10. Назаева М. И., Назаева П. Х. Образование как фактор социально-экономического развития России и ее регионов // E-Scio. 2020. № 9(48). С. 407–422. EDN: ZFHMNR.
11. Передерий В. А., Литвинова А. В. Деятельность субъектов высшего образования Республики Крым в контексте социально-экономического развития региона // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10(102). С. 45–51. DOI: 10.24158/spp.2022.10.6; EDN: NYOOMB.
12. Фирсова Н. В. Применение инструментов системы менеджмента качества в системе школьного образования: качество образования – качество жизни // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 1(18). С. 64–68. EDN: SAQACO.

13. Magrupova Z. M., Abdraimova K. K., Shametova A. A. Accumulation of intellectual capital based on qualitative changes in the education // Вестник ун-та Туран. 2022. № 2(94). P. 313–322. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-2-313-322; EDN: QZHWLC.

Получено редакцией: 15.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаворонкова Ольга Ростиславовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Короленко Юлия Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.10

Transformation of the Education System in the Context of Spatial Development of the Region (On the Example of the Republic of Crimea)¹

Olga R. Zhavoronkova

Crimean Federal University named after Vernadsky, Simferopol, Russia

olga-zhavor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8598-8008

Julia N. Korolenko

Crimean Federal University named after Vernadsky, Simferopol, Russia

korolenko_simf@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1356-3067

For citation Zhavoronkova O. R., Korolenko Ju. N. Transformation of the education system in the context of spatial development of the region (on the example of the Republic of Crimea). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 184–214. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.10; EDN: XHKKB.

Abstract. The article considers the features of the development of the education system in the Republic of Crimea as the main factor of socio-spatial development of the region. The authors have analysed the dynamics of the main indicators of the education system at three levels: general education, secondary vocational and higher education. The considered main indicators are as follows: geographical accessibility of educational institutions for the population, their provision with information and technical means of educational process and human resources. The analysis of human resources was carried out in the context of those categories of personnel who directly implement and provide the educational process. The study revealed the presence in educational institutions of managers and teaching staff without higher education. The article compares the number of external part-time and full-time employees in the categories under study, compares the results with the number of students. It is demonstrated that in the conditions of the tendency of growth in the number of external collaborators and reduction of full-time employees in the system of higher education the number of students who voluntarily left education is growing. The article also considers the dynamics of growth of the wage fund for these categories of employees, and compares the average wage per person by type of activity (education) in the Southern Federal District in relation to other federal districts. It is revealed that the level of remuneration of education employees in the Southern Federal District in 2021 is at the level of 2016 in comparison with other districts. According to the indicators of the personnel structure by the ratio of full-time employees and external part-timers, trend lines have been built to identify the trends of changes in their number. For some categories of employees the forecast for two years was made to identify probabilistic quantitative changes in the staffing of the education system. It is substantiated that the solution of personnel issues will lead to the preservation and increase in

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, “Priority – 2030 program” № 075–15–2021–1323.

the number of students, improve the quality of education and human development in the region. The paper presents conclusions on the results of the study. On the basis of the constructed trends and conclusions the authors formulate specific recommendations to eliminate the identified problems in the education system.

Keywords: education system, general education, secondary vocational education, higher education, human potential, personnel, trends

References

1. Avilkina S. V. Theoretical and methodological aspects of the analysis of the impact of the higher education system on the socio-economic development of regions. *Ekonomika i upravleniye*, 2021: 27: 8 (190): 640–653 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2021-8-640-653. EDN: PZHVSN.
2. Akimova I. V., Artuhin V. V. On the role of the education system in the sustainability of the region's development. *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskkiye nauki*, 2022: 4: 5–10 (in Russ.). DOI: 10.17513/sres.1106. EDN: KJBXUU.
3. Airapetova A. G. The problem of the modern system of secondary and higher education in Russia – freedom of choice or the problem of the state education system. *Planirovaniye i obespecheniye podgotovki kadrov dlya promyshlennno-ekonomicheskogo kompleksa regiona*, 2018: 1: 176–178 (in Russ.). EDN: YTGLSX.
4. Arutyunova A. E. Investments in human capital as a basis for the formation of creative potential. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal: Institut issledovaniya tovarodvizheniya i kon»yunktury optovogo rynka*, 2019: 3. Accessed 05.08.2022. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Arutyunova.pdf> (in Russ.). EDN: NSNZK.
5. Vasilieva U. S., Smirnova V. R. On the role of higher education organizations in the innovative development of Russian regions. *Innovatsii*, 2021: 10 (276): 26–34 (in Russ.). DOI: 10.26310/2071-3010.2021.276.10.005. EDN: SWWRFQ.
6. Kovkova V. O. National project “Education” in the system of strategic planning of the municipal system of general education. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*, 2022: 2 (130). Accessed 05.08.2022. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/02/9774> (in Russ.). EDN: JUQOQL.
7. Kotomina O. V. Assessment of the functioning of the higher education system in the interests of sustainable development of the region. *Vestnik Permskogo un-ta. Ser.: Ekonomika*, 2022: 17: 3: 321–337 (in Russ.). DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-321-337. EDN: SOGDQU.
8. Lamzin R. M. Technology of human capital development as an approach to improving the efficiency of an educational organization. In Vocational, technological and economic training of students in the conditions of modernization and standardization of education: a coll. of art. of the II All-Russian Conference. Volgograd, Sfera, 2021: 420–424 (in Russ.). EDN: DPEQHK.
9. Matraeva A. D. The role of higher education in the management of creative human capital. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2017: 10: 32–35 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2017.10.5. EDN: ZQLHYB.
10. Nazaeva M. I., Nazaeva P. H. Education as a factor of socio-economic development of Russia and its regions. *E-Scio*, 2020: 9(48): 407–422 (in Russ.). EDN: ZFIHMR.
11. Perederiy V. A., Litvinova A. V. Activities of higher education entities of the Republic of Crimea in the context of socio-economic development of the region. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2022: 10(102): 45–51 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2022.10.6. EDN: NYOOMJ.
12. Firsova N. V. Application of quality management system tools in the school education system: quality of education – quality of life. *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy*, 2021: 1(18): 64–68 (in Russ.). EDN: SAQACO.
13. Magrupova Z. M., Abdraimova K. K., Shametova A. A. Accumulation of intellectual capital based on qualitative changes in the education. *Vestnik un-ta Turan*, 2022: 2(94): 313–322. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-2-313-322. EDN: QZHWLC.

The article was submitted on: August 15, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga R. Zhavoronkova, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of personnel management, Institute of Economics and management, Crimean Federal University named after Vernadsky

Julia N. Korolenko, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of personnel management, Institute of economics and management, Crimean Federal University named after Vernadsky

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.11
EDN: ZFTZUH

Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований¹

Ссылка для цитирования: *Матвеев В. В., Большаков А. Ю.* Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.11; EDN: ZFTZUH.

For citation: Matveev V. V., Bolshakov A. Yu. Reproduction of inequality in Russian education: state and prospects of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.11; EDN: ZFTZUH.

Матвеев Вячеслав Викторович¹

¹Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Vyacheslav.matveev@novsu.ru

AuthorID РИНЦ: 1077807

Большаков Алексей Юрьевич¹

¹Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

ex_lop@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах современных социологических исследований анализируются факторы неравенства в отечественном образовании. Представлены данные, показывающие, что неравенство в образовании имеет тенденцию к воспроизводству в двух базовых формах: а) неравные образовательные возможности для разных групп учащихся; б) неравные образовательные результаты. В рамках той и другой формы существуют факторы (барьеры) неравенства, препятствующие получению индивидами образования. В статье к таким факторам неравенства отнесены: а) группирование учащихся по разным образовательным потокам по итогам тестов и успеваемости, когда подобная группировка получила название трекинга; б) специфические отношения педагогов к учащимся из разных социальных групп, что может вести к необъективной оценке учебных достижений

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-28-10010

школьников; в) региональные различия в деятельности образовательных учреждений, что связано с типом населенных пунктов и их экономическим развитием; г) различия в семейных структурах, среди которых выделяются количественный размер семьи, порядок рождения детей, является ли семья полной или нет; д) ценностное отношение родителей из разных социальных слоев к учебе своих детей; е) гендерные стереотипы при получении образования, ведущие в дальнейшем к гендерному дисбалансу профессиональной структуры в обществе; ж) развитие языковых способностей учащихся, когда дети из разных социальных слоев по-разному выражают свои знания и опыт, что отражается на учебных оценках и успеваемости. Появляются новые формы неравенства, например, цифровое, развитие которого увеличивает социальное неравенство. Развитие информационной техники, IT-технологий приводит к появлению новых форм цифрового неравенства, в том числе в городах и в среде персонала самой системы образования. Показана негативная роль образовательного неравенства для современного российского общества, что может проявиться в ослаблении солидарности общностей и групп российского общества. Приведены практики преодоления влияния факторов неравенства в образовании на примерах школ, работающих в неблагоприятных социально-экономических условиях (резильентные школы). Также анализируются эмпирические данные увеличения числа молодежи из экономически благополучных слоев населения, поступающих в систему среднего профессионального образования. Специфика рассмотренных факторов неравенства в образовании усиливает исследовательское внимание к ним.

Ключевые слова: образовательное неравенство, факторы неравенства в образовании, образовательная траектория, образовательная политика, трекинг

Введение

В мире растет исследовательский интерес к социальному неравенству и всем его видам. Многие дискуссии посвящены размерам и динамике неравенства, его источникам и последствиям, а также тем социальным травмам, которые возникают вследствие неравенства. На XIII (1994 г.), XVIII (2014 г.) и XIX (2018 г.) Всемирных социологических конгрессах неоднократно выдвигалась идея о том, что в современном мире неравенство генерируется как старыми, так и новыми социальными институтами, одним из которых является образование [2, с. 27–29; 6, с. 21].

Философы, педагоги, социологи анализируют взаимосвязи неравенства и образования, данная тематика была и остается одной из остро дискутируемых в социологии образования [31, с. 193–194]. Острота дискуссий вызвана тем, что социальные группы с их потребностями и интересами формируют разные плоскости социальных отношений в сфере образования и особые социальные заказы, чем влияют на образовательную политику, превращая ее в сложный агрегат со своими закономерностями и механизмами. Задачей социологии образования становится не только накопление данных о поведении социальных групп в системе образования, но и анализ причин неравенства в ней, а также поиск моделей, которые будут снижать образовательное неравенство.

Слабой, по нашему мнению, стороной российских публикаций о взаимосвязи образования и неравенства является недостаточная ориентация многих ученых на базовые концепции самой социологии образования (социальных функций образования, структуры образования как социальной системы), а также на поиск и доказательный анализ значимых для образовательной политики конкретных механизмов воспроизводства неравенства в образовании, в разных его сегментах и на разных уровнях.

Постановка проблемы

Есть несколько причин, актуализирующих тему связи образования и социального неравенства. Во-первых, неравенство все больше рассматривается как явление, которое углубляется и выходит из-под контроля общества. Расширяющиеся масштабы неравенства отражаются в известном тезисе «как экономика для 1%», когда сравниваются доходы 1% господствующей в экономическом плане части населения с 99% остальных [25, с. 8]. Рост неравенства стал предметом дискуссий о его природе, одно из объяснений состоит в том, что сохранение неравенства обеспечивает экономический рост и развитие общества. Данная идея обосновывается в ряде теоретических построений, например, в постмодернистской теории «общества потребления», в идее информационного общества в теории постиндустриализма, при анализе обществ «легкого» и «тяжелого» капитализма в теории текущей современности.

Во-вторых, в условиях усиливающегося неравенства индивид должен обладать рядом конкурентных ресурсов, одним из которых является образование. Ученые отмечают, что образование, в противовес собственности с ее практикой наследования в традиционных и индустриальных обществах, стало остовом новой системы социального неравенства [26, с. 7].

В-третьих, в рыночном обществе собственность и образование конкурируют друг с другом за лидерство в качестве основы неравенства. Но остается вопрос: воспроизводится неравенство в образовании или нет, и каковы механизмы этого процесса? Есть исследования, утвердительно отвечающие на него. На уровне индивидов существуют барьеры, ограничивающие их возможности в получении образования [7, с. 21; 11, с. 54–55]. Но есть и данные о том, что образование сокращает социальное неравенство, выравнивая жизненные шансы индивидов [12, с. 86]. В итоге, читатель, знакомясь с представленной в исследовательской литературе картиной образования, видит в нем либо «великого уравнивателя», либо фильтр и приходит к выводу о противоречии двух указанных подходов. Приводимая эмпирическая статистика сама по себе убедительна и не дает оснований подозревать авторов в предвзятости, но она не отвечает на вопрос о неравенстве в образовании, лишь усиливая интерес к данной теме.

В последние десятилетия появились данные, добавляющие «новые краски» в картину образовательного неравенства в России. Так, растет интерес к школам, успешно работающим в неблагоприятных социально-эко-

номических условиях (резильентные школы) [27; 4]. Особенность их в том, что в них в основном учатся дети из малообеспеченных и неполных семей, или из семей, где у родителей невысокий уровень образования и низкий социально-экономический статус, а сами школы не обладают достаточными кадровыми и финансовыми ресурсами. Но благодаря совместной работе учителей и родителей у многих детей в данных школах формируется высокая мотивация на учебу [5, с. 79]. Отчасти это напоминает «лондонский эффект», когда высокая доля школьников-мигрантов статистически коррелировала с успешными образовательными результатами конкретной школы [4, с. 93–132]. Резильентность понимается как способность школы переходить с деградирующих уровней на более высокие уровни развития и применяется не только к школам, но и к учителям и директорам [27, с. 10.].

Для исследования образовательного неравенства процессы резильентности интересны тем, что они противоречат стереотипной версии о низкой мотивации на обучение у детей из социально неблагополучных семей. На такую мотивацию указывали отечественные исследователи, когда вслед за Б. Бернштейном объясняли взаимодействие школ и семей влиянием социального неравенства: родители из нижних социальных страт сопротивляются требованиям школы, им сложнее общаться с педагогами, так как они не разделяют ценностей в рамках формальной системы образования, имеют небогатый словарный запас и низкий уровень интеллектуального развития. Чем выше ступень образования, на которой обучаются школьники, тем сложнее родителям взаимодействовать со школой. И наоборот, чем ближе культурный капитал семьи ценностям системы образования, тем результативнее связь школы и родителей учащихся [21, с. 56]. Практика резильентных школ показывает, что выравнивание образовательных возможностей детей из разных социальных групп происходит с опорой на определенные педагогические технологии, в основе которых лежит развитие партнерства родителей и педколлективов [21, с. 57].

Несколько неожиданными для ученых стали процессы в отечественном среднем профессиональном образовании (далее СПО). Еще лет десять–пятнадцать назад в России данный уровень выбирали как один из будущих путей для более простого поступления в вузы девятиклассники из семей «слабых» в экономическом и культурном плане [16, с. 41; 3, с. 99]. Но с 2016–2018 гг. наблюдается рост доли молодежи, поступающей в учреждения СПО не только после 9-го, но и после 11-го класса общеобразовательной школы, и зачастую из семей с высоким социально-экономическим статусом, среднего класса [22, с. 59]. И хотя формирование подобного трека в выборе образовательного пути во многом связано с внешним набором факторов (демографические тенденции в стране, изменения отраслевых структур экономики, проблемы избыточной квалификации рабочей силы и др.), его быстрое формирование, а также «пластичное» поведение отдельных социальных слоев показывают связь данного трека с темой неравенства.

Изучая тему образовательного неравенства, нельзя не замечать цифровое и гендерное неравенство [20; 9; 31]. Цифровое неравенство («цифровой разрыв») все больше становится социальной проблемой, так

как связано со спецификой владения гражданами ИТ-технологиями и соответствующими материальными ресурсами. Цифровой разрыв – это разрыв между группами, имеющими возможность пользоваться ИТ-технологиями (включая AI) и вытекающими из этого преимуществами (рост профессиональных возможностей, социального статуса, карьерных перспектив и т. п.), и теми, кто подобных возможностей не имеет. Ученые выделяют разные уровни цифрового разрыва, анализируют его факторы, хотя и признаются, что четкого понимания того, насколько доступ к ИТ-технологиям и владение ими детерминируют социальное положение индивидов, еще нет [9, с. 116].

Нельзя сбрасывать со счетов и гендерные различия в образовательных результатах, реально проявляющиеся в мужских и женских профессиях (например, феминизация учительства и маскулинизация инженерных профессий); в более высоких уровнях успеваемости в школе у девочек, чем у мальчиков; во влиянии пола учителя на образовательные результаты учащихся; в различиях образовательных и карьерных траекторий мужчин и женщин. Все это требует описания, анализа и последующей возможной корректировки на уровне образовательной политики.

Обращение к образовательной политике смещает анализ от научной концепции к состоянию организационно-бюрократических и корпоративно-государственных позиций, в которых реализуются цели и интересы крупных акторов (государство, политические объединения и др.). В идеальном варианте набор базовых задач этой политики должен включать: построение единого образовательного пространства; обеспечение равного доступа граждан к качественному образованию; осуществление культурной преемственности и, одновременно, динамизма через образовательные инновации; учет и корректную реализацию образовательных потребностей социальных общностей; выработку модели научного управления образованием.

Обсуждение задач образовательной политики важно в связи с диалогом о мерах по повышению уровня солидарности социума. П. А. Сорокин писал, что солидарные общества создаются на базе основных ценностей и согласованных норм [30, с. 43–44]. Отмеченный в начале данной статьи рост неравенства ведет не только к усилению бедности в обществе, но и подрывает его солидарность, усиливая протестный потенциал [25, с. 30]. Расслоение групп, неопределенность их ценностных ориентаций создает барьеры для социальной консолидации, трудности преодоления которых в образовании понижает запросы у части людей. В итоге, в малоресурсных группах оправдывается наследование низкого социального статуса, что служит основой воспроизводства неравенства в новых поколениях [13, с. 72].

53% жителей российской провинции высоко оценивают роль образования в обретении материального достатка и карьерного положения. В общественном сознании до половины опрошенных оценивают образование как канал восходящей социальной мобильности [28, с. 66]. Подобная оценка населением роли образования толкает ученых и политиков к поиску моделей оптимального сочетания общественных и групповых интересов,

индивидуальных способностей, что может стать основой для решения задачи снижения образовательного неравенства и повышения сплоченности современного российского общества.

Целью статьи является описание факторов, влияющих на воспроизводство образовательного неравенства, с возможной детализацией механизмов их влияния. Реализация цели включает два этапа: на первом будет дан **общий** перечень факторов воспроизводства неравенства в системе образования; на втором на материалах отечественных исследований будут показаны механизмы, рельефно воспроизводящие образовательное неравенство.

Факторы неравенства в образовании

Теоретические модели, описывающие социальное неравенство, представляют собой макросоциологические конструкции и все-таки носят абстрактный характер, не показывают саму механику социального процесса формирования неравенства. Однако наряду с фундаментальным, например, политико-идеологическим знанием о неравенстве, существуют и повседневные социальные практики неравенства. Они сложились как два разнонаправленных процесса: один из них – *дифференциация* (отделение «чужих»), а другой – *единение* (объединение «своих»). Именно в рамках повседневных практик неравенства можно видеть действие факторов (или барьеров), интегрально воздействующих на образовательный путь индивида [15 с. 126]. Это помогает понять, как в рамках института образования макропроцесс неравенства перетекает в повседневную жизнь людей.

В социологии образования известен перечень факторов, способствующих воспроизводству неравенства в образовании [24, с. 39–42]:

1. *Группировка учащихся по разным образовательным потокам* по итогам тестов и успеваемости (в зарубежной литературе подобная группировка получила название трекинга (tracking), приводящее к тому, что разные типы учебных заведений предоставляют разные возможности доступа к образованию, тем самым дифференцируя учащихся.

2. *Специфические отношения педагогов к учащимся* из разных социальных групп, что в силу принадлежности учителей к среднему классу может вести к необъективной оценке учебных достижений школьников из нижних слоев общества, к навешиванию на них ярлыков (плохие или хорошие), к разрывам в достижениях между учениками и к отсеву части из них, что реально связано со статусом семей школьников.

3. *Региональные различия в деятельности образовательных учреждений*, что связано с типом поселений и их экономическим развитием.

4. *Различия в семейных структурах*, среди которых выделяются – количественный размер и состав семьи, порядок рождения детей.

5. *Ценностное отношение родителей к учебе своих детей*, проявляющееся в том, что дети с большими успехами в учебе обычно оказываются из семей, где на них возлагаются надежды и требования к процессу обучения.

6. Развитие языковых способностей учащихся, когда дети из разных социальных слоев по-разному выражают свои знания и опыт, что отражается на учебных оценках и успеваемости.

В последующие годы исследователи включили в перечень факторов расслоения в образовании следующие: *цифровой разрыв*, ведущий к неравенству возможностей социальных групп во владении и использовании цифровых технологий [9, с. 109]; *гендерные стереотипы*, формирующие гендерный дисбаланс в образовании [24, с. 41].

Перечень факторов социального расслоения в образовании достаточно широк. В нем есть факторы, изученные в большей или в меньшей степени, однако их рассмотрение в рамках единой картины дает исследователям возможность уточнить свои представления о воспроизводстве неравенства, скорректировать ожидаемые результаты при разработке образовательной политики, в том числе и с целью борьбы с неравенством.

Исследования группирования по образовательным потокам

Разделение учащихся по образовательным потокам – один из важных факторов неравенства в современном образовании, когда фиксируются доля учащихся в том или ином образовательном потоке и социоэкономический статус и уровень образования их родителей. Применяя подобную схему, исследователи в рамках проекта «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП) пришли к интересным выводам [19]. Центральный вывод состоял в том, что даже с переходом в 2012 г. на подушевое финансирование школ сохраняются различия между элитными и обычными школами, а распределение по образовательным потокам во многом детерминировано социальным положением семьи [19, с. 81]. Наглядно этот фактор действует при переходе из 9-го класса в старшие классы, особенно в элитных школах. Чем выше социально-экономический статус семьи школьника, тем чаще он оказывается в более престижной школе [19, с. 89–90].

Авторы вводят понятия первичных и вторичных эффектов социального происхождения и показывают, что эти эффекты приводят к феномену Матфея [19, с. 95], когда учебные недостатки или достоинства школьника, заложенные на предыдущем уровне обучения, не только передаются, но и преумножаются на следующих уровнях, что в целом воспроизводит и даже усиливает неравенства в образовании практически на каждом его уровне.

О том, что уровень получаемого индивидом образования наиболее чувствителен к статусно-должностному положению родителей, было подтверждено и в изучении работающей молодежи [37, с. 191]. Должностной статус родителей влиял на такие характеристики, как: 1) материальное положение семьи, 2) требования со стороны старших к молодым в вопросах школьной учебы, 3) выбор выпускниками школ вуза и профиля обучения в нем.

Представление о действии группирования в рамках образовательных потоков дал международный исследовательский проект eduLIFE, целью которого было изучение роли среднего образования в формировании неравенства [32]. Проект интересен еще и тем, что дает возможность сравнить данные из России и других стран при ответе на следующие вопросы:

- какие факторы влияют на распределение школьников между уровнями основного и полного среднего образования?
- как механизмы отбора на уровне среднего образования влияют на формирование образовательных траекторий школьников в дальнейшем?

В рамках проекта изучались системы образования более полутора десятков стран [32, с. 58–59]. Во всех них деление учащихся на образовательные потоки начинается в разное время. Есть страны, идущие по пути *раннего трекинга*, где разделение на потоки начинается по окончании начальной школы (Германия, Венгрия, Швейцария). Другая модель, получившая название *скандинавская инклюзивная*, отличается тем, что группировка начинается примерно в 16 лет (Финляндия, Швеция). Третья получила название *модель индивидуального выбора* (США, Англия, Австралия), специфика которой состоит в низкой стандартизации учебных программ и наличии самостоятельного выбора учащимися с разными способностями в определенных учебных предметах. Четвертая группа стран использует модель *смешанного трекинга* (Франция, Италия, Россия), когда деление на образовательные потоки начинается в 14–15 лет [32, с. 62–63].

Репрезентативный эмпирический материал позволил исследователям сделать ряд важных выводов. Во-первых, несмотря на различие стран, во всех них, в том числе в России, присутствует неравенство при прохождении среднего образования, когда дети из экономически и социально благополучных семей попадают в более престижные образовательные учреждения и программы. Селективный характер статуса семьи работает уже на ранних этапах образовательного пути школьника, что характерно для моделей раннего и смешанного трекинга, как в России [32, с. 66].

Во-вторых, исследователи зафиксировали связь между дополнительными занятиями с репетиторами и социальным происхождением детей: школьники из более экономически и социально благополучных семей чаще опирались на такую модель подготовки [32, с. 66].

Третий вывод, общий для всех стран, состоит в том, что реформы, направленные на снижение неравенства в системе образования, должны учитывать существующую практику конвертации ресурсов отдельных активных социальных групп в образовательные достижения своих детей [32, с. 71].

Исследования региональных различий

Анализ неравенства образовательных шансов молодежи будет неполноценным без учета регионального и поселенческого фактора на дифференциацию школ и образовательных систем, что с некоторой долей условности

можно назвать «центр – провинция» (например, «Москва – регионы», «областные центры – муниципальные районы»). Территориальный фактор, как выявлено, влияет на успеваемость и образовательные траектории учащихся [1, с. 398–399].

Исследователями определены каналы влияния территориального фактора на образование, а именно:

1. Дифференциация поселений по источникам ресурсов (разный объем финансирования городских и сельских школ; возможности поиска квалифицированных педагогов; наличие в поселении и/или регионе учреждений образования в ветхом состоянии, с плохим Интернетом; климатические особенности).

2. Различия в социальных характеристиках семей учащихся, что может отразиться на успеваемости школьников (доля родителей с высшим образованием, из более экономически обеспеченных слоев, с высоким уровнем языковых компетенций выше в городских поселениях, чем в сельских).

3. Наличие в локальных сообществах социальных норм, ожиданий, определенных ролевых моделей, приводящих к эффекту «коллективной социализации» через процесс тиражирования норм, и служащих для части молодежи ориентиром в выборе образовательных траекторий.

Все указанные выше характеристики дали возможность выделить на территории России два типа региональной среды с разным образовательным потенциалом [33, с. 154]. Эти типы отличаются насыщенностью учреждениями среднего и высшего образования, спортивными сооружениями, культурными объектами, работающими для детского образования. Их назвали «образовательными оазисами» в противовес «образовательным пустыням» (где нет сети вузов и колледжей, учреждений культуры и спорта) [1, с. 394].

Со времени введения ЕГЭ влияние территориального фактора на образование было детализировано некоторыми методиками, которые позволяли определить влияние региональных различий на средний балл ЕГЭ. Данные по регионам в 2009–2014 гг. показали, что «характеристики регионов определяют баллы ЕГЭ на 64% по русскому языку и на 53% по математике» [34, с. 156]. Одним из ведущих факторов влияния на неравенство результатов ЕГЭ внутри региона является наличие доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, что связано с противопоставлением: большой город – малый город – село [33, с. 155].

На основе эмпирических данных 2018 г. ученые фиксировали, что в сельских школах ниже, чем в городских показатели освоения школьниками учебных предметов с 1 по 4 классы. В дальнейшем – с 5 по 7 классы – снижение показателей успеваемости фиксировалось и в городских, и в сельских школах, хотя в последних оно было более существенным. Однако уже в старших классах происходит рост успеваемости в городских и в сельских школах, причем в сельских рост более заметен, что связано с увеличением среди сельских учащихся группы более мотивированных на дальнейшую учебу, по сравнению с городскими старшеклассниками [13, с. 77].

В отечественных исследованиях фиксируются результаты, связанные с участием школьников из разных типов поселений в международных тестированиях TIMSS (тест качества математического и естественнонаучного образования) и PISA (наряду с математическими и естественнонаучными достижениями изучается и чтение школьников). Данные этих международных проектов показали, что в 2003–2015 гг. у школьников из разных типов поселений (большие города и небольшие населенные пункты) постепенно стирается разрыв в результатах TIMSS и растет разрыв по результатам PISA [33, с. 153]. Подобная динамика была подтверждена в других исследованиях, что позволило выдвинуть гипотезу о том, что PISA сильнее связана с социально-экономическим статусом семей школьников, чем TIMSS [12, с. 97].

Территориальная структура системы образования существенно влияет на миграционные планы молодежи. Отток молодежи из небольших городов и сельских поселений во многом связан с трудностью получения доступных и разнообразных образовательных услуг, так как нет вузов и невелик выбор учреждений СПО [29, с. 24].

Применительно к социальной структуре тех поселений, откуда мигрирует молодежь, эти процессы приводят к росту доли лиц с низким образовательным уровнем и культурным потенциалом, что в последующем, когда они сами станут родителями, становится основой для низкого родительского интереса к учебным успехам уже своих детей. Тем самым территориальные различия в образовании формируют институциональный барьер доступности образования в новых поколениях [24, с. 45–46].

Очевидно, что любые реформы образования в России должны учитывать действие территориального фактора в воспроизводстве образовательного неравенства, так как исследователи по-прежнему фиксируют различия возможностей школ в разных населенных пунктах. Благоустройство образовательных учреждений не только в городах, но и в сельской местности, создание условий для дополнительного образования школьников, полный охват населения регионов скоростным и дешевым Интернетом, равный доступ детей к образовательным ресурсам должны относиться не только к сфере желаемого, но и реально достижимого.

Анализ изменений в среднем профессиональном образовании

С 2018–2019 гг. исследователи стали все больше интересоваться изменениями в среднем профессиональном образовании (далее СПО). Эти изменения состоят в том, что среди выпускников общеобразовательных школ отмечается рост спроса на программы среднего профессионального образования [17, с. 9]. Что же могло произойти в общественном сознании, чтобы державшееся десятилетиями предпочтение высшего образования относительно СПО стало кардинально отступать? Наверное, здесь нет одного «волшебного» фактора, а существует совокупность факторов разной природы и связанных как с обществом (родительскими семьями школь-

ников, сдвигами на рынке труда и др.), так и с системой образования. На уровне семей ведущим было действие материального фактора, когда получение высшего образования уже не гарантирует высокой заработной платы [17, с. 20]. Вероятно, немалую роль в подобном выборе школьников и их семей играют территориальный и временной факторы, а именно: неравномерность распределения вузов и их филиалов по стране; резкое сокращение заочной формы обучения; различия в сроках обучения, когда в системе СПО за более короткое время учащиеся получали среднее общее и профессиональное образование [22, с. 57; 3, с. 99].

Еще одно объяснение, находящееся в русле тематики образовательного неравенства, состоит в том, что школьники хотели бы через СПО получить более гарантированный путь в систему высшего образования «девять классов – колледж – вуз», особенно школьники из семей с низким уровнем доходов [16, с. 41]. Среди экспертов этот путь получил название «обходного маневра». Однако отечественные исследования показывают, что такая транзитная траектория стала популярна и у школьников из семей со средним и высоким социально-экономическим статусом, особенно у тех из них, кто не планирует после СПО идти в вуз [22, с. 60–62].

Рост спроса на программы СПО сформировал еще два тренда. Первый состоит в том, что в системе СПО наряду с бюджетной формой обучения существует и платная форма, рост доли которой относительно бюджетной формы происходит несколько последних лет [22, с. 48]. Другой тренд связан с выпускниками 11-х классов, которые все больше оказываются перед выбором дальнейшей образовательной траектории: идти в вуз или в систему СПО. Растет доля выпускников 11-го класса, которые на стадии планирования образовательных траекторий выбирают систему СПО [17, с. 14]. Школьники и их родители достаточно быстро реагируют на сигналы рынка труда, например, на рост спроса на «мягкие» профессии, в которых роль барьера на попадание в профессию выполняет уже не столько диплом, сколько реальное владение конкретными профессиональными компетенциями и навыками [22, с. 61]. Это и меняет прежнее поведение части абитуриентов и их родителей.

Практика резильентных школ

Резильентные школы в контексте образовательного неравенства интересны сильным влиянием педагогических коллективов на учебные успехи детей. Их работа и взаимодействие с родителями школьников нивелирует действие классического фактора неравенства – равнодушного отношения родителей из менее обеспеченных семей к учебе детей. И хотя резильентные школы не широко распространены в отечественной системе среднего образования, результаты их деятельности интересны для темы статьи.

Внимание к резильентным школам проявляется уже не один год [23; 26]. В постсоветское время росла дифференциация людей по критерию материальной обеспеченности, в системе образования плодились платные

негосударственные образовательные учреждения, снижалось единообразие учебных программ и планов, велся поиск внебюджетных источников, что усиливало образовательное неравенство, давая преимущество одним группам и ущемляя интересы других социальных групп.

Какими характеристиками обладают резильентные школы? Как им удастся преодолеть влияния неблагоприятных социальных условий на учебные достижения детей? Все эти школы сталкиваются с примерно схожими условиями: 1) сложный контингент учащихся (из неполных семей, из семей этнических мигрантов); 2) низкий социально-экономический потенциал семей; 3) высокая доля родителей с низким уровнем образования; 4) проблемы кадрового обеспечения школ (недостаток квалифицированного педагогического персонала, низкая мотивация педагогов к совершенствованию преподавания) [27, с. 10; 5, с. 71]. Чаще всего в реальности описанные условия существуют в сочетании.

За счет чего резильентные школы показывают эффективный результат? Основными элементами стратегии таких школ стали следующие действия. *Во-первых*, поддержка интереса и активности к учебе, проходящая через учебные достижения, начиная с начальной школы. *Во-вторых*, наличие дифференцированного подхода к разным группам учащихся по выполнению образовательных задач, заполнение мероприятий внеурочного времени с привлечением к этому внешних стейкхолдеров (спортивные, музыкальные школы, дома творчества, библиотеки, клубы). *В-третьих*, формирование общей позитивной учебной культуры, когда школьников хвалят за проявленную настойчивость и старание. Педагоги помогают ученикам в извлечении опыта из их собственных неудач, например, посредством написания личностных эссе, в которых школьники описывают, как они справились с той или иной трудной ситуацией [5, с. 79–80; 23, с. 17–19].

Общей стратегией для всех резильентных школ становится участие родителей в школьных мероприятиях детей, что значительно повышает у последних учебные возможности [14, с. 105]. Наблюдения за родителями успешных учеников резильентных школ показали, что наряду с сопровождением детей в школы, родителям присущи и другие виды деятельности, а именно: регулярная проверка посещаемости занятий; анализ текущей успеваемости и мониторинг итоговых оценок; интерес к исследовательским проектам детей, контакты с педагогами, участие в классных и внеклассных мероприятиях [5, с. 75]. Эти виды деятельности более затратны по времени, но свидетельствуют о большей вовлеченности родителей в дела школ. Исследователи вводят новый термин «родительское вовлечение в образовательный процесс ребенка», реализуемое в разных школах с разной глубиной [5, с. 71].

Родители, вовлеченные в учебный процесс, в итоге формируют у части школьников даже планы на получение высшего образования после школы. В контексте образовательного неравенства участие родителей в учебных достижениях школьников резильентных школ может рассматриваться как своеобразный социальный механизм, который, с одной

стороны, помогает компенсировать недостатки системы образования, а с другой стороны, сокращает большие разрывы в учебных достижениях детей из семей с разным экономическим статусом и уровнем культурного капитала.

Отдельные исследователи резильентности понимают ее как мета-компетенцию, овладение которой необходимо студентам педагогических специальностей [23, с. 18]. Но нужно определиться, является ли такое понимание продолжением компетентностного подхода в педагогике, уже признанного почвой бюрократий и «бумажного геноцида» в образовании [36, с. 94–110].

В социологической интерпретации резильентные школы во-многом повторяют сложные, но в итоге успешные изыскания социологов в части оптимального взаимодействия школ с локальным сообществом [4, с. 154–185].

Цифровое неравенство

Исследования цифрового неравенства носят междисциплинарный характер, поскольку оно затрагивает все сферы общества. Социологический аспект проявился в изучении его уровней, причин и последствий.

В оценках цифрового неравенства выделились две противоположные точки зрения социологов на его динамику: 1) цифровое неравенство расширяется и 2) цифровое неравенство сокращается [35, с. 3]. Сторонники первой указывают на то, что цифровое неравенство принимает новые более тяжелые формы: закрепляет лидеров на рынках информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и создает глобальные монопольные информационные базы, замыкает создание товаров ИКТ в небольшом круге производителей. Сторонники второй точки зрения ссылаются на все большее использование ИКТ и расширение программ помощи индивидам в освоении ИКТ [35, с. 6]. Но те и другие признают цифровой разрыв фактором социального неравенства, понимая под ним неравное владение ИКТ и цифровыми ресурсами, и, соответственно, неравное участие граждан в жизни общества [10, с. 160].

Социологи выделили три уровня цифрового разрыва: *первый* включает наличие доступа к Интернету и ИКТ; *второй* – способность эффективно использовать ИКТ; *третий* связан с жизненными шансами индивидов в использовании ИКТ [9, с. 109–113]. Если проанализировать каждый из выделенных уровней, то данные исследований и статистики показывают, что на первом уровне неравенство сильно проявляется между регионами (цифровой регионализм), дифференцируя их на «продвинутые в цифре» и «отсталые» [6, с. 66], особенно по скорости и стоимости доступа в Интернет [9, с. 109].

По поводу навыков пользования ИКТ (второй уровень цифрового неравенства) социологи находят корреляцию неравенства с социально-демографическими характеристиками – доходом, полом, возрастом. Владение

навыками ИКТ снижается с возрастом, в слоях с низким экономическим и образовательным уровнями. Женщины меньше, чем мужчины, пользуются Интернетом [9, с. 112]. В отсталых с цифровой точки зрения регионах низкая грамотность части населения в ИКТ выражается в использовании сети Интернет в основном для межличностного общения, в то время как в «продвинутых в цифре» регионах ее используют для получения услуг, совершения покупок, проведения финансовых операций [6, с. 68].

Наиболее специфичным является третий уровень, особенность которого состоит в сложности измерения жизненных шансов людей, поскольку в его границах остаются «... пожилые люди, граждане с низкими доходами или низким уровнем образования, которые по-прежнему борются за доступ к ресурсам Интернета» [9, с. 113].

Как цифровой разрыв проявляется в системе образования? Данные опроса 2019 г. по теме «Медиакомпетентность школьника и педагога», проведенного среди школьников и учителей в десяти городах Приволжского федерального округа, показали наличие этого разрыва, а именно: высокие показатели цифровой грамотности и медиапотребления у учащихся и, напротив, низкие – у части педагогов, что фиксировалось социологами в повседневных практиках и в профессиональной деятельности учителей [8, с. 389–390]. Социологи указывают на наличие цифрового разрыва двух поколений и информационного барьера, затрудняющего взаимодействия «учитель – ученик». Реальное преодоление разрыва возможно через систему повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов [8, с. 390].

Если рассматривать вузовскую систему, то социологи отмечают дифференциацию вузов по уровню развития всех компонентов IT-инфраструктуры, а именно доступа к высокоскоростному Интернету, обеспечения преподавателей мультимедийным оборудованием и ПК в расчете на одного обучающегося, что связано с региональным неравенством [18, с. 29].

Указанные аспекты цифрового неравенства, особенно в рамках второго и третьего уровней, указывают на опасность его наследственного характера, влияния на возможности в сфере труда и при получении социальных услуг, углубление социального расслоения и дезинтеграции общества, переход их в новые более тяжелые формы.

Заключение

Материалы исследований показывают, что в современных условиях неравенство в российском образовании не исчезает, все описанные нами факторы сохраняются, как и в 1990-е гг. Пессимизм авторского вывода подкрепляется трендами цифрового разрыва, что ограничивает для части групп овладение «знаниевыми ресурсами», формируя новые социальные тупики. Однако, насколько активно и глубоко социальные группы, не сумевшие преодолеть цифровые и образовательные барьеры, будут противостоять груп-

пам, обладающим возможностями, будет ли выражаться и в каких формах противостояние «успешных» и «неуспешных» групп, ответить пока сложно. Но закономерно то, что это противостояние будет выступать основой новых и старых, еще в марксистском понимании, форм отчуждения.

Другой вывод состоит в том, что в меняющейся реальности отдельные социальные группы изменяют свои предпочтения, играя по еще слабо формализованным новым правилам, связанным с неодинаковыми уровнями образования. В обществе растет доля людей, отрекающихся от распространённой еще десятилетие назад идеи о высших уровнях образования для детей из семей с высоким социально-экономическим статусом и уровнем образования родителей. Поведение таких групп в сфере образования требует дальнейшего внимания социологов.

Еще один вывод может состоять в том, что в России XXI в. необходимо не только изучать процессы неравенства в образовании, но и управлять ими, например, на уровне региональной и школьной образовательной политики, с целью минимизации влияния неравенства на образование и общество. Одна из опасностей игнорирования такого управления состоит в том, что образовательная политика, ориентированная только на запросы отдельных социальных групп и слоев или требования рынка труда может оставить тематику образовательного неравенства «за бортом». Направленность образовательной политики на качественные изменения должна вести к сокращению образовательного неравенства во всех его формах и на всех уровнях.

В данной статье не удалось показать механизмы работы все факторов образовательного неравенства в силу многообразия их проявлений. Но авторы надеются, что в поле зрения читателя попал основной массив современных отечественных исследований.

Библиографический список

1. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391–421. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603; EDN: NBXFVU.
2. Викторов А. Ш. Поворот к неравенству в мире как вызов глобальной социологии // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 21–29. EDN: TNESXR.
3. Гаспаршвили А. Т. Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников ссузов // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2016. № 16 (1). С. 92–110. EDN: VNVPTF.
4. Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблем в сфере образования / Под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород: НовГУ; М.: Журнал РАН «Социологические исследования», 2015. 300 с. EDN: YТJYRP.

5. Гошин М. Е., Пинская М. А., Григорьев Д. С. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 70–83. DOI: 10.31857/S013216250012685-6; EDN: RJIVCU.

6. Грошев И. В. Красноблодцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78. DOI: 10.31857/S013216250009390-2; EDN: PLVOPV.

7. Епихина Ю. Б. Стратификационные исследования: между прошлым и будущим // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 20–25. DOI: 10.31857/S013216250003998-0; EDN: ISIKZE.

8. Ефанов А. А., Буданова М. А., Юдина Е. Н. Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 382–393. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393; EDN: FRIAYR.

9. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120; EDN: VUHAGN.

10. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Возможно ли цифровое равенство? (О книге Я. Ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164. DOI: 10.31857/S013216250009459-7; EDN: IMRGSO.

11. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Динамический анализ неравенства достижений и возможностей в российском школьном образовании // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250013781-2; EDN: CPKQWK.

12. Керша Ю. Д. Социально-экономическая композиция школы как фактор воспроизводства неравенства в образовании // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 85–104. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-4-85-112; EDN: YSAERX.

13. Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 71–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92; EDN: IQZBYI.

14. Константиновский Д. Л. В поисках источника образовательного неравенства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 98–111. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8609; EDN: ZFDHLB.

15. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 125–133. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491; EDN: FGRZUS.

16. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–43. DOI: 10.7868/S0132162518030030; EDN: LAYWBV.

17. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26; EDN: MТХВUВ.

18. Костина С. Н. Готова ли инфраструктура региональных вузов к решению задач цифровой трансформации? // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 14–32. DOI: 10.15826/упра.2021.03.024; EDN: KGZСMU.

19. Косякова Ю., Ястребов Г. и др. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5(88). С. 76–97. EDN: YRHHFT.

20. Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 115–135. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.1923; EDN: AYRZBK.

21. Макарова М. Н., Вострецова Ю. В. К проблеме взаимодействия субъектов образовательного процесса // Вестник Удмуртского ун-та. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 1. С. 55–65. EDN: LBDLIZ.

22. Мальцева В. А., Сальникова И. Е., Шабалин А. И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 45–66. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2090; EDN: HSCAZW.

23. Муравьева А. А., Олейникова О. Н. Недооцененная компетенция или педагогические аспекты формирования резильентности // Казанский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 16–20. EDN: YLNKFV.

24. Осипов А. М., Матвеева Н. А. Институциональные барьеры и механизмы доступности образования: концепция и региональная динамика // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 37–48. EDN: UCFNXB.

25. Полякова Н. Л. Новое социальное неравенство. От общества среднего класса к биполярному обществу // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2020. № 26(4). С. 7–34. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34; EDN: GMYRIR.

26. Полякова Н. Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28. EDN: TRMPWJ.

27. Райхельгауз Л. Б. Резильентность образовательных результатов как новый принцип современной дидактики // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4(109). С. 8–14. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446; EDN: DTKZYD.

28. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 61–71. DOI: 10.31857/S013216250009480-1; EDN: IBLGQK.

29. Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33; EDN: АЕССFC.

30. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. В. Ефременко, П. П. Кротов. М.: ИНИОН РАН, 2012. 232 с.

31. Социология образования: уч. и практ. для вузов / Под ред. А. М. Осипова. 2-е изд., доп. и пер. М.: ЮРАЙТ, 2023. 424 с. EDN: VZMRDY.

32. Тривенти М., Скопек Я. и др. Дифференциация в среднем образовании и социальное неравенство образовательных возможностей: результаты крупномасштабного международного сравнения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5(88). С. 54–75. EDN: YRNHEZ.

33. Филиппова А. Г., Высоцкая А. В. Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора // Вестник Института социологии. 2019. № 4(10). С. 150–163. DOI: 10.19181/viz.2019.31.4.610; EDN: VFЕAWA.

34. Филиппова А. Г., Высоцкая А. В. Исследование систем общего среднего образования в регионах России: метод «серого ящика» // Регионоведческие исследования. 2018. № 1(102). Т. 26. С. 155–178. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178; EDN: YUSIBF.

35. Шабашев В. А., Щербакова Л. Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 3–12. EDN: WMAEGZ.

36. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А. М. Осипова; РНФ. Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт», 2020. 351 с. EDN: MSNLLC.

37. Эфендиев А. Г., Резкий С. Д. Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25(2). С. 176–213. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.8; EDN: SSFLJZ.

Получено редакцией: 13.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвеев Вячеслав Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, заведующий лабораторией социологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Большаков Алексей Юрьевич, кандидат технических наук, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.11

Reproduction of INequality in Russian EDucation: State and Prospects of Research¹

Vyacheslav V. Matveev

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Vyacheslav.matveev@novsu.ru

ORCID: 0000-0001-9355-4894

Alexey Yu. Bolshakov

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ex_lop@mail.ru

For citation: Matveev V. V., Bolshakov A. Yu. Reproduction of inequality in Russian education: state and prospects of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.11; EDN: ZFTZUH.

Abstract. The article analyses the factors of inequality in Russian education based on the materials of modern sociological research. The data show that inequality in education tends to reproduce in two basic forms: a) unequal educational opportunities for different groups of students; b) unequal educational results. Within the framework of both forms there are factors (barriers) of inequality that prevent individuals from getting education. In the article, such factors of inequality include: a) grouping of students into different educational streams based on test results and academic performance, when such grouping is called tracking; b) specific attitudes of teachers towards students from different social groups, that can lead to a biased assessment of the educational achievements of schoolchildren; c) regional differences in the activities of educational institutions, that is associated with the type of settlements and their economic development; d) differences in family structures, among which are the quantitative size of the family, the order of birth of children, whether the family is complete or not; e) the value attitude of parents from different social strata to the education of their children; f) gender stereotypes during education, which subsequently lead to a gender imbalance in the professional structure in society; g) the development of students' linguistic abilities, when children from different social strata express their knowledge and experience differently, which is reflected in educational grades and performance. New forms of inequality are emerging, such as digital inequality, the development of which increases social inequality. The development of information technology, IT-technologies leads to the emergence of new forms of digital inequality, including in cities and among the staff of the education system itself. The negative role of educational inequality for modern Russian society is shown, that can manifest itself in the weakening of solidarity of communities and groups of Russian society. Practices of overcoming the influence of inequality factors in education are presented, using the examples of schools operating in unfavourable socio-economic conditions (resistant schools). Empirical data on the increase in the number of young people from economically advantaged strata of the population entering the system of secondary vocational education are also analysed. The specificity of the considered factors of inequality in education strengthens the research attention to them.

Key words: educational inequality, factors of inequality in education, educational trajectory, educational policy, tracking

References

1. Bogdanov M. B., Malik V. M. How do social, territorial and gender inequalities combine in the educational trajectories of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3: 391–421 (in Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603; EDN: NBXFVU.
2. Viktorov A. Sh. The Turn to Inequality in the World as a Challenge to Global Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 2: 21–29 (in Russ.). EDN: TNESXR.
3. Gasparishvili A. TCareer and technical education system: Estimates and opinions of the graduates. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2016: 16(1): 92–110 (in Russ.). EDN: VNVPTF.
4. Global sociology of education: foreign experience in solving social problems in education. Ed by A. M. Osipov. Velikiy Novgorod: NovGU; Zhurnal RAN «Sociologicheskie issledovaniya», 2015: 300 (in Russ.). EDN: YTJYRP.

¹ Research was supported by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation, grant 23-28-10010.

5. Goshin M. E., Pinskaya M. A., Grigoryev D. S. Forms of parental participation in education in different types of schools. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 5: 70–83 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250012685-6; EDN: RJIVCU.
6. Groshev I. V. Krasnoblodtsev A. A. Digitalization and creativity of Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 66–78 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009390-2; EDN: PLVOPV.
7. Epikhina Yu. B. Stratification research: between past and future. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 2: 20–25 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250003998-0; EDN: ISIKZE.
8. Yefanov A. A., Budanova M. A., Yudina E. N. Digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2020: 20(2): 382–393 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393; EDN: FRIAYR.
9. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Prospects of the Russian information society: Digital divide levels. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2019: 19(1): 108–120 (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120; EDN: VUHAGN.
10. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Is digital equality possible? (“The Digital Divide” by J. van Dijk)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 10: 158–164 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009459-7; EDN: IMRGSO.
11. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Dynamic analysis of achievement and opportunity inequality in Russian school education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 9: 54–64 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013781-2; EDN: CPKQWK.
12. Kersha Yu. D. Socio-economic composition of the school as a factor in the reproduction of inequality in education. *Voprosy obrazovaniya*, 2020: 4: 85–104 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2020-4-85-112; EDN: YSAERX.
13. Klyachko T. L., Semionova E. A., Tokareva G. S. Success and failure of schoolchildren: parents’ expectations, teachers’ assessment. *Voprosy obrazovaniya*, 2019: 4: 71–92 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92; EDN: IQZBYI.
14. Konstantinovskiy D. L. Searching of a source of educational inequality. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9(4): 98–111 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8609; EDN: ZFDHLB.
15. Konstantinovskiy D. L. Overcoming Barriers in Education: Research and Social Practice. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2020: 8(3): 125–133 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491; EDN: FGRZUS.
16. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Russian Secondary Professional Education: Demand and Specificity of Choice. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 34–44 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030030; EDN: LAYWBV.
17. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2020: 29(2): 6–26 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26; EDN: MTXBUV.
18. Kostina S. N. Is the infrastructure of regional universities ready for solving the problems of digital transformation? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2021: 25(3): 14–32 (in Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2021.03.024; EDN: KGZCMU.
19. Kosyakova Y., Yastrebov G. et al. The Reproduction of social inequality in the Russian educational system. *Zurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2016: XIX: 5 (88): 76–97 (in Russ.). EDN: YRHHFT.
20. Lebedeva N. V., Vilkova K. A. Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 3: 115–135 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.1923; EDN: AYRZBK.
21. Makarova M. N., Vostretsova Yu. V. K probleme vzaimodejstviya sub'ektov obrazovatel'nogo processa [On the problem of interaction between the subjects of the educational process]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2010: 1: 55–65 (in Russ.). EDN: LBDLIZ.
22. Maltseva V. A., Salnikova I. Y., Shabalin A. I. Vocational School Instead of a University: What Brings Successful Eleventh-Graders to Vocational Education? *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 3: 45–66 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2090; EDN: HSCAZW.
23. Muraveva A. A., Oleynikova O. N. Under estimated competence or pedagogical aspects of developing resilience. *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal*, 2017: 2: 16–20 (in Russ.). EDN: YLNKFFV.

24. Osipov A. M., Matveeva N. A. Institutional Barriers and Mechanisms of Education Accessibility: Concept and Regional Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 7: 37–48 (in Russ.). EDN: UCFNXX.
25. Polyakova N. L. The new social inequality. From middle class society to bipolar society. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*, 2020: 26: 4: 7–34 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34; EDN: GMYRIR.
26. Polyakova N. L. Social inequality in sociological theories of the second half of 20th century. Forging a constructivist perspective. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*, 2015: 1: 5–28 (in Russ.).
27. Raikhelgauz L. B. Resistance of educational results as a new principle of modern didactics. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2019: 4(109): 8–14 (in Russ.). DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10446; EDN: DTKZYD.
28. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Life success and the chances of achieving it in the views of residents of the Russian provinces. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 6: 61–71 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009480-1; EDN: IBLGQK.
29. Rogovaya A. V., Levchenko N. V. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2020: 4: 23–33 (in Russ.). DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33; EDN: AECCFC.
30. Sorokin P. A. Obshchestvo, kul'tura i lichnost': Ikh struktura i dinamika. Sistema obshchej sociologii [Society, culture and personality: Their structure and dynamics. System of General Sociology]. Rep. ed. D. V. Efremenko, P. P. Krotov. Moscow, INION RAN, 2012: 232 (in Russ.).
31. Sociology of education: textbook and workshop for universities. Ed. By A. M. Osipov. Moscow, Yurait, 2022: 424 (in Russ.). EDN: BZMRDY.
32. Triventi M., Skopek J. et al. Differentiation in Secondary Education and Social Inequality in Educational Opportunities: Result of a Large-Scale International Comparison. *Zurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2016: XIX: 5(88): 54–75 (in Russ.). EDN: YRHHEZ.
33. Filippova A. G., Visotskaya A. V. Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotsiologii*, 2019: 4(10): 150–163 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610; EDN: VFEAWA.
34. Filipova A. G., Vysotskaya A. V. Studying General Secondary Education Systems in the Regions of Russia: the «Gray Box» Method. *Regionologiya*, 2018: 26: 1(102): 155–178 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178; EDN: YUSIBF.
35. Shabashev V. A., Shcherbakova L. N. Trends in digital equality/inequality in the modern world. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 9: 3–12 (in Russ.). EDN: WMAEGZ.
36. School in paper abyss: the crisis of information flows in education: a collective monograph. Ed. A. M. Osipov; RSF. Veliky Novgorod, Vikont, 2020: 351 (in Russ.). EDN: MSNLLC.
37. Efendiev A., Rezkiy S. Social inequality of employed Russian youth: factors and mechanisms of formation and development. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2022: 25(2): 176–213 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.8; EDN: SSFLJZ.

The article was submitted on: April 13, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav V. Matveev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department philosophy, cultural studies and sociology, head of the laboratory of sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Alexey Yu. Bolshakov, Candidate of Technical Sciences, Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2024. Том. 15. № 1 Дата выхода в свет 30.03.2024.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>